

Ольга Тусейнова

Второй шанс
для Юмми

Annotation

Огонь любви растопит стены, твердыни холода и тьмы, И силе покорится слабость, когда сгорев до тла У правящего Дрийя воспыхает сердце. Иного нет пути и нет спасенья Для тех, кто проклят был, Как только в это пламя окунуться И добровольно правящим его признать! И тот, кто в пламени сгорел хоть раз Способен будет жизнь другому дать. Разгадай загадку другого мира и возможно получишь шанс, изменить судьбу и если не свою, так чужую. Или обрести то, о чем раньше не смела даже мечтать.

Над землей летели лебеди
Солнечным днем.
Было им светло и радостно
В небе вдвоем,
И земля казалась ласковой
Им в этот миг...
Вдруг по птицам кто-то выстрелил,
И вырвался крик:

Что с тобой, моя любимая?
Отзовись скорей.
Без любви твоей
Небо все грустней.
Где же ты, моя любимая?
Возвратись скорей,
Красотой своею нежной
Сердце мне согрей.

В небесах искал подругу он,
Звал из гнезда,
Но молчанием ответила
Птице беда.
Улететь в края далекие
Лебедь не смог,
Потеряв подругу верную,
Он стал одинок.

Ты прости меня, любимая,
За чужое зло,
Что мое крыло
Счастье не спасло.
Ты прости меня, любимая,
Что весенним днем
В небе голубом, как прежде,
Нам не быть вдвоем.

И была непоправимою
Эта беда,
Что с любимою не встретится
Он никогда.
Лебедь вновь поднялся к облаку,
Песню прервал.
И, сложив бесстрашно крылья,
На землю упал.

Я хочу, чтоб жили лебеди,
И от белых стай,
И от белых стай
Мир добрее стал.

Пусть летят по небу лебеди
Над землей моей,
Над судьбой моей летите
В светлый мир людей.

Дементьев Е. "Лебединая верность"

Эти строчки, позволили моему вдохновению, написать для вас эту историю. Но она не будет так печальна как эта песня, хотя надеюсь, что-то затронет в вас хорошее!

Ветер хлестал в лицо, солнце слепило глаза и сердце грозило выпрыгнуть из груди от небывалого, ничем незамутненного счастья полета. Я парила в непередаваемой голубизне неба и яркое летнее солнце, играя на моем оранжевом костюме, заставляло в радостной улыбке раздвигаться губы. Я люблю солнце, жить без неба не могу и с ума схожу от этого ощущения легкости и счастья, которые дарует мне полет.

Земля неумолимо приближалась, сделав еще один кульбит и поймав теплый воздушный поток, дернула за кольцо, выпуская наружу такого же оранжевого цвета парашют, как и мой костюм. В этот раз, довольно мягко приземлившись на вытоптанном тысячами ног поле спортивного клуба, куда я хотя бы раз в квартал приходила, чтобы получить новую порцию адреналина от полета, домой уже не ехала, а скорее летела как на крыльях. Жаль, что подобное ощущение не может длиться вечно, а только в лучшем случае неделю, если за это время не испортит настроение, какая-нибудь хамоватая кракозябра.

Уже на подъезде к Москве решила на авантюру и поехала не домой, а к своему другу. С Михаилом я встречалась последние два года, и хотя наши отношения, скорее можно было бы охарактеризовать как вялотекущие, но все же мы довольно хорошо понимали друг друга и неплохо дополняли. У нас были схожие интересы, вкусы и даже друзья общие. С Михой мы были знакомы еще с детского сада, и когда я, наконец, была готова к тому, чтобы завести отношения со второй половиной человечества и расстаться со своей невинностью, именно он стал тем мужчиной, которому я смогла доверить столь большую ответственность. Хотя если уж говорить совсем честно, то среди моих знакомых, только он оказался самым интересным и, главное, хотя бы на пару сантиметров выше меня ростом. Вообще, женщине очень сложно жить в мире, где мужики с каждым годом становятся все ниже, а женщины — все выше. Вот и мне с моим метр восемьдесят большую часть времени приходилось взирать на всех с высоты своего роста, рассматривая часто встречающиеся лысоватые мужские макушки. Как при таких обстоятельствах можно вообще думать об отношениях, а тем более о сексе? Именно поэтому, встретив вернувшегося после армии Мишку, который добровольно сдался военкомату сразу после окончания университета и честно отдал свой долг родине, вцепилась в него руками и ногами. И по фигу, что любви нет и уже, скорее всего, не будет. Я в нее не верю! Жизнь научила, а профессия доказала. Я закончила геолого-географический факультет технического университета и даже успела поработать на севере по специальности, в поисках полезных ископаемых, и в паре компаний на должности инженера. Где бы я ни работала, мужчины открывались с не слишком хороших сторон. Ни тебе верности, ни тебе учтивости или вежливости к моему "слабому полу". Общая мысль так и светилась в их глазах: "Уж если полезла учиться и работать в мужскую сферу, то получай по полной и не жалуйся. За что боролась, на то и напоролась."

Три года скитаний на севере, и я с поджатым хвостом вернулась домой. Благодаря знакомым устроилась в компанию, где требовались мои знания и умения, а главное, желание работать. И далее о большой и чистой даже не мечтала. Изредка встречалась с Мишкой и уже даже пару раз задумалась о том, что может согласиться на его предложение руки и сердца, завести семью, наконец. Вот, например, как моя тетка Вера. Тридцать восемь лет она искала на родине мужчину своей мечты, пока по интернету чисто случайно не познакомилась с одним немцем, Гердом Штольхомцем. Так этот чисто арийский красавец

уже через неделю обивал порог ее затрапезной квартирki в Переделкино и заваливал цветами весь подъезд, в надежде не упустить такое сокровище. Которое готовит, убирает, искренне любит и неистово заботится о тех кого любит. И вот уже полгода она счастлива замужем и зовет меня в гости. Вспомнив про Веру, я ощутила тепло в сердце. Не смотря на разницу в возрасте двенадцать лет, мы являлись самыми близкими подругами на свете.

Подъехав к дому Мишки и задрав голову, выглядывая его окна на пятом этаже, заметила свет в окне. Значит мой друг дома, и это радовало, ведь он не знает, что я уже в Москве и не ждет. Устрою ему сюрприз — приятный вечер с интимом. Лифт остановился на нужной площадке и, подойдя к двери, я неожиданно почувствовала как тревожно сжимается сердце. Недовольно отодвинув беспричинную тревогу, позвонила в дверь и натянула на лицо радостную улыбку. Но как только свет из квартиры осветил мрачную полутемную площадку подъезда, улыбка медленно стекла с моего лица. Передо мной стояла, цепляясь тоненькими ручками за дверной косяк, сильно пьяная девушка с белобрысой растрепанной макушкой, ростом мне едва до ключиц и косенько смотрела на меня.

— Ик! Привет! Ты кто?

Я в недоумении осмотрела этого тощего цыпленка в Мишкиной футболке и осторожно, чтобы нечаянно не причинить увечья, отодвинула ее в сторону, проходя в квартиру. Из ванной доносился рев, который Мишка искренне считал пением и шум воды, внезапно оборвавшийся вместе с голосом. Через несколько секунд он появился передо мной, обмотанный полотенцем, которое неуверенно держалось на его бедрах. Вода все еще скатывалась по волосатой груди, и на меня он смотрел своими голубыми глазами, в которых шок от внезапной встречи, сменился на чувство вины, легкий страх и как это ни странно — болезненное облегчение. Наше обоюдное молчание прервал голос цыпочки, которая по стеночке добралась до Мишки и буквально повисла на нем, обхватив его за руку.

— Любимый, а это кто воще такая, а? Сестра, да? Вы так похожи!

Я горько усмехнулась, признавая ее правоту. Нам очень часто говорили, что мы с Мишкой очень похожи. Оба высокие, голубоглазые брюнеты и вкусы одинаковые, а вот как оказалось, что вкусы-то у нас все-таки различаются? Я сглотнула, прочищая горло, и хрипло спросила молчаливо стоящего Миху.

— И давно... Это у вас?

Боль в его глазах усилилась и зрачки расширились, практически поглотив радужку. Он непроизвольно прижал цыпленка к себе, будто в попытке защитит. Это еще больше добило меня, заставив практически задохнуться от несправедливости ко мне.

— Месяц! Я люблю ее, Юль! Прости меня, если сможешь. Я хотел тебе все рассказать, но как видишь, не успел. Я меньше всего на свете хотел, что бы ты узнала об этом таким образом. Не смотря ни на что я считаю нас друзьями, и после всего, что между нами было, смогли бы ими остаться.

Я смотрела на него, все еще не веря, а мозг бесстрастно оценивал мою замену. Мы как небо и земля — абсолютно разные. И самое странное, что именно сейчас вспомнила претензии Михаила ко мне. Столько раз он упрекал меня в том, что я слишком независимая, слишком сильная, слишком гордая и часто смотрю на людей свысока, не прощая им маленьких ошибок или слабостей. И вот теперь он нашел именно такую, какую хотел. Маленькую, хрупкую, слишком слабую и легко управляемую особу. Но при этом не хочет потерять меня как друга, ведь он столько раз говорил, что я его озорной путеводный луч в темном царстве. Всегда найду выход из скуки и серости его бытия. Еще раз окинув сладкую

парочку уже презрительным взглядом, почувствовала, что меня не просто заменили, а скорее предали как друга и как будто помоями облили. Больно и грязно на душе. Я не сказала ни слова, просто задрала повыше подбородок и, круто развернувшись, быстро вышла из этой квартиры и из старой жизни. Своей прежней жизни с Мишкой. Уже чужим для меня Мишкой.

Подъезжая к дому и паркуясь возле подъезда, с удивлением поняла: больше всего злюсь даже не на Мишку, а на общую тенденцию моей жизни, она не изменилась. Я средний ребенок в семье, второй из трех. Своего первенца Глеба мама с папой просто боготворили, хотя по большому счету не за что было. С горем пополам он занимался мелким бизнесом по принципу купи-продай, был женат и к тридцати двум годам имел уже двух отпрысков, в которых бабушка и дедушка души не чаяли. Был до мозга костей прагматичным, мелочным и страдал снобизмом.

Мое появление на свет почти двадцать пять лет назад вначале очень взбудоражило родителей. Я купалась в их любви и обожании, пока мне не исполнилось шесть и родители не произвели на старости лет (это я так полагаю) младшую сестру Веронику, которая полностью переключила их внимание и любовь на себя. Я же стала скорее нянькой при самой младшенькой и довольно слабенькой сестренке, а также бесплатной домработницей при немолодых родителях. Свои обиды и боль от их невнимания я запрятала глубоко внутри и с радостью занималась сестрой, но очень скоро меня сменили на подружек, больше подходящих ей по возрасту и интересам. И я снова осталась одна.

Мне повезло, тетка Вера, как-то раз заехав к своей сестре (моей маме) и заметив все нюансы нашей семейной жизни, забрала меня жить к себе. И с этого момента жизнь изменилась, наполнившись смыслом, заботой и нерастраченной любовью незамужней и бездетной тетки. Я платила ей тем же. Живя с ней, я с отличием закончила школу, поступила в университет и научилась быть не серым, ни кем не замечаемым призраком, а уверенной в себе женщиной, на которую обращают внимание мужчины и которая всегда и везде может сама позаботиться о себе. Однако, как показал сегодняшний вечер, мужчинам такие не нужны! Но ведь и я по-другому не умею. Меня этому не научили! Не научили безраздельно доверять кому-либо, давать кому-то возможность брать решение моих проблем на себя. Меня учили заботиться о других, защищать своих близких и решать их проблемы. А свои проблемы я решала сама, иногда борясь со страхом и болью в сердце. Так надо, значит, я все решу. Я сильная, я справлюсь. Упав на рулевое колесо, зарыдала, выплескивая боль от очередного предательства близкого человека, от одиночества и обиды. Все! Мне все надоело и душа требует сочувствия и сострадания. Спасительная мысль сформировалась довольно быстро и четко, как всегда отринув наносное и сиюминутное, и выстроив четкий план. Как только закончатся выходные, начну оформлять шенген, созвонюсь с Верой и обрадую, собираюсь к ней в гости, под ее теплое крылышко и главное, не забыть оформить отпуск за свой счет. Ничего страшного, даже если уволят с работы. Сил работать или просто оставаться жить в Москве больше нет!

Глава 1

Прошла пограничный контроль и, осмотревшись вокруг, наконец нашла свободное место. До объявления посадки ждать еще минут сорок, лучше удобнее устроиться в кресле и повертеть головой. Пара китайцев неподалеку обсуждала свои дела, немцы, сидящие наискосок от меня, довольно демонстрировали друг другу военные шапки-ушанки, от чего у меня непроизвольно появилась насмешливая улыбка. Потом почувствовала, что сама стала объектом изучения и, повернув голову, уставилась на девушку, сидящую напротив. Очень красивая шатенка с потрясающими желто-кариими глазами, также искренне забавляясь, беззвучно смеялась, поглядывая то на немцев, то на меня, предлагая разделить с ней веселье. Искренность и доброта ее улыбки располагали проникнуться к ней симпатией, и я улыбнулась в ответ.

— Вы тоже в Берлин? — спросила девушка.

— Да! К тетке еду в гости.

Перекинувшись парой фраз, мы на минуту замолчали, и в этот момент объявили о начале посадки на наш рейс. Зайдя в салон самолета, с облегчением увидела как рядом со мной садиться эта девушка. Пока все остальные пассажиры проходили дальше по салону, мы с ней заговорили ни о чем, предварительно представившись друг другу. Оказалось, мою соседку зовут Алевтина, коротко — Алев. Наш недолгий разговор неожиданно прервался. В последний момент перед закрытием дверей в салон закатили небольшую коляску для перевозки инвалидов, и высокий солидный мужчина помог хрупкой болезненного вида девушке пересесть из коляски в кресло. В ее тонких синюшных руках находился небольшой кислородный баллон, к которому с помощью трубки крепилась маска, закрывающая нижнюю часть ее лица. Как только она оказалась в кресле, быстро окинула карими любопытными глазами всех пассажиров бизнес-класса, в котором у нас с Алев были места, и с горящим в них энтузиазмом уставилась на нас, а заметив наше ответное любопытство, начала разговор первой.

— Привет, меня зовут Елена Севастьянова. Еду на операцию, надеюсь ее благополучно пережить.

Она сказала это с легкой усмешкой, но мы с Алев в первую секунду не смогли сдержаться и нахмурились, сочувствуя и сожалея, хотя быстро взяли себя в руки и, улыбнувшись в ответ, по очереди представились. Я начала первая.

— Привет, меня зовут Юлия Крымова, я в гости к тетке лечу, она недавно замуж за иностранца вышла.

Я постаралась веселой задорной усмешкой сгладить первые секунды неловкости. После меня представилась Алев, сверкнув огромными раскосыми, потрясающей красоты, золотисто-коричневыми глазами.

— Привет, меня зовут Алев Штерн, я лечу в Германию, потому что там возможно живут мои биологические родители. Я сирота и уже много лет ищу своих родителей, возможно немцы, с которым лечу, они и есть. Кроме имени и фамилии ничего не помню о себе!

Мы с Леной с сочувствием посмотрели на Алев. И хотя я не могла похвастаться тем, что моя большая семья любит меня, но все равно они мои родные и близкие люди, и чтобы не случилось, я люблю их и всегда приду на помощь, если потребуется. Уверена, что они

сделают тоже самое для меня. Я непроизвольно пожала ладонь Алев, делясь с ней своим сочувствием, пониманием и теплом. А потом мы с Леной плавно переключили разговор на мелочи, после того, как она смогла коротко пообщаться со своим врачом, интересующимся ее самочувствием. Выяснив кто где остановиться в Берлине, мы только на секунду замолчали, как неожиданно начался кошмар любого пассажира самолета, который он воображает себе перед полетом.

Все началось с оглушительной тишины, потом раздался странный хлопок и выпали оранжевые кислородные маски, от чего на голове волосы встали дыбом. Резкий душераздирающий вопль, заставший Алев схватить Лену за руку, а меня — саму Алев, словно разрезал общую тишину надвое. А затем нас накрыл шквал огня, который всего за мгновение опалил нестерпимой болью, а затем — темнотой.

Боль исчезла так же внезапно как появилась и забрала с собой тьму. Вместо нее меня окружала сплошная серая муть. Тела не было, только сплошной клубок чувств, страхов и эмоций. И этот клубок, мой клубок, болтался не понятно где и как. Меня куда-то потянуло и я в шоке почувствовала-увидела других, таких же как я неприкаянных, хотя каким образом это можно видеть или чувствовать, не имея тела, лично мне было не понятно, но эти самые другие тепло сверкали и искрились подобно маленьким серебристым искоркам, что я непроизвольно потянулась к ним. Подплыв поближе, сердцевиной своего клубка поняла, что это Алев и Лена, прижалась к ним в поисках тепла и уверенности хоть в чем-то. Мы слились в единую искру и поплыли в общем потоке, устремленном к постепенно расширяющейся светлой точке, в который все время кто-то еще вливался, выныривая из серого ничто.

Я чувствовала дикий непередаваемый ужас от этого пустого бессмысленного скольжения и, судя по нарастающему напряжению внутри нашего тройственного союза, мои невольные спутницы чувствовали тоже самое. Было обидно, что моя жизнь закончилась вот так. Ничем и никак. Будто я призрак, незаметно появилась и так же незаметно для всех исчезла, ни чего не испытав, не изведав, ни сделав толком ни чего действительно полезного и хорошего, не любя и даже не ненавидя. Я не знала и не испытывала сильных эмоций, а ведь так хотелось, чтобы кто-нибудь любил, холил, лелеял, нуждался именно во мне. Чтобы самой хоть раз в жизни очнуться от этого серого безликого сна и почувствовать себя живой. Лишь полет дарил кратковременный взрыв чувств и эмоций, но и их хватало только на неделю, не больше, с каждым днем утрачивая яркость красок и ощущений, покрывая душу пылью тоски и одиночества. Боже, как обидно, что все так закончилось, и нет второго шанса все исправить, изменить.

Терзания моей души прервали рывки Елены, которая неистово боролась с общим течением, в попытках вырваться из общей массы. Сначала я поддержала ее попытки просто из чувства солидарности, а потом, сама заразившись ее стремлением к свободе, начала рвать эти путы, сковывавшие нас всех, толкаясь из стороны в сторону и вырываясь прочь из этой реки неприкаянных душ. Когда мне показалось, что мы не сможем вырваться, лопнули последние нити и мы, словно пробка из бутылки шампанского, вылетели наружу, тут же потеряв из виду всеобщий поток. Так неожиданно и вместе с тем страшно внезапно оказаться в темноте, хоть она и была странно прозрачной. Мы медленно плыли сквозь нее, слабо озаряя вокруг светом своих потерянных душ.

Это мистическое путешествие, казалось, длится бесконечно. Наши мерцающие души скитались среди туманных пятен миров, а ощущение безвременья и одиночества все плотнее окружало со всех сторон. Времени здесь нет, и мы бы вряд ли смогли определить сколько

вот так парили, пока неожиданно вдаль не увидели странное скопление огромных ярких звезд, словно шары нанизанных на невидимую нить. Они выглядели как блестящее ожерелье. Подплыв к ним поближе, мы застыли, замороженные сиянием, недоступным для нас и нашего понимания, в попытке понять что же это такое.

Вдруг темнота вокруг нас сгустилась, превратившись в чернильное пятно, причем явно ощущалось, что оно живое. Рядом с ним расплылось яркое светлое облако. И это облако почему-то не выглядело инородным в этой темноте. Вся моя сущность засверкала, потянулась к этому облачку. Весьма странные ощущения для меня, очень осторожно относящейся к любым существам. А затем я услышала разговор. Станный разговор облака и чернильного пятна в пустоте, там где ничто и нигде. Интересно, может я сошла с ума?

— Трое? Это странно, но зато как удобно, ты не находишь?

— Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

— Да, родной, столько моих детей страдает, я должна им помочь исправить свои ошибки.

— Сестра, значит одна моя, мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину, она станет искуплением и милосердием для них. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу!

— Братец, не сильно ли ты много на себя берешь, требуя что-то у меня.

— Я прощу у тебя. Ведь в них и твоя сущность тоже! И ведь это твои детишки как всегда неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь.

В пустоте всплыло третье пятно, серого тусклого цвета, и нагло вступило в напряженный разговор странной парочки.

— Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, и сила уйдет в пустоту как и мы с вами. Мы слишком много дали воли своим потомкам, осталось мало времени и возможностей все исправить. Мы должны объединиться и решить эту проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное — ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Молчание остальных двух пятен тяготило мою душу, заключенную в маленькой серебристой точке, зависшую вместе с двумя другими перед тремя высшими, и надеющуюся неизвестно на что. Я с трепетом ожидала окончания разговора.

— Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру необходимо дать по одной возможности. Одному из трех видов потомков — шанс на выживание.

В моей голове раздался ее мягкий любопытный голос.

— Скажи дитя, чего ты хочешь больше всего?

— Жить! Хочу любить и быть в ответ любимой.

Почувствовала или услышала такие же ответы своих спутниц. И то как дернулись мы трое, поняв, что ответили синхронно в один голос. Выходит, облако спрашивало одновременно всех? Серое пятно подобралось поближе, и я почувствовала согревающее тепло, исходящее от него. Снова удивилась способности чувствовать, при полном отсутствии тела.

— Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

— Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоим мирам нужна двойная помощь.

Серый потемнел и облетел нас троих, снова испуганно сбившихся в кучу. Потом

женский голос спросил.

— Кем ты хочешь быть, дитя мое?

И снова наш синхронный ответ, с легким удивлением в конце.

— Женщиной!

— Любой?

Мы молчали, не зная как ответить. Меня удивила постановка вопроса и, не задумываясь о последствиях, мысленно брякнула.

— Какая разница какой, лишь бы молодой и красивой, но главное — счастливой!

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную. Мы с Алев в ужасе шарахнулись от него в сторону, а вот Елена, наоборот, потянулась к нему за поддержкой и утешением.

— За счастье надо платить, ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой, и не веря в осуществление невозможного, выкрикнула, снова удивленно услышав нас троих.

— Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, потом выдало.

— Да будет так! Дитя мое, мы даруем тебе новую жизнь, и вы сами приняли ее такой, какая будет у каждой из вас. И один дар на всех вы поделите между собой. И единое проклятье на троих, хотя и выраженное в разных формах, но вам придется с ним справиться самим и поодиночке. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокировано молчали. Серый задал вопрос, все больше темнея, а я от него все сильнее чувствовала ласковое тепло.

— Ты решила, кто, кому и как?

— Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, боюсь, у них нет другого выбора, как принять его. Им придется обвенчаться с ним снова, чтобы полностью возродиться в мире живых.

Как только в моей голове замолчал ее голос, они вплотную приблизились к нам и вокруг нас закружился хоровод, в скором времени превратившийся в одно сверкающее кольцо с нами троими посередине. Серое марево нигде вспыхнуло миллионом искр, а затем мое сознание поглотила дикая обжигающая боль. Но перед ней я услышала последнюю реплику белого облака и безотчетно поняла, что речь идет обо мне и Алев, но обращена к серому пятну.

— Похоже, именно эти девочки получают наши с тобой частицы, брат. Надеюсь, они смогут воплотиться заново. Вновь рожденные!!! Да примут вас ваши миры, дети мои!

Я горела, причем в буквальном смысле в белом племени. И умирала тысячи раз.

Я горела и дико страдала от жажды. Хотелось окунуться в воду, пропитаться ею насквозь, чтобы потушить этот непереносимый пожар, в котором сгорало все, что я раньше из себя представляла. Все наносное и все самое сокровенное, оставляя после себя лишь пепел несбывшихся надежд и всепоглощающую жажду, и желание напиться. Неожиданно хаотичный поток чувств и мыслей прервался, поглощенный темнотой.

Очнулась от того, что нечем было дышать. Сделав судорожный вдох, ощутила как в легкие хлынул поток воды, от которой всю грудь прошила пронзительная боль. Единственная мысль — мне немедленно нужен воздух — заставила действовать мое тело в собственной спасательной операции. Сделав мощный рывок вверх на пределе возможностей, я вытолкнула тело на поверхность, и как только лица коснулся порыв ветра, судорожно вдохнула, с трудом проталкивая воздух в легкие. С полминуты побарахтавшись в воде, я, наконец, смогла добраться до твердой поверхности и вытащить себя из водоема хотя бы наполовину.

Я лежала на жесткой земле, цепляясь пальцами и ногтями за жалкие редкие кустики травы, вырывая их с корнями, и не могла надышаться этим таким вкусным и необходимым мне воздухом. Откашлявшись, при этом чуть ли не выплюнув свои легкие наружу, замерла, наслаждаясь мгновением покоя и пытаюсь восстановить дыхание. Как только мне это с горем пополам удалось, начала рывками выбираться из воды, а то ног от холода уже практически не чувствовала. Сделав еще пару рывков, с удивлением поняла, что мне на спину что-то сильно давит и тянет назад, поэтому пришлось выложиться по максимуму, приложив все оставшиеся силы. Но пока судьба была ко мне благосклонна, не смотря на произошедшие трагические события. Воспоминание о катастрофе, в которой я 'могла' погибнуть, прошло насквозь, заставив скрючиться в позе эмбриона и стонать от пережитого кошмара. Не знаю, сколько времени прошло, пока не ощутила, что лежу на холодной земле и промозглом ветре. А в лицо светит двойное кровавое солнце, медленно уходящее за горизонт.

— Нет, нет, это все неправда! Это не может быть правдой! Я не сумасшедшая! Я просто... Может просто авария? Или... меня по голове ударили?!

Я непроизвольно заговорила вслух, пытаюсь звуком своего голоса, успокоить расшалившиеся нервы и заставить исчезнуть жуткие воспоминания о своей гибели и встрече со странными пятнами. Но результат оказался прямо противоположным, потому что вместо привычного звонкого голоса из моего горла вырвалось мягкое грудное мурлыканье. Словно мой старый кот Васька снова песни поет, благодаря за ласку. Влажное от воды тело, быстро замерзающее на ледяном ветру, уже довольно сильно трясло от холода и пережитого стресса. Поэтому я решила, что сначала решу насущную проблему, а потом подумаю о том, что со мной произошло ранее. С трудом опершись на руки, снова замерла, в недоумении рассматривая их все сильнее округляя глаза. Я тупо пялилась на две руки или, точнее, лапы, покрытые рыжевато-огненной короткой плюшевой шерсткой и пальцы, увенчанные когтями, каждый в пару сантиметров длиной, и хотя все это смотрелось весьма мило и изящно — этакие хорошенькие лапки с коготками, но не ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ!!!

Встав на ноги, я опустила взгляд вниз, рассматривая все остальное, и поняла, что начала тихо поскуливать от ужаса. Начиная с таких же когтистых лап-ног, мягкий плюшевый пушок покрывал все мое тело, которое в принципе от человеческого отличалось только этим

рыжим пушком и лапами (собственно те же ладони и ступни, только покрытые шерсткой и с коготками). Ближе к талии пушок становился едва ощутим, лишь придавая персиковый оттенок красивой полной груди с красными вершинками-сосками, а потом после красного перехода в области шеи снова исчезал, оголяя лицо. Ну это я уже поняла, когда уперлась взглядом в темную прозрачную воду, небольшого водоема, из которого только что выползла. Присев перед ним на корточки, внимательно рассматривала свое отражение, все еще не в силах поверить, что это я и оно мое. Узкое вытянутое лицо с персиково-рыжим оттенком, длинные красные волосы, напоминающие пламя, сквозь которое мне пришлось пройти, что бы родиться вновь, даже намкнув, не утратили яркости и своей тяжестью тянули голову назад с непривычки. Ведь раньше я всегда носила короткую стрижку. Огромные зеленые глаза почти как у людей, если бы не их размеры, украшены красноватыми дугами бровей и длинными густыми ресницами. Нос с широкими крыльями, которые нервно трепещут, яростно вдыхая-выдыхая воздух от накопившегося внутри напряжения. Красивые малиновые губы, с торчащими изо рта парными белоснежными клычками и подвижные кошачьи уши, с мягкими пушистыми кисточками на концах. Конечно, если смотреть на все это отстраненно, можно было бы сказать, что я — весьма красивая зверюшка, но если как на себя то... Обалдеть! Я в шоке смотрела на себя и пыталась сдержать истерический смех, душивший меня изнутри.

— Это что, я теперь такая? Это ж надо было брякнуть такое, чтобы меня вот этим сделали, а?

Мой горько мурлыкающий ехидный голос разрезал тишину, как только я вспомнила весь наш разговор с пятнами. Еще раз все мысленно прокрутив, обняв себя рукам и сжавшись в комочек, я пыталась разложить информацию по полочкам, но все сильнее замерзала, и стало понятно — уже пора действовать. В этот момент по моим ногам скользнуло что-то теплое и пушистое. Сначала я инстинктивно хотела заорать, решив, что это змея, но рыжих змей с красными кисточками на конце не бывает, и я, в полнейшем ступоре оттопырив зад и сильно наклонившись, смотрела вниз, круглыми глазами рассматривая еще одну 'деталь' моего нового тела. Такая длинная, рыжеватая деталь с пушистым кончиком, которая жила своей собственной жизнью и сейчас нервно трепетала, обвив мою ногу и постукивая кончиком по коленке. Хвост! У меня есть хвост! С кисточкой! Рот непроизвольно открылся, и я неосознанно сглотнула и тупо хихикнула. Хотя этот нервный смешок скорее напоминал гыгыганье олигофрена. Гы-Гы-к.

Я встрепенулась, выходя из оцепенения и начала вставать на ноги, и именно в этот момент за моей спиной взметнулась какая-то тень, напугав меня до икоты. От резкого движения позади меня, на автомате прыгнула в сторону в попытке развернуться к нападающему лицом и снова впала в ступор. Никого не было, зато я кое-что почувствовала спиной и увидела краем глаза. Судорожно сглотнув вязкую от страха слюну, раздраженно отцепила от ляжки хвост, который судорожно цеплялся за ногу, мешая двигаться, повела плечами и неуверенно повернула голову, натываясь взглядом на нечто, растущее у меня из спины. Все еще не веря своим глазам, снова подошла к воде и повернулась в пол оборота, пытаясь рассмотреть все более подробно и обстоятельно. Рассмотрев повторно, нервно захихикала и начала икать от потрясения. Моя прежняя 'мечта идиота' сбылась. Теперь у меня есть крылья! Мягкие, гладкие, покрытые огненными перьями, крылья. Сейчас полураскрытыми, влажными от воды поникшими парусами, тяжело свисают за моей спиной. Я попыталась прочувствовать их как часть своего тела и, пару минут потренировавшись,

смогла немного научиться ими управлять. На данный момент они хорошо послужили мне защитой от холода, окутав словно плащ. Да, эти высшие до сих пор лопаются от смеха, наверное, глядя на меня сверху. У-у-у-у, боги недоделанные!

Слегка согревшись, наконец, смогла хоть немного успокоиться и снова попытаться заняться своими насущными проблемами. Такими как одежда, еда и жилье на ночь грядущую. А то стою не понятно где, причем голая, босая и голодная, да еще с крыльями и самостоятельным неконтролируемым хвостом. И вообще, не мешает выяснить несколько вопросов. Кто я? Где я? И вообще, как дальше жить? Но мне снова помешали, причем самым нетривиальным способом. Оглядевшись, поняла, что нахожусь в странном закрытом со всех сторон каменной стеной месте, посреди которого находится небольшой пруд, скорее всего, раньше служивший бассейном. В самом дальнем его углу полуразрушенная статуя женщины. Как только я сделала несколько уверенных бодрых шагов в сторону только что замеченного рукотворного арочного прохода из этого колодецеобразного сооружения, как мимо меня что-то пролетело, упав рядом с водоемом. Вслед за этим небольшим круглым нечто, пролетело нечто покрупнее, плюхнувшись рядом со мной, и при ближайшем рассмотрении оказалось обезглавленным телом мужчины, а тот круглый снаряд — его головой. Из обезглавленного тела все еще хлестала кровь, а я, укутанная крыльями, тряслась как осенний листок и держала пронзительную ноту. И-и-и-и-и-и...

Выдохлась я быстро, видимо такое множество необъяснимых и чудовищных событий, которые я пережила за последнее время, слегка притупили общие реакции. Только так впоследствии я бы смогла пояснить тот факт, что резко захлопнув рот, щелкнув клыками и прекратив тем самым визжать, я, отступив от трупа на пару шагов, на цыпочках рванула в сторону выхода, при этом даже не задумываясь о том, что именно оттуда прилетело ЭТО! Просто трупов я боялась гораздо больше, чем живых, а зря!

Как только я переступила незримую черту, пройдя под аркой, сделав шаг наружу из этого странного каменного мешка, на меня обрушились жуткий гвалт и грохот. Сотни кричащих людей, вопли раненных и умирающих. Звяканье железа о железо, от скрипа которого меня тут же пробила нервная дрожь, вызвав толпу противных мурашек на руках и спине. Мой взгляд уперся в странную картину, словно вырванную из старого средневекового романа.

Справа от меня до самого горизонта возвышались неприступные скалы и горные вершины. К одной из таких скал вплотную примыкал средневековый замок, окруженный неприступной стеной, выложенной из серого щебня и булыжников. Каменный мешок с одной стороны примыкал к замку, с двух других — упирался в неприступную гору, уходящую в облака, низко нависающие над землей и грозящие в любой момент разразиться ледяным ливнем. А вот каменная арка выходила на небольшой участок между пропастью и глухой стеной замка, и именно на нем сейчас происходили жуткие, прямо-таки нереальные события, которые судя по крикам, лязгу оружия и количеству участников лишь являлись малой толикой того ужаса, в который меня так бессердечно забросили зловерные пятнавысшие. Чтоб им икалось до скончания веков!

Трое людей отбивались от пары трудно подлежащих описанию чудовищ. Причем меня поразили как люди, так и чудовища. Первые были одеты в длинные грязные от пота и крови серые рубахи, потертые кожаные штаны, помятые тусклые латы и бились мечами и кинжалами, а вторые — вообще были не понять кто. Какая-то смесь орков из фэнтези и очень лохматых псов. Я, открыв рот, все никак не могла осмыслить новую реальность, в

которую попала, и только судорожно глотала воздух, пялилась на этот сюрреализм и активно щипала себя за руку в надежде, что возможно все это сон, и я смогу проснуться. Но чувствуя только боль от щипков и страх от окружающей действительности, шептала как молитву, пытаясь себя убедить.

— Я нормальная, нормальная, нормальная!

Но в голове не укладывалось все произошедшее со мной и, вообще, хотелось броситься наземь и побиться головой. Вдруг мои мозги встанут на место, и все это исчезнет, и я снова окажусь на Земле, в родных руках Веры. Да даже на мягкие стенки дурки согласна, только не здесь и не так, и не сейчас!

— Боженька! Боженька, спаси и сохрани меня, ну пожалуйста!

Мои причитания прервались, стоило заметить, что монстры, поднатужившись, смогли разделить трех людей на две неравные части. Один из мужчин, очень крупный и, судя по мельканию двуручного меча, ну очень сильный, уже в одиночку отбивался от одной из зверюг, а два его товарища более хлипкого вида, но не менее отчаянных, пытались сдержать натиск второго чудовища. Но это им не очень удавалось. Один из двойки, сделав успешный выпад, смог проткнуть зверюгу копьём, но пока он пытался отпрыгнуть после выпада, на него обрушился топор умирающего полуорка-полупса и развалил человека практически надвое. Увидев это, забыла как дышать, а к горлу подкатила запоздавшая тошнота, и меня тут же вырвало желчью. Еды-то в моем желудке точно не было.

Второй мужчина, увидев погибшего товарища, с воплем подскочил к умирающей твари и одним движением отсек ему голову, потом дикими глазами осмотрев поле битвы, ринулся на подмогу к первому мужчине, который из последних сил отбивался от второго животного, и они уже вместе сдерживали яростный звериный натиск. Меня шокировало то, что двое таких опытных бойцов, коими явно представлялись мне, не могли справиться с этой тварью, с кровавой пеной у рта пытающийся расправиться с противником. Половина тела напоминала собачье, и лишь гениталии скрывались под грязной тканью, обмотанной вокруг талии и бедер, а вторая половина, заросшая свалывшейся шерстью больше походила на гуманоида со страшной мордой орка, с гипертрофированной мускулистой грудью и лапами, которые очень крепко держали здоровенный топор. Мужчины увертывались как могли от летающего топора, и одному из них даже удалось отсечь одну из конечностей тварюги, но и она смогла задеть одного из них, проломив стальные латы на животе, и судя по кровавой дорожке на штанах, вспоров мягкие ткани. Но им все-таки удалось добить монстра, и раненый мужчина только после этого рухнул рядом с поверженным врагом как подкошенный, исчерпав все свои силы.

Мне было страшно до последней секунды боя, страшно за этих людей и за себя, ведь я реально понимала, что как только с людьми будет покончено, стану следующей жертвой, а деваться из этой каменной ловушки некуда. Страх мутил рассудок, мешая здраво рассуждать, логически мыслить и, главное, действовать, я просто стояла на подрагивающих ногах и, глотая слезы, наблюдала за разворачивающейся трагедией. Как только мужчина рухнул на землю, к нему подскочил его товарищ по оружию и начал расшнуровывать доспехи. Я наконец очнулась от ступора. Обходя первого убитого человека, заметила неподалеку от него, валяющийся забытый кем-то плащ и, недолго думая, схватила его вместе с лежащим рядом кинжалом, залитым чьей-то кровью. Прделав единым движением в плаще дырку, просунула туда руку и потом наподобие греческой тоги замотала вокруг тела так, чтобы не мешать крыльям. Еще дальше валялся кусок старой веревки, и ею я воспользовалась как

ремнем, обвязав вокруг талии и закрепив тем самым свое импровизированное платье с одним оголенным плечом, зато теперь не голая. В этот момент меня, наконец, заметил последний из троицы мужчина, который тут же вскочил над телом раненного товарища и выставил красный от крови меч, направив его на меня.

Я продемонстрировала пустые ладони, медленно подошла к ним и присела рядом с раненым. Все еще настороженный мужчина, пристально оглядев меня, а потом и все пространство вокруг нас, видимо в поисках других угроз, сел на корточки рядом со мной. Познаний в медицине у меня было очень мало, ограничиваясь только курсом неотложной помощи в экстренных ситуациях, нам его в университете преподавали в связи со спецификой нашей профессии. Раздвинув латы и отвернув кровавые лоскуты рубахи, со стоном и отчаяньем поняла, что здесь и сейчас этому человеку уже ничем не поможешь. Ранение было слишком тяжелым, открытая полостная рана явно свидетельствовала об этом. По щекам сильнее потекли слезы, я рывком разодрала его рубашку, пытаюсь хотя бы из нее соорудить тампон, чтобы помешать ему истечь кровью, и взмолилась что есть силы, чтобы произошло чудо, и он выжил. Не знаю, о чем я тогда думала, но всем своим существом потянулась к раненому. Так хотелось ему помочь, поделиться своей энергией и, не веря своим глазам и ощущениям, будто со стороны наблюдала, как нагрелись мои руки, их окутало мягкое дивное сияние, и словно тоненький ручеек потянулся к раненному мужчине, впитываясь в ранение.

Это длилось несколько секунд, я почувствовала, как усилилась тошнота и мельтешат мушки перед глазами, быстро отняла руки, разорвав контакт. Переглянувшись с мужчиной, сидевшим рядом со мной и, не шевелясь, наблюдавшим за чудом, которое я творила, поняла, что он находится в таком же благоговейном ступоре, что и я. Медленно отняла тряпку от раны со смешанным чувством сомнения и трепетного ожидания и, сделав глубокий удивленный вдох, увидела грубый красный шрам на месте только что зиявшей смертельной раны. У меня получилось его вылечить! Я сцепила руки в замок на груди, со слезами облегчения и радости обернулась ко второму мужчине, который с таким же удивленным и радостным взглядом смотрел на меня глубокими теплыми карими глазами.

Наши счастливые переглядывания прервал странный гул, как будто где-то начался горный обвал. Мужчина понял все быстрее меня, потому что, выкрикивая, судя по эмоциональной окраске, ругательства, вскочив на ноги, ринулся за угол замка прочь из этого каменного мешка, оставив меня и своего товарища, лежащего в бессознательном состоянии в пыли рядом с трупами чудовищ. Не смотря на страх и головокружение, я бросилась за ним. Потому что теперь я была уже более твердо уверена, что лучше мне держаться людей и как можно реже сталкиваться лицом к лицу с этими тварями.

Я не бежала, а скорее неслась вприпрыжку, довольно успешно помогая себе крыльями, иногда перепрыгивая сразу пару метров. В таком же неистовом темпе, не останавливаясь, вылетела за угол. То что я наблюдала в самом начале, ни в какое сравнение не идет с творящимся сейчас на широком поле перед главными воротами замка. Теперь я поняла, почему этот мужчина не остался со своим беспомощным товарищем, а бросился сюда. Башни замка, выдолбленные в горной породе, взирали на большое голое пространство перед основной цитаделью, где бились сотни людей и этих жутких тварей, которые в невероятных количествах лились нескончаемой рекой из леса у подножия горного плато. С одной стороны замок выигрывал тем, что был с трех сторон защищен горным массивом, с другой — для защитников стояла невыполнимая задача — либо заставить тварей отступить, либо умереть самим, потому что отступать некуда. Я ошеломленная оглядывала картину целиком

и снова как несколько минут назад не могла поверить, что все это происходит со мной. Куда я попала? И вообще, за что я так попала-то?

Перед глазами стремительно менялись герои сражения, победители и побежденные. Рекой лилась чужая кровь и звенела сталь клинков, а я медленно сходила с ума. Так не должно быть! Это не правильно! Я с детства боюсь вида крови, и любые собственные и чужие порезы или травмы вызывали тошноту, а иногда и дрожь в коленках. А тут реки крови, отрубленные конечности и искореженные смертью тела. И битва в самом разгаре.

Я видела, что люди несут значительные потери и, рискуя жизнью, уносят раненных за собой, но их судьба практически предрешена, если уже главные ворота вынесены. Решила, что, скорее всего, это последняя попытка оставшихся защитников откинуть нападающих монстров назад. Но абсолютно бесполезная попытка, стоит только взглянуть вниз и увидеть количество новых монстров, прущих вперед чуть ли не по головам своих соседей, желающих поучаствовать в бойне людей. Моих соплеменников. Таких же как я!

Глаза застилала кровавая пелена, в груди рос вихрь протеста, смешанного с ненавистью и ужасом. Последней каплей, которая запустила цепную реакцию, послужил нечеловеческий хрип, раздавшийся рядом со мной, повернув голову, я заметила раненого мальчишку, задавленного огромным камнем. Руки опалило пламя, удивленно и отстраненно словно это не я, а такое же чудовище как те твари внизу, тяжело взмахнула крыльями, распуская их во всю ширину и ловя потоки промозглого холодного воздуха, смогла невысоко взлететь. Потом, выставив руки, объятые пламенем, вперед, интуитивно усилила энергетический поток, пропуская его сквозь руки. Я подпитывала это пламя болью, что чувствовала от других, ненавистью, что испытывала сама и чужеродной звериной яростью, что вливалась в меня из тварей. Она вернется к ним в удесятенном количестве. Выжжет эту черную заразу отсюда.

Мое пламя росло и ширилось и скоро превратилось в сплошную огненную стену, которая гнала испуганных и бегущих, поджавших хвосты тварей прочь от ничем не сдерживаемой огненной стихии. Прочь! Прочь! Прочь! Поганой метлой всех вымету от сюда. Люди шарахались в сторону от меня, летящей в паре метров над землей и тяжело машущей огненными крыльями. Мое пламя, как ни странно, не трогало людей, медленно огибая невольных союзников, и с жадным голодным энтузиазмом набрасывалось на зазевавшихся тварей, поглощая их тела за мгновение.

Когда я долетела до кромки леса, визжащая от ужаса звериная орда, сломя шею, уносила ноги из этого гиблого, благодаря мне, места. Внутри меня ширилась пустота, заполняясь дикой болью, и до моего сознания, поглощенного буйством и красотой стихии, которой я управляла, дошло, что и мои силы не безграничны. Резко обрубив уже совсем тонкий силовой ручеек, вытекающий из меня, на мгновение зависла над землей, а потом практически рухнула вниз. Мне повезло, что мышцы спины не развиты, и взлететь высоко я не смогла, да и этот в сущности короткий полет забрал последние силы. Больно ударилась бедром о камень и, сквозь струящиеся запоздалые слезы, надув от обиды и боли губы, смотрела, как медленно течет струйка моей собственной крови из порезанного бедра.

Как все ужасно началось в моей новой жизни. Я думала, получу шанс все исправить, научусь любить и быть любимой, жить каждой минутой, радоваться даже самым незначительным приятным мелочам. А в итоге — вокруг только смерть и море крови. Я смотрела на свою ногу, все сильнее упираясь на руки, и чувствовала, как с каждой секундой все сильнее слабею. Меня как иву клонило к земле, а усталость, стресс и пережитый ужас

словно бетонной плитой придавливали сверху. Когда ко мне подбежали несколько мужчин, совсем недавно бившихся на смерть, защищая свой дом и семьи, я лежала распластанная по земле. И была не в силах пошевелиться, даже чтобы вытереть слезы, все еще струящиеся по моим рыжим щекам и стекающие на пыльную каменистую землю, чтобы собрать за спиной крылья, которые раскинулись огненным полотном по этой многострадальной, хорошо удобренной кровью и выжженной мною земле. Изрядно потрепанные защитники пристально и тревожно разглядывали меня, расплываясь, затем от усталости и боли сами собой закрылись глаза, укутав спасительной темнотой.

Открыв глаза, уставилась в белый высокий потолок и попыталась вспомнить. Кто я? Где я? И как здесь очутилась? Вялые, медленно шевелящиеся мысли, наконец, смогли выстроить более-менее логичную цепочку событий, заставив вырваться из груди тяжелый тоскливый вздох. Оглядев окружающее меня пространство, все же признала тот факт, что все, случившееся со мной, — жестокая реальность и правда моей новой жизни. И с ней придется учиться жить, а точнее, сосуществовать. Еще раз тяжело вздохнув, чувствуя слабость во всем теле и сильный голод, уперлась взглядом в человека, одетого в бархатные средневековые одежды, который сидел рядом с моей кроватью и, свесив голову на грудь, мерно похрапывал. Итак, я находилась в большой комнате, украшенной гобеленами с изображением драконов, рыцарей и прекрасных дев с цветами, освещенной только свечами, стоящими в паре канделябров. Лежа на широкой мягкой кровати, под тяжелым внушительным балдахинном, медленно скользила взглядом с предмета на предмет и, наконец, остановилась взглядом на круглом столике, заставленном едой, возле которого сидел еще один мужчина, обряженный в длинный потрепанный черный балахон. Он не спал и как только заметил мое пробуждение, всем телом подался ко мне, тем не менее, не вставая с кресла.

Он, скорее всего, просто побоялся напугать меня резкими движениями. Я с интересом рассматривала его высокую худощавую фигуру. Из-за безобразного одеяния, которое было на нем, казалось, что он скорее худой, чем стройный. Черные волосы до плеч с седыми висками и темные тревожные глаза с синяками от усталости. Присмотревшись внимательнее, отметила — глаза, как у умудренных опытом пожилых людей. А вот довольно молодое лицо немного дисгармонировало со стариковскими глазами, и мне почему-то стало не по себе от этого несоответствия.

Мужчина нахмурил высокий благородный лоб и еще пристальнее уставился на меня, при этом медленно встав со стула и демонстративно, не торопясь, направился ко мне. Он подошел с другой стороны кровати, стараясь не тревожить спящего мужчину и мягко, тихо заговорил на непонятном мне языке. Я минуту слушала его плавную речь, а потом, все так же лежа в кровати, пожалала плечами и при помощи мимики лица и несложных телодвижений продемонстрировала, что не понимаю его. Он на секунду замолчал, а потом снова продолжил говорить, но уже, похоже, на другом языке. Он перебрал не менее пяти языков и, недовольно поджав губы, раздраженно смотрел на меня. Я же, собравшись с силами, чуть привстала и оглядела себя, с облегчением заметив плотную, похожую на хлопковую, рубашку из выбеленной ткани. Ощущение, что я себе отлежала все крылья, спину, да и попу тоже. Мои новые конечности огненным покрывалом раскинулись по кровати, и на одеяле я заметила пару красных перышек.

И тут мне в голову пришла дурная, но заставившая весело усмехнуться ассоциация с нашим старым домашним попугаем. Эта яркая небольшая и крикливая бестия всюду совала свой любопытный клюв, в связи с чем все время приходилось охранять свою тарелку с едой и украшения от конкурента, который всюду ронял перья и пух, выдавая свое участие во всех шалостях. Теперь и я как попугай Кешка буду всюду оставлять перья, главное, не начать кукарекать при этом, хотя, судя по моим новым вокальным данным, я теперь мурлыкаю как самая обычная гуляющая кошка.

На такой безрадостной ноте я тоскливо уставилась на столик с едой, а по всей комнате

пронесся угрожающий рык моего голодного желудка. Черный балахон только насмешливо качнул головой, развернувшись, подошел к столику и с заметным усилием передвинул его к самому краю кровати. В предвкушении обеда, а глазами я его уже ела, рот наполнился слюной, от чего громко сглотнула и, приподняв одеяло, быстро переползла ближе к еде. Свесив голые ноги с кровати, прикрыла их, облегченно расправила помятые крылья, передернув плечами, и набросилась жадно на еду. Ур-р-р, какая вкуснятина 'эта ваша заливная рыба'!!!

Насыщение долго не продлилось, потому что желудок у крылатого котеночка оказался маленьким и к такому количеству еды не подготовленный, а вот глаза продолжали есть. Страдая от жадности и нервно постукивая когтями по краю столика, а хвостом — по одеялу, я с грустью смотрела и пыталась решить, что делать с таким количеством не поместившейся в меня еды, и как бы мне ее оставить себе. На будущее!

Балахон заметил мои метания и тоску, и все больше улыбался, наблюдая за мной. Заметив его улыбку, сконфузилась и едва сдержалась, чтобы смущенно не поковырять пальчиком в царапине на столе, проторенной моими же когтями. На будущее надо запомнить, что чужую мебель надо беречь, коготки-то ого-го. И снова мое внимание привлек балахон. Ткнув себя пальцем в грудь, произнес.

— Хос Кершин Рош!

Затем вопросительным жестом указывая на меня, поднял брови, в ожидании ответа, и я не замедлила его дать.

— Юлия Крымова!

А потом начала тыкать в разные предметы и выяснять их названия, пытаться их запомнить и, главное, правильно произносить. Ведь если правильно запомнить фонетику, легче учить грамматику. Уже через полчаса я с изумлением и восторгом поняла, что у меня, слава Богу, просто идеальная память. Теперь надо только учитывать это чудесное свойство своего организма, и не засорять ее всякой ерундой. И вообще, чудно получилось все-таки, новое тело подарили, а знаний никаких не дали, просто выбросили в какой-то бассейн и выплывай как умеешь. Получилось — чудесно, а нет, ну что ж, значит, не судьба. Я все злилась на тех пятен, которые, не смотря ни на что, подарили вторую жизнь, и справедливости ради я все же признавала — сделали для меня невозможное и даже сверх того. Но русскому человеку всегда мало, и даже в халявной бочке меда он все равно найдет чайную ложку дегтя. Так и я, не русская что ли?! Была!!! Но дух-то остался прежним!!!

Незаметно для себя вылезла из кровати и металась по комнате за Кершином Рошом, и все повторяла, и повторяла новые значения различных предметов, иногда даже пытаюсь выяснить у него некоторые прилагательные, смешно жестикулируя руками. Наше развлечение прервал проснувшийся мужчина, который уже с час нашей болтовни с Кершином преспокойно дрых в кресле, возле опустевшей кровати. Мы замерли, глядя на него, в тот момент, когда он сильно зевнул и потянулся, а потом, заметив пустую кровать, вздрогнул и отчаянно закрутил головой в поисках. Как только он увидел меня в длинной плотной рубаше, разрезанной на спине для крыльев, успокоился, но сильно вздрогнул и побледнел, заглянув мне в глаза, и непроизвольно сделал шаг назад.

Я так и не смогла решить, что же во мне его так напугало, поэтому, не двигаясь и не мигая, смотрела на него. Заметив Кершина Роша рядом со мной, мужик быстро успокоился и, выдавив из себя вымученную улыбку, представился:

— Римс Вальт!

Он произнес еще что-то, но пока моего запаса чужих слов не хватило, чтобы полностью понять и расшифровать, о чем он говорит. Я представилась ему в ответ и тут же заметила, что услышав мурлыкающий голосок, мужик расслабился и поплыл, уже с радостной улыбкой глядя на меня. Так, похоже у меня оказалось дополнительное достоинство, которое по незнанию я записала в недостатки. Надо запомнить!

Римс Вальт пробыл с нами всего минуту, а потом, помявшись, коротко поклонился и под моим любопытным взглядом, пятась к двери, быстро испарился из комнаты. Недоуменно пожав плечами, повернулась к Кершину и заметила, с каким жадным изучающим любопытством он наблюдал за мной. В его глазах не было похоти или чего-то неприличного, только интерес исследователя, наткнувшегося на необыкновенный артефакт. И именно этот взгляд заставил задуматься снова: 'Что же я такое, если даже этот умный мужчина смотрит на меня как на птицу Феникс, внезапно восставшую из пепла'. Тяжко вздохнув, оглядела себя и, убедившись в печальной истине своего незавидного положения, вытерла вспотевшие ладони о ночную рубашку. Как неприятно и дискомфортно оказаться не понятно где, хоть и не совсем голой, но все же в одной ночной рубашке. Позорище-то какое!

Мое состояние не прошло незамеченным для Кершина, и он, неуверенно сделав шаг ко мне, осторожно положил ладонь мне на плечо в успокаивающем жесте. Мягко улыбнувшись, под локоток подвел меня к еще одной двери и, прихватив с собой один из канделябров, провел в другую комнату, судя по обилию одежды — гардеробную. Снова ухмыльнувшись, заметив мой восторженный взгляд, отступил на пару шагов назад, предоставляя мне возможность самой выбрать одежду. А я словно хищная птица ринулась в самую гущу, стремясь все внимательнее рассмотреть, погладить и пощупать. Столько красивого тряпья не видела никогда. Нет, вспомнила! Видела в исторических фильмах по телевизору, а тут все живую. И мне еще предлагают что-нибудь выбрать для себя.

Пробежавшись взглядом по рядам платьев, внезапно вспомнила свою недавно обретенную крылатую особенность и снова приуныла. Ну как я смогу одеть хоть одно из этих платьев, если у меня за спиной развиваются крылья? Но самое удивительное, что именно сейчас, когда первый стресс от новой внешности прошел, поняла, что от крыльев уже никогда не смогу отказаться. Я слишком сильно люблю летать, чувствуя всем телом ветер свободы, парить в голубом небосводе. За этот подарок буду вечно благодарить тех 'пятен', что даровали мне новую жизнь.

А сейчас надо только подыскать одежду, которую смогу надеть. И, о чудо, нашла платье со шнуровкой не по бокам, а на спине. Тяжелое бархатное платье сохранит тепло и придаст больше уверенности в себе. Я повернулась к Кершину, намекая, чтобы он меня покинул ненадолго, и как только он выполнил молчаливую просьбу, начала переодеваться. Немного подумав, решила не снимать рубашку, а надеть платье прямо на нее. Расслабив шнуровку сверху, с пытением в него влезла, а потом потуже завязала бантик на талии. Благодаря тому, что платье жестко сидело на талии, оно не сползло с полностью обнаженной спины и довольно надежно держалось на мне, не мешая движению крыльев. Пока я была занята одеждой, в голову пришла идея моего будущего гардероба. То что платье — это не совсем удобно для меня, было слишком очевидно, так что как только смогу заработать немного денег, придется потратиться на одежду.

Как только эта мысль пришла в голову, я задумчиво замерла, пытаюсь осмыслить сей факт планирования своей дальнейшей жизни, шагов, которые нужно в первую очередь сделать. А ведь еще вчера... Вчера ли? Надо выяснить, сколько я тут провалялась в

беспамятстве! Как давно сменила одно тело на другое? Сменила мир! Участвовала в войне и убивала. Убивала!!! Меня накрыло воспоминаниями словно приливом, заставив согнуться в три погибели и сесть на корточки, уткнувшись лицом в колени. Хвост снова обвился вокруг ног, а крылья укутали плащом, скрывая боль и тоску от мира. Господи, как больно осознавать, что ты убийца, пусть даже не людей и пусть даже тех, кто сам с радостью убивал других. От этого лично мне лучше не становилось. Такой грех на душу лег и теперь давил пудовой гирей, не давая вздохнуть полной грудью.

Услышала, как открылась дверь, а в следующее мгновение на голову легла большая теплая ладонь и ласково погладила. Я подняла голову и сквозь слезы натолкнулась на понимающий взгляд темных глаз Кершина, вставшего рядом со мной на колени. В его глазах было столько тепла и понимания, что я не выдержала и прильнула к нему, уткнувшись ему в шею и еще сильнее рыдая, выплескивая эту тяжесть и боль из груди. А он продолжал меня гладить по вихрастой красной макушке. Словно отец обиженную дочь. Так мы просидели пару минут, но нас прервали. Шелестя юбками, рядом присела женщина лет тридцати с золотым обручем на голове. Большие голубые печальные глаза, белая кожа и курносый нос. Каштановые волосы мягкой волной спускались до талии, а четко очерченные пухлые губы сейчас поджаты в горестную линию. И даже явные морщинки возле них говорили о том, что она давно разучилась смеяться, но все равно наполнена добром и участием к другим. От нее исходило тепло и симпатия, и мне она сразу понравилась. Одета в похожее на мое новое бархатное платье, и кроме обруча на голове ничто не отличало ее от обычных женщин. Но именно этот обруч с большим красным рубином на лбу явно свидетельствовал о том, что она непростая женщина.

Вытерев слезы и шмыгнув носом, я отстранилась от Кершина, который сразу встал на ноги и учтиво склонился перед женщиной, показывая, что она здесь главная. Я тоже встала, хотя кланяться не спешила. Я вообще пиететом к высоким должностям не страдала, а уважала только за поступки и заслуги, а не звания. Что-то я расклеилась непозволительно быстро, а ведь раньше этим не страдала, но, конечно, раньше я не убивала и телами не менялась. Прежняя жизнь научила, что рассчитывать можно только на себя. И другие не всегда помогут. Хочешь спать, постели постель, хочешь есть, сначала добудь еду, а потом уж сама ее и приготовь. В моей жизни даром и просто так ничего не доставалось.

Молча смотрела на женщину, оказавшуюся почти на голову ниже меня, и с удивлением поняла, что стала, как мне кажется, еще выше чем была. Ну точно не ниже ста восьмидесяти сантиметров. А она неуверенно смотрела на меня, не решаясь сделать первый шаг. Ага, значит мы в одной лодке. Именно ее поведение позволило мне расслабиться и свободнее вдохнуть. Кершин пришел нам обеим на помощь. Он представил сначала меня женщине, а потом медленно, чтобы я запомнила, произнес.

— Хасин Эливия Пограничная!

Я повторила, и они оба остались довольны, особенно после того, как Кершин быстро пояснил Эливии, что я не говорю на известных им языках, чем вызвал у той удивление. Она, оглядев мое платье, даже слегка весело хмыкнула, показала на платье и, сложив ручки перед грудью, коротко кивнула и быстро вышла, громко выкрикивая непонятные мне слова. Кершин недовольно поморщился, явно уже зная, что будет дальше, и испытывая при этом раздражение, а я напряглась. Уже через минуту в комнату вернулась Эливия и еще три женщины с небольшими коробками в руках. Женщины держались за спиной своей хозяйки (судя по одежде и гордой осанке, сомнений не осталось — хозяйка) и разглядывали меня

широко раскрытыми глазами. Я мило улыбнулась им, стараясь разрядить обстановку и расположить к себе, но единственное, чего я добилась, — их расположение на ковре в обмороке. Упссс, про клыки забыла! Прикрыв рот, извиняюще улыбнулась Эливии и последней из трех женщин, оказавшейся с более крепкими нервами, и слегка развела руками — не виноватая я, они сами пришли!

Эливия только рассмеялась, чем помогла расслабиться другой женщине, и она уже почти без опаски, осторожно подошла ко мне, крепко держа коробку.

Я же, разглядев возле бессознательных женщин похожие коробки, из которых на пол вывалились куча ниток, ножниц и иголок, поняла, что они собираются делать, и едва сдержалась, чтобы не улыбнуться вновь уже от радости. Взглянув в голубые глаза Эливии, смотревшей на меня без боязни, но с горячим любопытством, повернулась к Кершину, который стоял позади меня, ехидно наблюдая за этим цирком, и показала на него. Я руками продемонстрировала на себе, что хочу мужские штаны и длинную рубашку с поясом для удобства использования крыльев во время полета. Меня все же поняли, потому что третья портниха кивнула головой и вопросительно уставилась на Кершина. Тот смутился и, поклонившись сразу всем, быстро удалился из комнаты. А надо мной началось издевательство. Две портнихи быстро пришли в себя и с красными от стыда лицами, заметив рабочую суету и строгий взгляд хозяйки, приступили к своим непосредственным обязанностям. Уже через час никто не вздрагивал на мое недовольное шипение, когда очередная швея меня чем-нибудь колола, а бесцеремонно поворачивали из стороны в сторону. Весело переговаривались, трогая мои крылья или поглаживая шерстку на ногах или руках. Похоже, я стала местной цирковой достопримечательностью, но главное, что они, весело щебеча, учили меня бытовому языку.

Наша работа была прервана еще парой девушек, которые помявшись в дверях и так не решившись зайти, сообщили, что обед в столовой накрыт, а его высочество хасун Таурик II Пограничный ждет нас к столу. Смысл их фамилии я узнала только через пару дней, а пока многие слова просто повторяла, лишь догадываясь об их значении. На мне поправили платье и, недовольно покачав головами, глядя на слишком короткий для меня подол, отпустили с богом.

Мы шли по мрачным коридорам старого замка и, встречая людей, с усмешкой замечала, как все они делали шаг в сторону, опасаясь меня и, тем не менее, почтительно и уважительно кланялись. Приятно, чёрт побери! Войдя в большой освещенный множеством свечей и слабым светом пасмурного весеннего дня зал, я чуть не споткнулась, встретившись со взглядом карих глаз того мужчины, которого встретила самым первым. С которым разделила удивление и радость от своего первого исцеления. Только сейчас он был одет в дорогие бархатные одежды, а на голове уже знакомый обруч, почти как у Эливии. Рядом с ним тот самый богатырь, который с искренним удивлением и восхищением смотрел на меня. Его голубые глаза, странным образом похожие на глаза Эливии, что закрадывалась мысль об их родстве, с жадностью блуждали по моему телу.

Как только мы подошли, Эливия представила меня своему мужу Таурику, который сделав шаг вперед и взяв мою когтистую лапку в свои руки, поцеловал ее, даже покраснела от такого приветствия, хотя куда уж больше-то. Затем своему брату-гиганту, которого я спасла от смерти, назвав его Гронсом Вейром. Этот вообще, заграбастав мою лапку в свои ручищи, припал на одно колено и приложился слюнявым ртом к плюшевой коже. Правда, немного опешил, когда у меня из-под юбки неожиданно выскочил хвост и шлепнул его по

рукам, а потом и вовсе нервно заплясал по каменному полу, демонстрируя всем мое состояние, неловкость и смущение. От чего я еще больше покраснела и опустила голову вниз, чувствуя себя более неловко, нежели в начале. Но Эливия поспешила снять напряжение, пригласив всех за стол. За обедом присутствовал и хос Кершин Рош, который, к моему облегчению и удивлению, принес с собой листок пергамента и схематично изобразил систему иерархии в замке. А может и не только в замке. Я пока слишком мало знаю язык и с трудом нахожу аналогии в русском. Но Кершин хорошо поработал над схемой и подробно пояснил ее.

Как я поняла, хасун Таурик II и хасин Эливия Пограничные — владельцы замка, хасун и хасин — это своеобразное обращение к ним. Затем шли хос Гронс Вейр — брат Эливии и хос Кершин Рош, он тут вроде как магом работает. По крайней мере, умеет делать занятные магические штучки, чем вызвал мое восхищение. Я же из России, а там к такому пока не привыкли! И не важно, что сама, похоже, такая, меня это просто очень сильно удивило. Римс Валь тоже хос, и если я правильно поняла — второй советник хасуна Таурика.

С удовольствием поглощая еду, все время замечала любопытные взгляды не только обслуживающего персонала, но и сотрапезников, от которых довольно сильно нервничала, но усиленно старалась не показывать. Уже к концу обеда я чувствовала себя словно выжатый лимон. Еще бы, встать затемно, пережить столько знакомств, сеанс кройки и шитья, затем попытку тщательно завуалированного допроса, через который обе стороны пытались продрапаться сквозь языковой барьер, а потом очень плотно покушать, и после всего этого как не отдохнуть. Для меня такое не реально. За время учебы я очень хорошо усвоила главный закон студента: "После вкусного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать!". Зевнув, прикрыла лапкой широко раскрытый рот, снова смутилась, но окружающие поняли мое состояние, и Кершин предложил проводить обратно. Уже лежа в кровати с широко разметавшимися крыльями, я лениво подумала, что жизнь все-таки хорошая штука.

Я проснулась словно от толчка. Открыв глаза, полежала в кровати, лениво потянувшись и немного подумав, решила встать. Все равно, если уж проснулась, больше не засну. Я жила в замке уже четыре дня, и все это время учила язык, осваивала территорию вокруг, знакомилась с местными обитателями, которые достаточно привыкли ко мне и не так настороженно и боязливо относились как вначале. Приняла кучу благодарностей за спасение населения, что потешило мое самолюбие и тщеславие. Но все еще никак не могла определиться со своей дальнейшей жизнью. Кершин принес из своей библиотеки старинный фолиант и на примере картинок, изображенных на потертых страничках, учил меня премудростям этого мира, рассказывая о расах, его населяющих, животных и растениях.

Я старалась особенно не удивляться, когда он показывал на драконов, гномов, эльфов и еще огромное множество различных видов разумных существ. Мне было сложно понять, каким образом этот небольшой, в сущности, мир, смог вместить такое разнообразие разумных и не очень. А в том, что большая часть этих существ — животные, мне, как истинной закаменелой землянке, хорошо понятно. И вот, на практически последней страничке открылась старая затертая картинка мужчины, похожего на меня, и Кершин мягко улыбаясь, произнес:

— Дрийя! Юлия — дрийя!

Раскрыв рот, смотрела на эту картинку и пыталась применить название к себе. Так значит, я — дрийя, и в этом мире не одна такая. Ф-у-у-у, слава тебе, господи! Только сейчас осознала, что меня подспудно гложет, в чем боялась себе признаться. Боялась, что я одна такая "красивая". И пару найти не смогу, а оказалось, еще как найду. Счастливая улыбка облегчения расплылась по моему лицу и, взглянув в немного изумленное лицо Кершина, я довольно проорчала.

— Ага, дрийя!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не поняв моей радости, Кершин отложил фолиант и, достав доску и грифель, продолжил учить меня алфавиту. А я еще несколько минут продолжала прокручивать в голове увиденную картинку с изображением незнакомого дрийя: высокий, прекрасно сложенный мужчина, в явно кожаной облегающей одежде, с низко опущенной головой с развивающимися длинными волосами, с раскрытыми огромными крыльями за спиной и окутанный молниями, исходящими у него из рук — все это впечатляло, зачаровывало и в тоже время заставляло задуматься об опасности встречи с таким-то представителем "моего" нового народа.

И вот сейчас, когда на дворе ночь, я поднялась и, оправив задравшуюся рубашку, вышла на балкон, не обращая внимания на все еще прохладный пронизывающий ветер, забралась на перила и уставилась в темнеющее небо. Звезды манили к себе, луна щедро заливала все вокруг светом, а внизу под балконом раскинулась лужайка с фонтаном. Трава еще желтая и старая, а в неработающем фонтане немного воды. Осмотревшись вокруг, и не заметив лишних глаз, расправила крылья и начала ими работать. За последние дни я поняла — прежде всего надо учиться летать, а для этого необходимо тренировать мышцы спины. Чтобы пользоваться такой машиной за спиной, надо иметь железные мышцы. Вот и начала каждое утро и вечер тренировать тело. Утром пробежки, отжимания и ведра с водой в

качестве гирь. А по вечерам — летные тренировки в саду пока никто не видит. Взлетала и старалась медленно опуститься вниз, а не грохнуться о землю как мешок с картошкой. Сейчас, сидя на балконе и медленно махая крыльями, я решила, что могу даже немного полетать. Недолго думая, ускорила работу крыльями и соскользнула с перил. Секунду я, конечно, продержалась, а потом с визгом и воздушными кульбитами полетела вниз, со всей дури рухнув в вонючую застоявшуюся воду фонтана. Отплевываясь и отфыркиваясь, ругаясь себе под нос, вылезла из него и, тяжело перевалившись через бортик, встала на землю. С меня ручьями стекала вода, а холодный ветер с радостным воем принял в свои объятия. Встряхнулась словно дворový пес, разбрызгивая вокруг себя грязную воду, и только собралась незаметно вернуться в комнату, как натолкнулась взглядом на группу удивленных и уже довольно хихикающих товарищей из ночного караула. Те верно не ожидали, что обычное скучное дежурство порадует таким развлечением. Трое мужчин, рассмотрев меня более подробно, уже не сдерживаясь и хлопая себя по ляжкам, складываясь пополам, ржали будто кони. А я, понутив голову и укрывшись мокрыми поникшими крыльями, ринулась в замок, стараясь не попадаться еще кому-нибудь на глаза. Нет, ну вот какие уроды, я им тут всем жизни спасла, а они надо мной гогочут. Гуси неошипанные! В свою комнату добралась уже в самом прескверном состоянии духа, по дороге забежав в своеобразную баню-купальню и смыв с себя грязь, поэтому, закрывшись в своей комнате, быстро залезла под одеяло и, дрожа от холода, вскоре заснула.

Спустя месяц я здесь была уже совсем своя. Ко мне привыкли и перестали бояться или дергаться, когда я окидывала их взглядом своих огромных зеленых глаз, хотя искренне недоумевала по этому поводу. Ведь в зеркале отражались большие яркие красивые глаза, и почему они так сильно кого-то пугают, не могла понять. Один раз даже рискнула спросить Эливию об этом явлении, но та отделалась весьма расплывчатыми пояснениями, сказав, что они очень необычные, чем еще больше озадачила. Ну побольше, чем у людей, но ведь все остальное похоже?!

Язык людей с горем пополам выучила за три недели, причем мне в этом помогали все жители замка, точнее, все выжившие после нападения бредвишей.

Спустя пару недель, когда начала понимать практически все, что говорил Кершин, выяснила — мир, в который я попала, весьма сложен. Называется Лайдос, и на нем два огромных материка, разделенных между собой тонким проливом, соединяющим два океана. Материки между собой тоже отличаются, один — светлый, другой — темный, а между ними пролегает незримая магическая граница, которая иногда прорывается, и сквозь нее могут на светлую сторону проникать темные создания. Маленькое горное королевство, в которое я попала, расположено на границе с темным материком, возле Черного пролива, как назывался водораздел между материками. С одной стороны Черный пролив, с другой — горы, заселенные одним из драконьих кланов, а по другую сторону гор жили карлики и гномы. И только неширокая полоса леса, уходящая вглубь светлого материка, где вся территория была уже давно поделена на мелкие и крупные человеческие королевства, эльфийские княжества, гномьи когорты и еще уйму различных союзов других существ.

Месяц назад как раз и произошел подобный прорыв, причем настолько мощный, что маленькое королевство, скорее всего, было бы стерто с лица Лайдоса, а затем и другие подобные им. Зараза в виде плотоядных бредвишей могла изрядно выкосить население светлого материка. А тут появилась я, вся такая загадочная полуголая и краснозадая.

Как восхищенно заметил Кершин, я своим пламенем, уничтожившим всех темных,

изрядно всколыхнула магический фон Лайдоса. Каждый маг даже на другом его конце почувствовал это возмущение. Поэтому помимо занятий языками, он с неиссякаемым энтузиазмом исследовал мои способности мага, за что была искренне ему благодарна. Ведь он помогал лучше узнать свое тело. Еще больше меня удивило, когда Кершин немного рассказал о расе дрийя, точнее пару раз обмолвился, что таких как я, люди не встречали уже лет пятьсот. Они как-то сразу исчезли из виду в своих землях на другом конце светлого материка, и уже давно их никто не видел. О своем необычном появлении здесь я упорно молчала, лишь сообщив, что начисто потеряла память и очнулась во время битвы, а Кершин, уважая мое нежелание говорить, или действительно поверив сказанному, больше не спрашивал ни о чем.

Месяц усиленного обучения и безвылазного пребывания в замке основательно измотал нервы. Летать я с горем пополам научилась, еще не раз искупавшись в вонючем фонтане, говорить на языке людей могу без акцента и все понимаю. Кершин по-прежнему занимался со мной, теперь заставляя учить еще и другие языки. С королем и королевой мы сдружились основательно, а ее брат Гронс, вообще, первые дни пытался за мной ухаживать, пока я плотоядно и зловеще ему не улыбнулась, заставив побледнеть и отступить назад. В том, что он — заядлый бабник, меня уже давно просветили окружающие служанки, да и у самой глаза есть. А ситуация с Мишкой нет-нет, да и всплывает перед глазами. Хотя заметила, что чем дольше я находилась в этом мире, тем все более призрачными и далекими становились прежние воспоминания, стираясь из памяти, заменяясь новыми событиями и реалиями. Но обида и страх быть вновь обманутой и преданной, злобным обиженным псом грызла внутренности, не давая забыть.

Изучив географические карты Лайдоса, я решила изучить горный массив Пограничников. Схематично нарисовав карту границ территорий королевства, переделавшись в брюки и длинную, с двумя разрезами по бокам рубаху, взяв с собой специально под крылья сшитую кожаную, украшенную мехом жилетку, скрепленную сзади меховыми полосками на талии и завязкой на шее, отправилась искать Эливию. За этот месяц мы стали с ней подругами, и этот факт очень радовал. Тяжело жить в чужом мире, не имея дома, близких или друзей. А мне просто сказочно повезло обрести дом в виде этого пограничного горного замка, друзей в лице Эливии, Таурика и Кершина и неограниченной свободы. Вот и сейчас я лишь предупредила королеву о желании обследовать окружающую местность и, мягко отделавшись от ее искренней заботы и предупреждения об опасности, дойдя до ближайшего балкона, с гиканьем вспорхнула в голубые дали чистого неба. Стражники на стенах замка покачали головой, одарив мое ребячество добродушной усмешкой. К моим дурацким выходкам они тоже привыкли, особенно после того, как однажды ночью я забрела на стену и просидела полночи с ними, обучая игре в карты, а следующую ночь — в шашки, потом — в нарды, уголки и еще куче наших земных игр и развлечений. Несколько дней было потрачено, чтобы с местным плотником смастерить пару игральных досок, фишки и шахматные фигуры. Теперь кучи мальчишек, сбившись в маленькие стайки с остервенением и драками играли в земные игры, а их родители иногда поминали меня не слишком добрым словом, за то что их чада теперь отлынивают от работы и скрываются не понять где, играя в не понять что. Но заря азартных игр уже занималась над Лайдосом.

Все еще тяжело махая крыльями, не смотря на усиленные тренировки, летела над пока еще невысокими горами и с любопытством рассматривала все вокруг. Я внимательно изучала местность и делала пометки в своей импровизированной карте. Только недавно

вспомнила о своем очень полезном в горах образовании геолога, поэтому с энтузиазмом принялась за разработку и исполнение, созревшего в голове плана добычи средств к существованию как лично мне, так и всему королевству. Эта война, да и предыдущие тоже привели к оскудению королевскую казну. Средств не хватало на самое необходимое, не говоря уже про желаемое. Мою одежду сшили из одежды самой королевы, и только через месяц я узнала об этом. Именно поэтому решилась на эту авантюру и, не смотря на внутренний страх остаться одной в горах, отправилась на разведку пока самых ближайших территорий.

Я забралась довольно высоко в горы и уже некоторое время хотела в туалет. За этот месяц вспомнила свою старую привычку разговаривать сама с собой, и сейчас мой мурлыкающий голос, раздавшийся в тишине бескрайнего неба и величественных горных вершин, немного снял напряжение. Еще раз осмотрев под собой площадку с редкими кустиками, решилась приземлиться именно здесь, а то мочи терпеть уже нет, поэтому начала спуск, при этом ворча про себя.

— Жаль, я не голубь! А то приземляйся тут, штаны снимай, а эти засранцы раз на лету, и все готово. Кого-нибудь осчастливили внизу. И вообще, откуда такая дурацкая примета пошла: если тебя голубь пометит, значит, тебе счастье скоро привалит?!

Потом замолчала, занятая житейскими делами, и в красках представляя пришедшую в голову мысль. Вот было бы весело, если бы огромные дриия летали как голуби и "осчастливливали" всех внизу. Вот идешь ты, идешь и не знаешь, что скоро тебе повезет, а тут раз и ТАКОЕ "счастье" тебе на голову прилетает. Главное после этого не умереть от счастья. Представив размеры этого "счастья" и всю картину целиком, от смеха с трудом натянула штаны и, скользя на мелком щебне, начала выбираться из кустов. Но тут в мою дурную голову, пришла еще одна мысль, которая добила окончательно, и я просто уткнулась в ладони лицом, заливаясь слезами от смеха. Представила целую стаю таких дриия, которые заваливают весь город своим "счастьем". И возникшую в последствие легенду о целом городе, погибшем от свалившегося на него счастья.

Основательно посмеявшись над пришедшей в голову бредовой мыслью, я все же решила, что хватит издеваться над собой и взлетела, намереваясь продолжить путь. Полетав еще с часок, приземлилась на одной плоской площадке и, свесив ноги, уселась на край. Внизу расстилалась умиротворяющая картина, и я с удовольствием предалась ее созерцанию. Пики горных вершин тянулись в небеса, чистое голубое небо и двойной лик звезды, выполнявшей функции нашего Солнца, отражался на белых вершинах. И звенящая тишина вокруг, почему-то даже горных обитателей — птиц — не было видно и слышно. Только я одна в этом безмолвии. Так удивительно наслаждаться тишиной и коротким одиночеством. Ведь в прежней жизни я все время была чем-то занята. То уборкой родительского дома и походами по магазинам, то работой, то помощью в решении проблем сестры и вытаскиванием ее из различных передряг. То Мишка все время пытался сделать из меня ту, которую хотел видеть рядом с собой. Коллеги по работе тоже требовали соответствовать моей мужской профессии, и часто приходилось давать им очень жесткий отпор и держаться всегда начеку, ожидая очередной каверзы. Я не выдержала подобного напряжения и с позором вернулась домой. Всю жизнь была кому-то что-то должна и обязана, только мне никто и ничего (кроме тетки, конечно). Я слишком рано стала взрослой и сильной, а это тяготило неуверенную в себе девушку с ранимой душой.

Отдохнув, встала на ноги и, размяв уже порядком затекшую спину, в последний раз

оглянулась, и тут мне снова пришла в голову идиотская мысль. А почему нет? Мне больше не хочется сдерживать свою не наигравшуюся в юности натуру, а хочется ощутить себя студенткой во время практики. Поискала глазами искомый предмет, не увидела (нет, так нет, обойдусь), решительно подошла к ровной отвесной скале и, применяя огненную магию, начала писать. Закончив одну фразу, немного подумала и с ехидным смешком приписала еще одну. А потом, удовлетворенно улыбнувшись, отошла чуть дальше и прочитала вслух:

— Здесь была Юля! — а потом, опустив взгляд ниже, еще одну надпись. — Жизнь дерьмо, а боги сволочи!

Но в тот момент, когда я закончила читать вслух последнюю фразу, в лоб прилетел маленький камушек, больно ударив. Потирая ушибленное место, злобно прошипела:

— Ой, да ладно, что я там неправильно написала-то!

В этот момент у меня под каблуком ботинка разломился камешек, и я, подвернув ногу, упала, больно приложившись бедром. Вот тут мне стало немного страшно, и я виновато заголосила:

— Ну ладно, ладно, ну пошутила я! Что, уже пошутить нельзя?!

Хромая доковыляла до скалы и сначала рукавом попыталась, а потом уже своим пламенем затерла нижнюю надпись, тем не менее, оставив: "Здесь была Юля!".

Ну что я не русская, что ли?! А затем полетела домой, со стороны, скорее всего, смахивая на подбитый кукурузник, вихляя из стороны в сторону и неравномерно махая крыльями.

Глава 5

Мы сидели в небольшой уютной комнате перед камином и просто смотрели, как горит огонь. Эливия сидела в ногах Таурика, опершись о его колени, а он мягко поглаживал ее волосы цвета шоколада, рассыпавшиеся по плечам и спускавшиеся до пола. Каждый из нас держал в руке по бокалу вина, а рядом с Тауриком уже скопились три пустые бутылки. Мы с Эливиной уже довольно сильно наклюкались, поэтому наш дальнейший разговор не вызвал каких-либо преград или недоумения. С трудом ворочая языком, я скосила пьяненький взгляд на супругов и проблеяла.

— Нет, ну вы мне скажите, почему наследников-то не заводите? Возраст уже кричешный, то есть кримический, нет кри-ти-че-ский. Ф-у-у-у-у, ну я понимаю — опасно, но ведь жить вообще опасная штука!!! А?

Таурик насупился и, замерев, перестал гладить жену, а Эливия пьяно заплакала, размазывая слезы по щекам и высказывая свою боль.

— Это я виновата, Юлия! Только я! Я не могу подарить мужу наследника! Род Пограничных, прервется из-за меня! Мы уже столько лет пытались, и все бестолку. Только моя вина!

Допив остатки вина, отставила бокал в сторону и с трудом встала на ноги. Пошатываясь, добралась до друзей. Плюхнувшись на пол, и чуть не подпалив себе крыло, приобняла плачущую женщину.

— Ну не плачь, Эл! Мы щас поглядим, что там и как. Все равно учиться-то надо когда-нибудь!

Эливия, округлив глаза, немного напряглась, услышав о том, что я сейчас на ней учиться буду, но не двинулась с места. Я положила руки ей на живот и, икнув, постаралась сосредоточиться. Пока сосредотачивалась, чуть не уснула, и только мягкий пинок в бок от Таурика вывел из забвения. Тряхнув головой, я снова сосредоточилась и, наконец, у меня получилось почувствовать ее отклик. От удивления и ощущения происходящего сейчас очередного чуда замерла, прислушиваясь к себе. Минуту вела диагностику, действуя скорее просто на интуиции, выискивая темные неправильные пятна, с недоумением убрала руки от женщины.

— Не-а, у тебя все нормально!

Потом, хищно посмотрев на Таурика, вцепилась ему в штанину лапой так, что от соприкосновении с когтями тут же лопнула ткань, обнажая волосатую мужскую ногу, подтянулась повыше. Не обращая внимания на порчу чужого имущества и слегка напуганного мужчину, положила свои лапки ему на живот и уже более легко ушла в транс. Через минуту пришла в себя, и под удивленными взглядами обоих супругов, в напряжении наблюдающих за мной, прохрипела в стиле придушенной кошки.

— Это у Таурика проблема была, а не у тебя, Эль! Я все исправила, можете идти и размножаться, точнее, плодиться, ну или на что у вас фантазии хватит. Сами разберетесь! А у меня что-то голова от вина совсем не соображает, пойду, посплю немного.

Не обращая внимания на шокированных и еще не верящих произошедшему с ними чуду друзей, цепляясь руками и хвостом за стены и мебель для поддержки, поплелась к себе в комнату. Боже, и как я раньше-то без хвоста жила. Я только сегодня поняла, что это не

лишняя пятая конечность, а ЗАПАСНАЯ!!! И очень полезная для выпивших дрийя.

Снова в горы я смогла отправиться только через день. Как выяснилось с утра после пьянки, дрийя очень плохо переносят алкоголь, а похмельный синдром — еще хуже. Я полдня маялась последствиями, пока Кершин, наконец, не сжалился надо мной, дав выпить какой-то волшебной настойки. Правда, потом еще целый час, пока я приходила в себя, прессовал мои мозги нотацией, что нехорошо пить до такого безобразного состояния, чтобы утром крылья не поднять. Даже анекдот вспомнился про пьяную ворону, которая, выйдя из ресторана, взмахнула крыльями, не взлетела и сказала: 'А ладно, пойду пешком'.

Признавая его правоту, молчала и сопела, уткнувшись в подушку и накрывшись сверху крылом, скрывая малиновое от стыда лицо и уши с вздрагивающими от головной боли кисточками. Да-а, моя первая попытка выпить в этом мире провалилась, причем точно так же как и на Земле. Потому что пить я и там не умела и не любила. Ну просто что-то вчера на Таурика накатило и он решил составить нам с Эливией компанию в девичьих посиделках, а чем закончилось.... А кстати, чем все закончилось?! Судорожно прокрутив все, что смогла вспомнить, только облегченно вздохнула. Собственно, только слегка полапала королевскую чету, порвала монаршие штаны, послала их размножаться, разбила какую-то вазу по дороге в комнату и все, вроде!

Снова тишина вокруг и снежные шапки внизу, а за спиной знакомая надпись: "Здесь была Юля!". И я болтаю ногами и, уткнувшись в свою карту, делаю новые пометки. Пока ничего новенького и интересного не нашла, но надежды не теряла. Взлетев, опустилась пониже, изменила курс и решила обследовать новые квадраты.

Пару часов спустя снова присмотрела очень хорошую посадочную площадку и приземлилась, на сей раз перекусить. Уже закончила обедать и собирала сумку с остатками еды, как позади мелькнула большая тень, и я нервно оглянулась. Сначала ничего не увидела, но затрепетавшие у меня на шкурке рыже-красные волоски свидетельствовали, что опасность рядом. И они меня не подвели! Над головой снова мелькнула огромная тень, заставив меня искать защиту у стены, а потом прямо передо мной над пропастью завис, медленно двигая крыльями огромный черный ящер. Точнее, дракон! Его раскрытые крылья, не смотря на поднятые ими пыль и ветер, позволили более четко рассмотреть мощное чешуйчатое тело и поджатые в полете когтистые лапы. Шмыгнув носом, поняла, что мои коготки даже ковыряться в таком носу не подойдут. Мелковаты, однако!

Первый шок прошел, вслед за ним пришли страх, паника и ожидание, что меня сейчас будут кушать. Кершин говорил, что драконы — разумные существа, но с собственными жизненными правилами и принципами. И какими именно, я пока не знаю, а точнее, идея-фикс найти в горах хоть что-нибудь, способное принести средства к существованию, занимала у меня уйму времени, отбирая у учебы. Ведь обидно осознавать себя обычной приживалкой. Даже учитывая все для них сделанное, но все же, это не выход для меня. Не привыкла я, чтобы что-то доставалось бесплатно. За все надо платить!

Прижавшись к стене скалы и округлив глаза в культурном шоке, ведь подобного я никогда не видела и, честно говоря, еще совсем недавно не думала, что когда-нибудь встречу, наблюдала за чудовищем. Причем это самое чудовище с таким же любопытством рассматривало меня, прищуриив черные холодные глаза. Наконец, ему видно надоело висеть подобным образом, он еще пару раз взмахнув крыльями, обдувая меня волной холодного горного воздуха, плавно опустился на край площадки. В следующее мгновение после касания лапами поверхности, в мою сторону шел... мужчина в черной кожаной одежде, плотно

облегающей высокое стройное тело. У меня еще больше округлились глаза, а мозги при виде подобной красоты и мужественности затребовали срочной перезагрузки. Мама дорогая, где таких делают? Мужчина, не теряя времени, грациозно, словно танцуя, подошел ко мне, практически вплотную. Обнюхал со всех сторон, чем еще раз вызвал у меня уже скорее раздражение, пророкотал насмешливо и презрительно, тем самым убивая весь восторг, рожденный его внешностью.

— Х-м-м, какая редкая удивительная встреча! Маленькая дрийя на нашей территории! Даже не знаю — радоваться или печалиться?!

Я задрала подбородок, но все равно вряд ли дотянулась бы до его ключиц, таким высоким он был и, копируя его тон, промурлыкала, царапая когтями камень позади от страха, смешанного с раздражением.

— Хм-м-м, какая встреча! Большой дракон на территории пограничников! Тоже не знаю — радоваться или печалиться?!

Он гневно прищурился, сверля меня черными, холодными, страшными змеиными глазами, затем встал еще ближе, заставив чуть ли не уткнуться ему в грудь лицом. А потом сильно склонился и снова обнюхал, тыкаясь то в макушку, то в шею, скользя по ней прохладным носом. Странно, мужчина с такой потрясающей внешностью прижимается ко мне всем своим великолепным телом, а у меня от него только мерзкие ощущения по коже и внутренности закручиваются в тугий узел. Это как смотреть на смерч, вроде красиво, завораживающе, но смертельно опасно, и ты все прекрасно понимаешь, и спасаешься бегством.

Я уперлась в его каменную грудь руками и словно рассерженная кошка прошипела:

— Я не люблю, когда меня трогают, а уж когда обнюхивают — и подавно!

Выскользнув у него из-под руки, отбежала к краю площадки и все же развернулась, чтобы последний раз взглянуть на дракона. Он стоял, пристально глядя на меня, иронично подняв одну бровь, но не делая попытки броситься вдогонку при этом. Только склонив на бок голову, украшенную черной короткой шевелюрой, уже охмуряющим голосом мягко пророкотал, играя бровями и сверкая агатовыми глазами.

— Деточка, я уверен, мы еще встретимся! Обещаю, в следующий раз не буду столь грубым и неласковым.

Я только хмыкнула от этого какого-то двусмысленного обещания и, взмахнув крыльями, демонстративно спикировала сначала вниз, заставив уже привычно сжаться от восторга сердце, а потом, плавно выйдя из пике, полетела домой. На сегодня поиски сокровищ прекращаю, пока сама чьей-нибудь добычей не стала. Друзьям и Кершину ничего не рассказала, даже сама себе объяснить не смогла почему.

В следующий раз в горы я полетела только через неделю, потому что в город пришла какая-то зараза, и мне пришлось лечить кучу народа. Теперь уже я была настороже, и общая умиротворяющая обстановка и тишина в горах не могли меня обмануть. Теперь я точно знала, какие хищники здесь водятся, и сталкиваться с ними лицом к лицу не очень-то хотелось. На внешнюю красоту я не падкая, а вот богатство внутреннего мира в драконе искать не хотелось. Интуиция меня редко подводила, а рядом с ним прямо-таки вопила об опасности, что внутреннего богатства я у него скорее всего не найду, а вот приключений на свою пятую точку обрету непременно.

Обследовав еще несколько районов, часто спускаясь и роаясь в породе и скальных отложениях, чисто случайно нашла искомое. Неудачно приземлившись на пологий склон

одной из вершин, провалилась в какую-то яму, чуть не переломав крылья, а потом, пока выбиралась из нее, подсвечивая себе пламенем, выяснила, что это небольшая пещера и, двигаясь к выходу, заметила небольшую серебряную жилку. Покопавшись еще, поняла, что это мой новый источник доходов. Я взяла немного породы для тщательного обследования в более подходящей обстановке с участием местного гнома Нерина Корсвальсаулина, который работал, как это ни странно при его росте и весе, кузнецом в замке, и вылезла наружу. А потом тихо и осторожно полетела домой, по дороге отмечая все доступные ориентиры, чтобы их на земле найти можно было. В следующий раз уж точно с гномом полетим, надеюсь, мои крылья выдержат двойной вес, но надо будет вдвоем все осмотреть, а главное, наметить дорогу для разработчиков жилы.

Новость, что я нашла в их горах серебро, привнесла суеты и радости в жизнь обитателей замка. Особенно это касалось его хозяев с пустой казной, поэтому нашу с Нерином экспедицию было решено не откладывать. Мы слетали на разведку пару раз, у меня потом шея и спина разламывалась, потому что Нерин хоть и небольшой, но на Малыша совсем не похож, а я уж точно не Карлсон, который живет на крыше, чтобы на себе его перевозить. Потом было решено заняться тропой для рабочих, и уж тут мне пришлось попотеть. Прокладывать и искать в труднопроходимых горах тропки — очень сложная задача, но мои десять процентов от общей добычи, выторгованные у Таурика, добавляли сил и энтузиазма поискам. Одна я себе там мало что накопаю, а вот если приложить к этому королевскую руку, то можно получить вполне приличный результат. Я практически закончила с составлением топографической карты местности и разметкой на ней дороги к месторождению, когда у меня вновь произошла встреча с драконом. Надолго запоминающаяся встреча!

Глава 6

Закончив с дорогой, я решила снова проверить один труднопроходимый участок, лежащий через одну из многочисленных горных речушек, и полетела назад. Пока прыгала с камня на камень, высматривая более удобный проход, позади меня сквозь шум протекающей между камнями воды послышался шелест огромных крыльев. Вздрогнув, я чуть не упала с камня, и только взметнувшиеся крылья помогли удержаться на месте. Встав более устойчиво, недовольно осмотрелась и тут же заметила, как в нескольких метрах на одном из камней стоит знакомый брюнетистый дракон и, ухмыляясь, рассматривает меня. Я была одета как и в прошлый раз: в штаны, длинную тунику до голеней, чтобы пограничников-мужчин не смущать и свою любимую меховую жилетку. Ведь не смотря на весну, активно отвоевывавшую свои позиции у зимы, в горах было еще холодно. Свои длинные пламенеющие волосы, заплетенные в косу, я раздраженно перекинула через плечо на спину и из подлобья хмуро наблюдала за незваным гостем.

Я даже глазом не успела моргнуть, как он в пару прыжков оказался на одном камне со мной. Раскрыв крылья, я уже хотела резко уйти в небо, но он схватил меня за одно из них, попутно выдрал несколько перьев, заставив рухнуть ему в ноги и с злобным шипением выдохнуть:

— Ссараза чешуйчатая!

Присев на корточки, снова склонив голову набок, сразу напомнив этим движением, как он в виде дракона рассматривал меня, завис передо мной, разгладил перья на крыле и бросил короткое замечание.

— Прости, малышка, не хотел делать тебе больно, но ты сама напросилась.

Я скривилась от его слов, будто лимон съела и даже на грамм не поверила. Слишком ехидным был взгляд, которым он смотрел на меня. Брюнет, все так же сидя на корточках рядом со мной, погладил мои крылья, потом его большая ладонь коснулась моего плеча, обнаженной шеи, а затем медленно скользнула тыльной стороной по челюсти и скуле. Его хриплый стон заставил сбросить непонятное оцепенение, в котором я застыла, почувствовав его руки на своем теле.

— Такая маленькая! Огненная! Я чувствую, как сладок и могуч в тебе огонь, он зовет ко мне. Зовет!

Потом, словно сбросив наваждение, моргнул пару раз и, вернув голосу ехидный тон, настойчиво спросил:

— Что ты здесь делаешь? Вынюхиваешь? Рыщешь как собака-ищейка?

Качнув головой, сбросила с плеча его руку и резко поднялась на ноги, судорожно решая как убраться отсюда целой и желательной здоровой. Но любопытство все же немного притупило страх и гнев от столь бесцеремонного обращения со мной.

— Ищу горные богатства, что непонятного?! Поделиться не хочешь?! Это территория пограничников, и я имею полное право здесь находиться, а ты?

Он опять усмехнулся и медленно поднялся, снова возвысившись надо мной черной неприступной башней.

— Девочка, мне не нужно чье-либо разрешение летать где хочу и делать что хочу! А вот что ты, дрийя, делаешь у людей, мне очень интересно! Или проклятье пало, и вам есть чем

заняться помимо поисков способов избавления от него?

Я удивленно открыла рот, но в тот момент, когда он произнес слово 'проклятье', у меня внутри что-то екнуло, заставив ускориться ритм моего сердца, а в голове неосознанно всплыл разговор с пятнами-высшими, подарившими второй шанс на жизнь. Моя реакция не прошла незамеченной, Черный скривил губы в ухмылке, тем не менее впившись взглядом в мое лицо.

— Ты не знала?!

Еще не придя в себя от сотен мыслей-воспоминаний, пронесшихся в голове, на автомате честно ответила.

— Да, не знала! Я вообще о дрийя мало что знаю.

Как только последнее слово слетело с моих губ, чуть от злости не прикусила свой длинный язык и снова настороженно уставилась на дракона, который мягко вкрадчиво спросил.

— Как тебя зовут, девочка?

Не видя причин скрывать имя, мурлыкнула, про себя чехвостя свой новый голос. Нет чтобы голосом выдать свое недовольство и презрение к унизившему мое достоинство и гордость, вместо этого мое горло выдает такое призывное 'мур-р-р', явно звучавшее в моем имени:

— Юлия!

Мужчина, услышав мое имя, как-то подобрался и подался ко мне, черты лица хищно заострились, а по коже пробежалась странная волна, меняющая человеческую кожу на драконью чешую. И занимательное, и в тоже время жуткое зрелище. Он бросил внимательный взгляд вокруг, а потом без перехода, хриплым обволакивающим голосом пророкотал, делая маленький шагок в мою сторону.

— Ну а я Арвен Даумхольтсверрррсуurr!

— Как-как, извини, не успела запомнить?

Даже со своей сверхпамятью не запомнила его фамилию, но мой не слишком учтивый вопрос, наоборот, вызвал довольную улыбку на его лице, видимо я выдала именно тот ответ, который он надеялся услышать. Поэтому с торжествующим блеском в глазах повторил:

— Арвен Даумхольтсверрррсуurr! Я думаю, ты никогда не слышала этого имени. А можно узнать, сколько тебе лет, девочка?

Я тоже огляделась, делая шаг в сторону и подходя практически к самому краю камня, рискуя упасть с него. Хмуρο посмотрев на него и попутно решая, как мне отсюда удалиться по-английски, ответила.

— Двадцать пять лет, Арвен!

Если бы я в тот момент не посмотрела на него, то упустила бы выражение изумления на его лице, которое продержалось всего пару мгновений, а потом сменилось на весьма загадочный, и скорее всего, не предвещающий лично мне ничего хорошего, пристальный изучающий взгляд.

— Я думаю, ты здесь не дольше двух месяцев, я правильно посчитал?

Я молчала, но выдала себя тем, что закусила клыком губу от подозрительности и наступающего по всем фронтам страха.

— Угадал! — констатировал он. — А то возмущение магического фона двухмесячной давности — твоя работа, я уверен. В тебе слишком много огня, а для дрийя это не характерно. Я бы сказал, ты уникальна, девочка моя. И впрямь девчонка, но тем приятнее

будет приручать тебя.

На это замечание я только презрительно фыркнула, но он не обратил на это ни какого внимания, снова придвинувшись на один шаг, и сразив меня своими словами наповал.

— Ай-ай-ай, боги все-таки начали свою игру! И создали игрушку, но ничего, я тоже люблю играть в подобные игры.

Прищурившись, злобно посмотрела на него и выплюнула.

— Я не игрушка, и никогда ею не стану. Ни для тебя, ни для кого-то еще. Ящерица!

Он смотрел на меня своими змеиными глазами, в которых стоял холод и... любовался. Нервно сглотнув, повела крыльями, сбрасывая напряжение. Как бороться с его презрением я знала, а вот как реагировать на искреннее восхищение — нет. Не двигаясь, он мягко ответил, не обидевшись на ящерицу.

— Семь сотен лет назад была проклята вся раса дрийя. Отныне, пока они не найдут способ снять проклятье, больше не смогут приносить потомство. За все это время они так и не нашли решение своей проблемы, а ведь оно так просто и естественно. А знаешь почему, Юлия?

Я только отрицательно качнула головой, заворожено слушая его голос.

— Они не умеют чувствовать! Не умеют любить или нести ответственность за других. Эгоисты до мозга костей, и ничто не способно их исправить, поэтому они умрут. Все вымрут с течением времени, и даже их имя будет предано забвению. Больше никто не вспомнит о них. Ведь прошло всего пятьсот лет, а о них уже почти не помнят. Они стали легендой, вымыслом, призрачной дымкой, которая очень скоро развеется на ветру. А ты другая! Юли-и-я-я! Даже имя другое: мягкое, нежное, чувственное — как и вся ты. Моя огненная малышка. Огонь в крови дрийя рождается настолько редко, его не было уже несколько тысяч лет. Они заждались тебя, малышка, но не получают такое сокровище.

Он шагнул уже вплотную, прижимая к себе и снова сильно вдыхая мой аромат. Странно, меня будоражил огонь внутри него, но я никак не реагировала на его носителя. Это реакция магии огня на родственную стихию, а не отклик женщины на своего мужчину, но дергаться не стала — пока рано, да и хотелось задать пару вопросов. Пригодится на будущее.

— Почему ты их так ненавидишь? Они что-то забрали у тебя?

Он скользил руками по моей косе, плечам и голове, заключая мое лицо в свои ладони.

— Дважды, девочка! Они забрали у меня дважды! Сначала моя сестра ушла из гнезда к правителю дрийя, потом, когда он предал ее чувства, не смогла пережить боль и ушла за грань. Прокляла всю расу дрийя, отдав проклятию не только силу, но и жизнь, и душу. Теперь, пока оно не снято, она не может возродиться. Глупышка, как можно было верить, что они могут исправиться. Исправить свою натуру невозможно. И это доказал их правитель. Жалкий сломленный дрийя приполз к нашему Совету, умоляя простить его и помочь снять проклятие.

Я снова сглотнула, увлажняя пересохшее горло, и хрипло поинтересовалась:

— И что ответил ваш Совет?

Он лишь ухмыльнулся, пугая до судорог в ногах смертельным холодом в глазах, от чего у меня закралась невольный вопрос: 'Как можно сдерживать внутри бушующий огонь, а снаружи быть таким холодным'?

— Он просил даровать ему спасительное пламя согласно проклятию, и Совет не стал отказывать ему в просьбе!

Потом, мгновение помолчав, словно вспоминая это событие вновь, от чего у него на

лице проявилось мрачное удовлетворение, вызвав у меня в груди холод и страх. А потом каким-то будничным тоном закончил свое жуткое повествование.

— Он недолго горел, а жаль! Его прах быстро разметал ветер!

Вот тут меня уже начало потряхивать, но Арвен успокоил меня как умел, или точнее — хотел!

— Не бойся, малышка! В гнездах все меньше и меньше рождается самок, скоро и мы отправимся вслед за Дрийя. В забвение! Так тяжело найти истинную, чтобы создать пару и произвести на свет потомство. А самки дрийя как нельзя лучше подходят драконам. Это феномен, но любая из вас может стать истинной для любого из нас. Единственное, что нас останавливает от создания подобной пары, это полная эмоциональная и духовная ущербность с вашей стороны. Невозможно прожить вечность с парой, которая не умеет любить или разделять любовь. Подлость богов заключается в том, что только дрийя могут стать нашей парой, а мы — разделить любовное ложе дрийя. Любой другой вид не сможет удовлетворить тебя, малышка, а ваши мужчины убьют своей страстью самку любого другого вида, кроме дракониц. Так что я спасу тебя от холодных соплеменников и подарю свою любовь, возможно, со временем!

Меня от подобной перспективы передернуло, но стояла молча и ждала, что он еще скажет, но и он молчал, изучая мое лицо и поглаживая его сильными длинными пальцами с когтями. Я не выдержала и выпустила свое любопытство.

— А что там за проклятье-то? Можно поподробнее? Тем более хочется узнать, зачем тебе я, ведь я, по твоим словам, получается бесплодная?

— Нет, девочка, не бесплодная! Проклятье коснулось всех, кто был рожден на тот момент или находился в утробе матерей. С тех пор больше никто не рождался, новым дрийя взяться не откуда. Вот только с тобой боги намудрили. Но мне же лучше. А проклятье.... Оно само содержит способ избавления от него. Даирс не стала усложнять жизнь любимому, только хотела отомстить и научить чувствовать, но так оплошала, бедняжка.

Я нетерпеливо спросила:

— Ну и?

Он ушел в себя, но начал произносить слова со странным речитативом.

— Огонь любви растопит стены, твердыни холода и тьмы,

И силе покорится слабость, когда сторев до тла,

У правящего Дрийя воспыхает сердце.

Иного нет пути и нет спасенья

Для тех, кто проклят был,

Как только в это пламя окунуться

И добровольно правящим его признать!

И тот, кто в пламени сгорел хоть раз,

Способен будет жизнь другому дать.

— И что, этот стишок-загадка смог кого-то бесплодным сделать?

Я недоуменно уставилась на Арвена, а тот только снисходительно покачал головой, улыбаясь.

— Нет, девочка, это вторая часть проклятья, ведущая к его снятию или разрушению. Сами проклятья вслух не говорят, если не хотят с жизнью расстаться как Даирс. И мне

надоело говорить об этом. Хочется попробовать тебя на вкус.

Он наклонился еще ниже, приподнимая мою голову чуть выше, так что я уже на самых коготках стояла и нервно подрагивала хвостом. Как только он впился в меня поцелуем, словно мартовский энцефалитный клещ в свою первую после зимы добычу, вызвала в ладони огонь и со всей дури ударила по нему. Его отбросило на добрый десяток метров от меня, хорошенько приложив о камни, а на моих щеках остались царапины от его когтей. Стремительно развернув крылья, рванула до дому, лишь крикнув напоследок.

— Запомни, я никогда не буду твоей игрушкой, ты ничуть не отличаешься от бесчувственных дрийя ни своим поведением, ни поступками.

Я летела как ветер, но раздавшийся вслед злобный рев огорченного дракона, заставил через не могу еще быстрее махать крыльями. Надо мной появилась огромная тень, нависая жуткой тучей и, задрав голову, я заметила черную тушу Арвена-дракона. А через секунду мимо пронесся столп пламени. Я уверена, что он специально промахнулся — не хотел поджарить меня, просто закрывал путь из ущелья. Я металась от одной стены к другой, пытаюсь избежать огня уже целенаправленно бьющего по мне дракона.

— Сссараза черная! — выдохнула я, в очередной раз уходя от прямого удара, и с жутким воем поджала под себя свой дымящийся хвост: — Задел, гад! Что я тебе сделала вообще? Ты первый начал!

Наши догонялки продолжались уже час, и я начала сдавать — устала, но и Арвен почти выдохся. Еще бы, попробуй, произведи столько огня, да еще и на дорогу смотри, чтобы меня не упустить, крыльями двигай и куча других мелочей. Я гораздо мельче его и проскальзывала там, где он не мог меня достать или пролететь сам, и ему приходилось кружить вокруг и искать другие пути. Вот одно из ущелий, через которые я практически боком пролетала, поэтому вылетев с другой стороны и не обнаружив преследования, с диким облегчением, уже едва махая крыльями, понеслась домой, все еще слыша отчаянный злобный рев потерявшего меня дракона.

С трудом добралась до замка и, пролетая над стеной, с тревогой заметила, что там никого нет. Солнце уже садилось за горизонт, и его последние лучи слепили глаза, поэтому я решила, что скорее всего просто не заметила стражников. Залетев в свою комнату, кулем свалилась на кровать, не обращая внимания, что с ног до головы грязная. Потом совесть и врожденная брезгливость заставили достать одно из самых симпатичных платьев, перешитых для меня, — черного цвета с серебристой вышивкой, мягкие кожаные туфли и отправиться в купальни. Как только понежилась в теплой воде женской части купален, магией высушила волосы и полностью оделась, влетела служанка. Увидев меня, она сначала облегченно выдохнула, а потом, странно опустив глаза, побледнела и пролепетала.

— Хасин Юлия, вас ждут их величества у себя в кабинете!

Как только она это сообщила, тут же поторопилась скрыться с моих глаз, вызвав у меня недоумение и тревожное удивление. Но я оптимист по натуре и долго напрягаться не умею и не люблю, поэтому направилась в сторону жилой зоны их королевских величеств. Долго идти было тяжело, учитывая тот факт, что я все же умудрилась подвернуть ногу, пока занималась своим спасением. Я ее немного залечила, но на большее времени не хватило. Именно по этой причине, завидев ближайший небольшой арочный проем, ведущий на балкон, я вылетела из него к окнам кабинета. Таурик и Эливия уже привыкли к тому, что чаще всего я захожу через окно, нежели дверь.

Уже подлетев к окну, но еще не попав в квадрат света, услышала незнакомый тяжелый мужской голос с рычащими нотками.

— Я еще раз спрашиваю вас, Таурик Пограничный, где тот, кто взбаламутил весь магический фон Лайдоса?

В ответ — королевское молчание и нервная дрожь у меня внутри. Не двигаясь с места и затаив дыхание, вслушивалась в происходящее в комнате. Потом раздался еще один голос, от которого у меня по спине побежали мурашки, такой бархатный и ласкающий слух, словно шепот ветра в кронах деревьев.

— Это дрийя? Послушайте, Таурик, этому дрийя не причинят вреда. Скажите где он и получите все, что пожелаете! Мы же только заберем его домой, где он займет полагающееся ему место. И почет! Возможно!

Это "возможно" уже довело сегодня до белого каления, но я продолжала висеть, медленно устало махая крыльями, чтобы узнать максимально большее количество информации. Затем в комнате раздался твердый, но очень напряженный голос Таурика, и мне стало чрезвычайно интересно, кто же его так напугал, что он терпит столь неуважительное к себе обращение.

— Это не он, а она. И она действительно дрийя! Она спасла жизнь мне, моей семье и всему королевству. Я не плачу злом за добро, так что ваши предложения бессмысленны. Если она сочтет возможным с вами побеседовать, значит, вы ее увидите, если нет — не обессудьте.

После его речи воцарилась тяжелая тишина, а потом один из мужчин видно не выдержал и удивленно спросил.

— Самка? Это невозможно! Как может слабая самка быть носителем огня?!

Затем снова раздался тот самый, затронувший мои глубины шелестящий голос ветра.

— Это уже не важно! Пламя уже родилось! Где она, человек? Запомни, на кону стоит так много, что не сомневайся, ради нее я без угрызений совести уничтожу твой замок и всех, кто здесь находится. А начну с твоей пары, что так испуганно смотрит на тебя в поисках защиты. А ты отказываешь ей в этом, скрывая чужую? Конечно похвально, что ты настолько благороден, но...

Я не стала слушать дальше, уже по интонации его голоса, намеренно лишённого эмоций, поняла — он сделает все, о чем говорит. Я не буду прятаться за спины тех, кто готов умереть за меня. Плавно скользнув к подоконнику, встала на него, а потом, сложив крылья, спрыгнула в комнату под изумленными взглядами королевской четы и пяти мужчин в плащах. Один из них стоял впереди, давая понять, что он среди них главный. Широкие плащи накрывали их с головой, спускаясь до пола и скрывая фигуры. От этого становилось еще страшнее, потому что у каждого за спиной шевелился огромный горб, а глаз и лиц не видно. Вообще не видно, и мне на миг показалось, что их и нет.

Стараясь не ступать на поврежденную ногу, я дохромала до Таурика, повернувшегося в пол оборота, и виновато глядевшего на меня. С таким же выражением на лице сидела в кресле Эливия, которая вчера узнала от меня что беременна, а теперь гадает, выживут ли они с мужем или нет. Я пожала ее плечо и мягко улыбнулась краешком губ Таурику, и только после этого повернулась к пришельцам.

Ведущий пятерки медленно откинул свой капюшон и уставился на меня, буравя взглядом огромных синих глаз. Да, таких ярких глаз в природе просто не может быть, и я, зачарованная ими, не могла оторваться от его лица. Потом он так же медленно, не разрывая нашего зрительного контакта, перекинул на одну сторону плащ, передернув плечами, собрал его в кулак, и закрепил плетеным ремешком, оставив висеть вдоль тела свободной волной. И вот, наконец, я смогла более-менее сфокусировать взгляд, вынырнув из волшебной синевы глаз, и осмотреть его полностью.

Я со своим ростом метр восемьдесят достигаю ему только до ключиц, даже с учетом торчащих над головой кисточек на ушах. Владелец прекрасных глаз был одет, в странной формы куртку с поясом на талии, видимо завязанном сзади, облегающие коричневые штаны из тончайшей кожи, демонстрирующие мощные мускулистые ноги в коротких ботинках или мокасинах. Торс впечатлял как своей шириной, так и перекатывающимися мускулами под хорошо выделанной черной кожей без украшений. За спиной яростно топорщатся черные крылья, сейчас сложенные, но готовые в любую секунду раскрыться. А лицо заставило меня забыть как дышать. Светлая чистая кожа без щетины, немаленький нос с горбинкой, придающий хищность и так неприветливому лицу. Обаяние тоже обошло его стороной, потому что синие холодные глаза смотрели на меня пристально и изучающе. Тонкие губы настолько плотно сжаты в жесткую линию, что кажется зубы скрипят от нетерпения. Упрямый подбородок и высокий умный лоб, и все это украшено черными до синевы, длинными, ничем не скованными волосами, разметавшимися по спине, сквозь которые на голове проглядывают большие подвижные остроконечные уши, с темными кисточками на концах. Сглотнув слюну, я поняла, что пропала. Причем так, как никогда в жизни. Передо мной стоял мой БОГ! Предмет моих девичьих мечтаний, сразивший меня наповал.

В этот момент ту же процедуру с плащами проделали и остальные мужчины, стоящие позади моего кумира, и я, не удержавшись, вздрогнула и отшатнулась в сторону. Заметив мои телодвижения, они недоуменно подняли брови и скривили губы в улыбке, но при этом явно в недоумении от моей реакции на них. Нервно сглотнув, не выдержала и спросила хриплым от

страха и потрясения голосом:

— Они что, все слепые?

А потом снова перевела взгляд на мужчин, стоящих плотной стеной за спиной моего бога и напряженно смотревших на меня своими огромными пустыми глазами, полностью закрытыми мутными белесыми бельмами. Бр-р-р, так в фильмах ужасов мертвецов показывают или зомби, а тут — живые люди. Точнее, нелюди! Теперь я точно могла сказать, что передо мной стоят дрийя. Целых пять мужских особей моего нового вида. Но спокойно смотреть в эти белые глаза без радужки и зрачков я не могла. Да меня от одного их вида передергивало от страха и неприязни. Мой кумир снова завладел моим взглядом, за пару мгновений вернув относительное спокойствие, и тихо, завораживающе спросил:

— Почему ты так решила?

С трудом собравшись под его холодным взглядом, ответила, пожимая плечами.

— Так ведь глаза у всех белые!

Он пристальнее впился в меня взглядом и хрипло прошелестел:

— У всех белые?

Я смутилась от этого горящего нетерпением взгляда, поэтому, не вдаваясь в подробности, только кивнула головой и лишь краем глаза даже не заметила, а скорее почувствовала, что он разочарованно вздохнул и немного опустил плечи. Я снова посмотрела на него в ожидании ответа, и он не замедлил его дать, только голос его теперь был бесцветным и без малейшего проблеска эмоций.

— У всех дрийя такие глаза, девочка! Только в зеркале ты можешь видеть истинный цвет своих глаз, для всех остальных он скрыт защитной пленкой. Зачем кому-то знать какой магией ты владеешь и заранее раскрывать сильные и слабые стороны? Но странно, что ты этого не знаешь! Откуда ты появилась здесь?

Я пропустила его последние слова, все еще переваривая сказанное. Потом, еще не веря ему на слово, повернулась к Эливи и Таурику, которые, затаив дыхание, наблюдали за происходящим и хрипло спросила.

— Это что, правда? Вы видите такие же белые глаза у меня? Как у них?

На последнем слове голос изменил мне и визгливо пискнул. А когда Таурик и Эль синхронно кивнули, я покачнулась и неосознанно дернула рукой в поисках опоры. Меня поддержали сзади под локти. Подняв глаза, увидела рядом синеглазого дрийя. Испытывая еще слабость в ногах, виновато улыбнулась и коротко пояснила:

— Простите за мое поведение, просто не каждый день выясняешь, как выглядишь со стороны. Я-то думала, что выгляжу как все, а оказывается, не совсем так!

Потом неохотно высвободилась из его рук, сделала шаг в сторону супругов, но меня что-то удержало снизу. Удивленно опустив глаза, начала стремительно краснеть, уподобляясь помидору. Ни какая рыжая шкурка не помогает скрыть краску стыда. Оказывается, мой своевольный хвост плевать хотел на игры моего разума и совсем не хотел расставаться с предметом нашего совместного обожания. Совершенно наглым образом задрал подол платья, обвился вокруг бедра синеглазки. Ослабив хватку, медленно, скользящим движением убрала хвост подальше, про себя обзывая его предателем и, не поднимая головы, начала двигаться в сторонку, прихрамывая на левую ногу. Но уйти не дали, мое личное божество, схватив меня за локоть, остановил, двумя пальцами поднял мое лицо, рассматривая его более пристально, и негодуя спросил:

— Кто нанес тебе эти раны на лице? И почему ты хромаешь?

Слегка махнув рукой и прочищая пересохшее от волнения горло, ответила:

— Да так, ничего серьезного! Пара царапин, полученных от слишком настойчивого ухажера, а нога... Подвернула, пока ретировалась с места незапланированной встречи. Под ноги уже не было времени смотреть, такое горячее прощание было, что еле-еле их унесла.

Он чуть сильнее сжал свою могучую каменную лапу у меня на предплечье и прорычал.

— Кто это сделал? С кем ты встречалась?

Я немного струхнула от такого яростного напора, и поэтому в партизана решила не играть.

— От твоего рыка я забыла, как его зовут. Да и вообще, кто такие фамилии придумывает, что даже с моей памятью их сложно запомнить. — Арвен Даумхольтсверрррсуурр! — фу, надеюсь, правильно вспомнила. — Сделал мне предложение руки и сердца, от которого настолько было тяжело отказаться, что мне подпалили хвост, но я все же смогла его надуть и скрыться подобру-поздорову. Правда, о нем я этого сказать не могу. Он когда ко мне целоваться полез, я его хорошенько так предупредила, что не стоит этого делать. Он хоть и плюется огнем, но сам от него хорошенько поджарился. Паленая ящерица!

Пока я вспоминала, как выглядел шокированный и еще дымящийся Арвен, в позе звезды пришибленный к камню от моего удара огнем, невольно кровожадно улыбнулась. Но вспомнив, что в комнате не одна, тут же стерла улыбку с лица и невинной овцой посмотрела на синеглазку. Тот же, прищулив свои потрясающие, волшебной синевы глаза, слишком внимательно смотрел на меня.

— Ну что ж, отложим ответные действия немного на потом. Но не забудем об этом! Теперь вернемся к главному вопросу, разговор будет долгий, поэтому прошу присесть.

Медленно подвел к креслу и практически силой усадил в него. Эливия, сидевшая рядом, при его приближении невольно подалась назад, вжимаясь в спинку кресла и хватая мужа за руку. Усевшись поудобнее, взяла ее за вторую ладошку и, слегка пожав, тихо сказала.

— Как я тебя теперь понимаю!

У них с Тауриком вырвался невольный нервный смешок, который, тем не менее, позволил им немного расслабиться. Я же себе этого позволить не могла. Пятеро огромных дрийя, занимающих собой практически все свободное пространство и давящих на психику, — весьма тяжелое испытание для души и разума. Недолго думая, моя ожившая мечта одной рукой подхватил стоящий возле стены пуфик, который я не далее как два дня назад отодвинула туда, чуть не надорвавшись, чтобы очистить пространство для карт, разложенных на полу для изучения, и сел рядом со мной. Черные крылья трепетали, а хвост свернулся клубком рядом с моими ногами, от чего моя пятая самоуправная конечность нервно запрыгала. Моему чудесному хвостику с красной кисточкой, да и лично мне тоже, до одурения хотелось прикоснуться к его черной шикарной лохматой кисточке и молочному плюшу кожи, чтобы ощутить его мягкость и потрогать блестящий мех. Ур-р-р, аж руки чешутся!

Я с трудом отвела взгляд от его хвоста и решилась поднять на него. Он смотрел с интересом, но не более того, и меня это задело, но помогло взять себя в руки. Задрвав подбородок, я вопросительно подняла бровь, отпустив ладонь Эливии и вцепившись в мягкие подлокотники кресла. Наша молчаливая дуэль глазами долго не продлилась, и он первым задал вопрос.

— Как тебя зовут, девочка? Откуда ты?

Я еще раньше продумала, что можно говорить, а чего — не стоит, поэтому не видела смысла делать тайну из своего происхождения.

— Меня зовут Юлия Крымова! Я погибла в своем мире, но видно настолько хотела жить и так громко просила богов об этом богов, что мне подарили второй шанс и создали это тело. Я прошла сквозь огонь, чтобы родиться в этом мире, так что заслужила и это тело, и этот мир, и свою новую жизнь тоже. Так мне сказали! Меня выкинуло в бассейн за замковой стеной, голую, без малейших знаний об этом мире, не подготовленную к тому, что будет дальше, но я все равно до глубины души благодарна богам за этот подарок. Пока приходила в себя и выясняла кто я такая, оказалась посреди побоища. Помогла отбиться от бредвишей, и меня приютили здесь. Выходили, одели, обули, научили языку и рассказали об этом мире. Подарили заботу, тепло и уют своего дома, а также дружбу. Не всем так везет как мне, и за это я вдвойне благодарна.

Все шокировано смотрели на меня и даже Эливия с Тауриком с круглыми глазами переваривали историю моего возрождения. Ведь они ее тоже впервые слышат, и если раньше я не хотела, чтобы кто-то знал, то теперь — наоборот, прежде чем они хоть что-то захотят сделать со мной, должны знать кто я такая и откуда. Молчание длилось всего мгновение, потом его нарушила Эливия, которая положила ладошку на мою лапку, и со слезами на глазах сказала:

— Ты сама просто чудо, Юлия! Спасла всех, делишься последним...

А Таурик, добродушно улыбнувшись, беззлобно пробурчал:

— Ага, и берешь только десятую часть добычи!

Эливия бросила на мужа сердитый взгляд, а потом снова благодарный — на меня.

— И за будущего наследника спасибо. Если бы не твое умение исцелять недуги...

Упссс, вот и выдали нечаянно мои магические секреты, но промолчала, а Эливия еще долго бы пела мне серенады, только ее перебил стоящий рядом с синеглазым мужчиной со шрамом на щеке. По его голосу поняла, что это тот самый мужчина, которого я услышала первым, подслушивая за окном.

— Значит наши мольбы все же услышали высшие! И ошибки вашего рода Черных Властелинов будут смыты вновь рожденным огнем. Вторая часть проклятья, наконец, обретает свой смысл.

Я заметила, что слова словно тяжелым камнем ложатся на плечи МОЕЙ ночной фантазии и заставляют его напрячься под такой ношей, а лицо — потемнеть от непонятных мне эмоций и чувств. Выходит представитель его семьи был правителем, не оправдавшим ожиданий мстительной драконицы. Как интересно, значит он не простой дрийя. Вспомнив разговор с Арвенем, подняла лицо и твердо взглянула в глаза мужику со шрамом, решившему все свалить на одного.

— О проклятии, постигшем всех дрийя, мне сегодня уже рассказали немного. И вы ошибаетесь! Как сказал Арвен, брат той, которая вас всех прокляла, злилась-то она на одного мужчину, но прокляла всех, потому что ВЫ все виноваты. Слишком ветрены и безответственны.

Он аж скривился от этих слов и прорычал в ответ, клацая надо мной клыками:

— Да кто он такой, жалкая ящерица, чтобы критиковать дрийя. На себя бы посмотрел! Покалечил женщину, а удержать так и не смог.

Я только зло усмехнулась и заметила:

— Потому что я была против. Категорически против. А еще хочу заметить, что

признание своих ошибок и недостатков — это первый шаг к успеху, а судя по вам, до успеха очень далеко!

Замолчав, я внутренне сжалась, ожидая ответных мордобитных действий. Но дрийя меня удивил, он снова скривился, как будто ему клыки сейчас вырывать будут и, бросив извиняющийся взгляд на синеглазку, под его пронизывающим яростным взглядом, опустил голову и отошел в сторонку. А синеглазка, между тем, снова быстро стерев все эмоции с лица, повернулся ко мне и сказал, заглядывая в глаза и все время будто чего-то ожидая от меня. Еще бы мне узнать чего?!

— Я Тервишесс из рода Черных Властелинов. Вижу, ты устала, поэтому переночуем здесь, а завтра утром мы отправляемся на земли дрийя. Ты, возможно, являешься той, кто сможет снять проклятье. И твое 'нет', меня не остановит.

Я только пожала рыжими плечиками, разгладила черное шерстяное платье на коленях и ответила, улыбаясь ему глазами.

— А я и не собираюсь отказываться. Мне интересно посмотреть ваш мир и свою новую родину! Особенно за чужой счет. Так что если все затраты и моя кормежка за вами, я согласна!

Все дрийя невольно усмехнулись, опасно блеснув клыками. Тервишесс только прищурил глаза, но быстро отвел их в сторону, словно уходя в себя, а я снова расстроилась — похоже, не нравлюсь ему. Тервишесс — какое у него имя странное, однако. Произнесла про себя сокращенное: 'Тери'. И успокоилась. Надеюсь, за время долгого пути через весь континент мне удастся завоевать его. Я постараюсь. Использую это время по максимуму.

Утро встретило ласковым весенним солнцем, бьющим прямо в глаза, поэтому долго нежиться в кровати не стала. Заплела две косы на французский манер, с веселой ухмылкой пошевелила кисточками на ушах, разглядывая себя в зеркало. До сих пор не могла поверить, что другие не видят моих зеленых глаз. Особенно жалко, что Тервишесс не видит, возможно это бы мне помогло привлечь его внимание.

Собрала небольшую сумку, взяв с собой только самое необходимое и немного серебра в мешочке, вдруг пригодится. Ведь не зря мы с Нерином накопили его в небольшом количестве, что бы показать Их Величествам. Еще вчера вечером, после того как дрийя оставили нас одних в кабинете, передала карту и все описания, составленные по ходу дела, и пожелала удачи в разработках открытого мной месторождения. Эливия долго плакала у меня на плече, я же успокаивала то ее, то нервничающего из-за этого Таурика, который тоже чувствовал себя паршиво, но от того, что незваные гости остались ночевать в его замке.

Полностью собравшись, я окинула взглядом свои штаны из плотной ткани, заправленные в короткие ботинки, красивую рубашку с вышивкой на вороте и рукавах, мою любимую неизменную меховую жилетку. В ней и не жарко, и не холодно, самое то для такого корявого летуна как я. Подхватив рюкзак, направилась на встречу с судьбой в лице самого потрясающего мужчины, которого когда-либо видела. И неважно, что он не человек, я вот тоже стала дрийя, главное, что я хочу его больше всего на свете. Выйдя во внутренний двор, осмотрелась вокруг и заметила дрийя, с нетерпением поджидающих меня. Как только подошла, один из мужчин забрал у меня рюкзак, а я с благодарной улыбкой спросила, обращаясь к мрачному Тервишессу.

— Ну и как поедем?

Они дружно уставились на меня, и Тери все-таки соизволил процедить.

— Полетим! На крыльях! Есть проблемы с этим?

Я ступевалась и неуверенно покачала головой. Во двор вышли проститься супруги, и я быстро обняла каждого из них, а потом и Кершина, который тоже мрачно взирал на дрийя, словно те отобрали у него любимую игрушку. За спиной зашелестели крылья и ветер, растрепавший мои волосы, известил, что мужчины уже в воздухе. Помахав руками своим гостеприимным друзьям, взмыла вверх и тут же оказалась в окружении пяти властителей неба. Они подозрительно косились на меня, и я не выдержала, спросила у мужчины со шрамом:

— Извините, не знаю как к вам обращаться, что-то не так с моими крыльями? Вы так странно на меня смотрите!

Мы медленно двигались невысоко над землей, пролетая над стеной замка и уходя в сторону леса, поэтому Шрам мог пока спокойно со мной побеседовать, что и сделал. Причем мне показалось, что обращение именно к нему с расспросами его сильно порадовало.

— Два тысячелетия назад родился последний огненный дрийя. Как и предыдущие до него, он был самцом. Я вообще не помню, были ли когда-нибудь самки огненными или нет. А ты — истинный огонь, твои крылья тому яркий пример.

Я изумленно уставилась на него.

— А причем здесь крылья?

— Только у огненных крылья красные, у остальных — либо серые, либо черные. Ты

очень красивая, Юлиндирь.

Переварив полученную информацию, я опешила от того, как прозвучало мое имя.

— Какая я тебе Юлиндирь? Я Юлия! А не какая-то дырка! — последнее сказала уже про себя, недовольная искажением моего имени.

— Окончание 'дирь' добавляют аристократкам из самых древних родов, претендующих на престол. — важно сообщил он, добавив: — Кстати, меня зовут Шервисс, я из рода Серых воинов. Не успел представиться вчера.

Я окинула его внимательным взглядом и убедилась, что он и вправду серый. Серебристые длинные волосы, серая кожа, а глаза белые, бр-р-р, до сих пор вздрагиваю, как их вижу.

— Я не аристократка, так что я просто Юлия! И уж тем более не претендую на ваш престол, так что могу жить спокойно! Приятно познакомиться, Шервасс.

Шервисс бросил на меня странный насмешливый взгляд, а потом такой же на Тервишесса, который, размеренно махая огромными черными крыльями, летел рядом и явно прислушивался к нашему разговору.

Наша беседа прервалась, потому что неожиданно прямо перед нами взметнулась темная масса, через мгновение оказавшаяся крылатыми мужиками. Один, два, ага... в количестве пятнадцати штук они по дуге обогнули нас и пристроились позади. Я уже отошла от первого шока, но тут меня настиг второй, оказалось, со страху и от неожиданности я прилипла к груди Тервишесса и обхватила его не только руками-ногами, а еще и хвостом за талию. А он с бесстрастной миной на лице продолжал медленно лететь дальше, не обращая внимания на столь незначительную приставучую досаду в моем лице. Я резко расслабила конечности, и пару секунд находясь в свободном падении, уже под пристальными и тревожными взглядами всех мужчин, раскрыла крылья и, перевернувшись, полетела молча и в гордом одиночестве. Ну это я так воображала неудачно, потому что позади меня летели двадцать самых бесподобных и опасных экземпляров мужского пола. Завтрак у меня был уже давно, а обед почему-то не начинается. Полет длится не менее трех часов, и у меня уже ломит спину от усталости, и живот завывает на весь небосвод. Мы нагнали какую-то птичку, похожую на небольшого ястреба. Услышав очередной вопль моего голодного желудка, птичка задрала голову и, увидев кто летит вместе с ней, в ужасе курлыкнула и камнем рухнула вниз, уже возле самой земли, расправив крылья и выйдя из пике, торопливо скрылась среди деревьев. Я невольно улыбнулась, но тут же столкнулась с насмешливыми ухмылками летящих вокруг мужчин. Раздосадовано отвернулась, глядя куда угодно только не них. Вот как посмеяться, так они первые, а как голодную девушку покормить, так никого нет.

Я уже из последних сил махала ставшими пудовыми крыльями, то снижаясь вниз, то снова поднимаясь на общую высоту, чувствуя, что еще полчаса, и я камнем рухну вниз. С мольбой посмотрела на Тервишесса, а он, заметив мои телодвижения, поднырнул под меня, перехватил тело и, приказав сложить крылья, буквально завернул в них как куколку и прижал к себе. Теперь я летела как младенец, спеленутый и прижатый к могучей груди. Рядом обнаружился еще один мужчина, протянул мне мясной пирог из провизии, что кухарки собрали нам в дорогу, и жизнь сразу стала веселее. Умяв половину и почувствовав себя гораздо лучше, отломила кусочек и поднесла ко рту Тери. Он посмотрел на меня, фыркнул, но тем не менее, осторожно взял угощение из моих рук, словно неприрученный зверь. Прожевал довольно быстро и, уже не фыркая, схмятил остальное, чуть не обглодав мои пальцы. Отдав ему последний кусочек, не придумала ничего лучше как облизать

жирные пальцы. И обмерла от гормонального всплеска, когда он, пристально глядя на меня, обхватил мои пальчики губами, осторожно, чтобы не поранить клыками, облизал их горячим шершавым языком. Ур-р-р, я в экстазе! Следующие минут десять решала, как умудриться не испачкать эту руку, чтобы больше НИКОГДА ее не мыть, сохраняя ощущение его языка на моей коже. Так и не придумав приемлемого решения, неуверенно и заискивающе глянула на него снова, а этот гад... Снова с бесстрастной холодной миной смотрит куда угодно, только не на меня. Кошак недоделанный. Что поделаешь, буду рассматривать пейзаж с высоты, благо полюбоваться есть чем.

Мы летели почти до самого вечера, и только когда двуликое солнце одним своим боком коснулось горизонта, и под нами побежала широкая глиняная дорога с редкими обозами, начали снижаться. Через несколько минут мы приземлились возле большого придорожного трактира. Я стояла возле Тервишесса и держалась за него хвостом, сложив руки на груди. Я очень устала, ноги затекли, дико хотелось в туалет и спать. Но главное, кушать и побольше, побольше.

С нашим появлением в трактире наступила гулкая тишина, не смотря на то, что мои спутники снова накинули плащи, полностью скрываясь под ними. И только я, словно огненная ворона среди серой стаи, стояла между ними, привлекая усиленное внимание. Шервисс подошел к барной стойке и выложил небольшой мешочек с деньгами. Хозяин — небольшой коренастый мужчина в возрасте, с хитрыми черными глазками, заглянув туда, округлил глаза и восхищенно выдохнул, после чего преданно поглядел на Шервисса, который ехидно усмехнулся такой откровенной реакции и сказал:

— Нам нужен ночлег. Для всех! И ужин! А главное, чтобы через минуту здесь кроме нас никого не было. Ты все понял?

Хозяин побледнел и кинулся выдворять посетителей за дверь. Хотя те, кого на ночь глядя выставляли на улицу, сильно не сопротивлялись. Сдается, они были даже рады исчезнуть отсюда добровольно, лишь бы не смотреть в эти пустые белесые глаза. Двадцать мужчин дрийя и я расположились за опустевшими столами, а вокруг сновала пара испуганных служанок, трясущимися руками убирая чужие тарелки и накрывая столы по новой. Я оглядела своих спутников и, чувствуя подвох в происходящем, обратилась к Шервиссу, снова вызвав у него довольную улыбку и блеск в белесых глазах.

— Шервисс, а вы можете мне пояснить, почему вас так боятся люди? Ну я понимаю: глаза жуткие, крылья есть, но ведь это... не может ТАК пугать окружающих?!

А про себя подумала: 'Неужели я настолько быстро привыкла к своей, да и к их внешности, что не могу понять чужого страха перед ними. Нами!'

— Юли-и-я-я! Нас боятся заслуженно, это не оскорбляет. Скорее забавляет! Когда проклятье вступило в силу, не было большого ажиотажа по этому поводу, и только спустя несколько десятков лет, когда у дрийя больше не родилось ни одного младенца, началась паника, а потом — поиски решения проблемы. Точнее, Совет думал как избавиться от проклятия. Главный виновник этого несчастья — предыдущий правитель Дрийя — нашел, наконец, текст проклятия, попорченный им в пылу гнева на брошенную им любовницу, и началась его расшифровка. Точнее расшифровка его второй части, где описывалось, как снять.

Я словно слушала волшебную сказку, если бы не знала, что случившееся с главными героями — правда. А Шервисс, пристально глядя почему-то на Тервишесса, продолжил свое повествование, пока нам готовили и быстро накрывали на стол.

— Совет подошел к решению проблемы без фантазии, буквально исполнив строчки проклятья, где говорится, что слабый силе покорится и в пламени сгорит. Поэтому наша армия прошла огненной волной по многим территориям людей, гномов и даже эльфов, все сжигая на своем пути. Но это не принесло результата, и наши маги говорят, что призрачный купол проклятья так и горит над землями дрийя. Дальше мы пытались уйти с наших земель, из-под этого купола, но он разбивался на тысячи мелких, преследуя каждого дрийя. Прошло еще столетие, и среди нас началась смута и мелкие раздоры, приводящие к гибели наших мужчин и даже женщин. Чтобы прекратить беспорядки и попробовать новый вариант решения проблемы, Соурвасс II передал корону своему сыну Терионссу, тоже согласно одной из строчек проклятья. Его правление закончилось тем, что Терионсс решил на крайние меры. Сначала спалил сердце дрийя — дворец наследников, а через тридцать лет, отстроив его заново, окунулся в пламя уже сам, чтобы ценой собственной жизни испытать очередной вариант спасения своего народа. За ним последовала и его пара, мать последнего рожденного младенца. Корона снова досталась Соурвассу II, который правил еще десяток лет, а потом снова передал ее, проклинаясь своим народом, своему внуку Тервишессу. А сам бесследно исчез в драконьих горах. Его поиски продолжаются уже семьсот лет.

Я слушала его рассказ и в конце, уже не отрываясь, смотрела на Тервишесса. С каждым словом Шервасса мой бог темнел и погружался глубоко в себя. Силы небесные, какой ужас! Я хрипло спросила, глядя на него огромными влажными от с трудом сдерживаемых слез глазами.

— Ты новый правитель дрийя? Тот самый внук, принявший ТАКОЕ наследство? И тебе семь сотен лет?

Яростно раздувая ноздри хищного носа, он прорычал в ответ, обливая холодом и пряча в глазах дикую боль и одиночество.

— Да, я новый правитель дрийя! Тот самый внук проклятого всеми повелителя! Дважды проклятого. О судьбе моего деда ничего неизвестно. И я живу на этом свете уже семьсот один год.

Мысленно присвистнув, прикинула сколько это в человеческих жизнях, потом тяжело вздохнула и неуверенно положила свою ладонь на его каменное предплечье, от чего он дернулся всем телом, но продолжал сверлить меня мертвым взглядом.

— Мне Арвен рассказал эту печальную историю, только с другой стороны. Он сказал, что Даирс — проклявшая вас драконица — отдала свою жизнь и душу, чтобы воплотить проклятье в жизнь. Но она так сильно любила твоего деда, что сделала решение проблемы довольно легким. Она хотела научить вас чувствовать, любить и быть ответственными за тех, кого приручаете. Арвен сказал, что Соурвасс пришел к ним и умолял помочь его народу избавиться от проклятья. Предложил себя взамен! Не боялся смерти и попросил рожденное пламя у драконов. Но слишком обозленные потерей своей самки драконы сожгли его заживо, а пепел развеяли по ветру, чтобы подвергнуть его забвению.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шервасс даже привстал, нависая над столом, и прошипел, глядя на меня.

— Да кому ты веришь? Проклятой ящерице, рожденной в одном помете с этой мстительной сукой. Они никогда не говорят правды. НИКОМУ!

Я сжалась от такого напора Шервасса и снова обвила хвостом ноги Тервишесса, который встал и, слегка загоразивая меня собой, очень тихо сказал, но как будто гвоздь в крышку гроба забил.

— Молчать! Сядь на место!

Шервасс сел и, тяжело вздохнув, виновато произнес.

— Прости за несдержанное поведение, Юли-и-я-я! Как всегда подводит буйный темперамент. Но дракону не верь никогда!

Тервишесс снова сел и все так же молча сверлил крышку стола, а я не удержалась, и сказала.

— Арвен не думал, что я смогу от него сбежать, поэтому говорил искренне. Я уверена, невозможно говорить неправду с такой ненавистью и болью в душе. Он сказал, что Даирс привязала свою душу к проклятью, и пока оно не снято, не может возродиться и это его печалит и приносит дополнительную боль. Он сказал, что вы решаете его буквально, а Даирс надеялась, что оно вас чему-то научит, заставит понять главное. Еще Арвен сказал, что вы эгоисты и не умеете чувствовать, любить. Слишком поверхностны, чтобы суметь заглянуть внутрь себя и снять проклятье.

Тервишесс печально усмехнулся и, посмотрев на меня, произнес:

— Ну что ж, значит ты поможешь нам понять, раз в тебе столько вселенской мудрости. Я передам тебе корону, как говорит одна из строчек этого проклятья. Ты — рожденное пламя, тебе и править. С самого рождения я был лишь исполняющим обязанности повелителя. Так что посмотрю, как ты сама будешь справляться с проклятьем.

Я опешила и посмотрела на него с ужасом в глазах.

— Ты ш-ш-шутишь ш-што ли? — я даже зашипела от подобной перспективы. Стать центром ненависти целой расы. Он же только качнул головой, а в глазах пустота.

— Нет, малышка, не шучу! Таков приказ Совета! И даже повелитель должен подчиняться Совету старейшин.

Я покачала головой и яростно прошипела:

— Это не мои игры! И не моя песочница, так что увольте меня от подобных развлечений. Вы меня не заставите!

Шервасс удивленно разинул рот, рядом сидящий шатен, которого Шервасс представил как Дивасса, тоже клацнул челюстью, а вот Тервишесс, слегка изумленно приподняв бровь, почему-то мягко и понимающе ухмыльнулся. Последующий за этим ужин прошел в тяжелом молчании и напряжении.

Глава 9

Мы снова летели, подобно стае огромных птиц, шелестом крыльев нарушая царящее вокруг безмолвие. Я уже не представляла свою жизнь без крыльев, без полета. Неужели когда-то я не умела летать? Рожденный ползать, летать не может, а я чтобы летать родилась заново. Как и в предыдущие несколько дней стоило мне почувствовать усталость и начать сдавать позиции, уже привычно оказывалась в руках своего бога — Тервишесса.

С того памятного разговора он практически не общался со мной, перекидываясь лишь парой фраз, но меня утешала его забота. Он всегда держался рядом, когда был нужен, и во время полета, думая что я не чувствую, зарывался носом в мои волосы, прижимая сильными руками. Он не бесчувственный, просто слишком хорошо их скрывает, боясь остаться безоружным.

А я наслаждалась каждым нашим совместным мгновением, любым его прикосновением или просто коротким взглядом. Любым, лишь бы не равнодушное лицо с пустыми глазами, смотрящими в никуда. Но я понимала его, возможно даже единственная. Ведь я могу оценить его жизнь со стороны. Младенец, рожденный последним после проклятья. Рожденный наследником, но им по сути не являющийся, потому что по прихоти судьбы должен передать трон непонятно кому, чтобы испробовать еще один способ снятия проклятья. Наследник, рожденный в проклятой всеми семье, где раскаявшийся дед был сожжен при попытке вымолить прощение у драконов, сломленный гибелью своего сына, напрасно пожертвовавшего собой ради других. Мужчина с тяжелой ношей на плечах за судьбу своего народа, переживший смерть семьи и в одиночестве несущий бремя проклятья. Одинокий, прокливаемый всеми повелитель вымирающего царства. А мне плевать и на проклятье, и на чужое презрение к нему. Я хочу быть с ним, только с ним.

За последние дни я так измучилась от пристального, навязанного мне внимания со стороны остальных мужчин, что уже практически задыхалась рядом с ними. Стоило нам только приземлиться, чтобы немного размять ноги или просто сходить в туалет, как вокруг начиналась игра, непонятная мне в первое время, но уже довольно скоро я, наконец, догадалась, что мужчины активно соперничают за мое внимание. Как женщины!

Мне преподносили сладости, цветы, горстями засыпали ягодами (когда только успевали собирать). Толклись возле меня при любой возможности. Иногда возникали ссоры, перерастающие в драки, и солидные мужчины превращались в бойцовых петухов. Господи, посмотрели бы другие на эту грозу неба, рвущую друг друга когтями и клыками, выдирающую друг у друга перья. Через несколько таких горяченьких деньков создалось стойкое впечатление, что я путешествую со стаей озабоченных гоблинов или стадом слонов, потому что с трудом увертывалась из этой кучи-малы. Притом, что не давала ни малейшего повода к подобному поведению с их стороны. Наоборот, я уже часто рычала на них, стоило им в очередной раз приблизиться ко мне и, распушив хвост, играть бровями и блестеть глазами. А Тервишесс равнодушно за всем этим наблюдал со стороны, с холодной усмешкой взирая на брачный хоровод озабоченных дрий.

Стоило снова спуститься вниз и сделать свои туалетные дела, требующие хотя бы минимального уединения, как вокруг меня снова начался бедлам. Я сидела на своем мешке и разминала ноги руками, когда ко мне подкрался Хорнусс из рода Отчаянных и, положив

свои огромные ладони на мои бедра, начал медленно их массировать с горящим желанием и восторгом глазами, заглядывая мне в лицо. Я окаменела от такой наглости и, рыча сквозь клыки, выдохнула.

— Поди от меня прочь! И не смей ко мне прикасаться.

Оттолкнув его руки, встала и хотела уже направиться в более спокойное место, но прямо передо мной появился Дивасс, нарисовался — не сотрешь, попытался взять мою руку и урчащим голосом мартовского кота, уже привычно изменив мое имя, предложил:

— Позволь, Юли-и-я-я, я разомну твои ручки и плечи, сниму с них усталость.

Хорнусс, схватив его за плечо, рывком развернул к себе с горловым рычанием.

— Я первый предложил!

Пока эти разбирались, заметила еще двух, с разных сторон подбирающихся ко мне и не выдержала, нашла взглядом Тервишесса и с мольбой посмотрела на него. Он смотрел всего секунду, а потом подошел ко мне и, положив руку на плечо, негромко сказал:

— Она моя!

По лицам мужчин было заметно, что слова Тери их удивили, некоторых разозлили, но никто не возразил, только яростно раздувались крылья носов и ходуном ходили хвосты, отбивая чечетку на бедрах хозяев. Мой же хвостик удовлетворенно оплел хвост Тери, поглаживая его пушистой кисточкой, и мне за это самоуправство даже слова против не сказали. Он подхватил меня на руки и, взмыл в небо, заставив вырваться из моей груди восхищенный вздох. С такой скоростью я сравниться не могу, а он со мной на руках взлетает как ракета. Снова молчаливый полет. Летящий рядом Шервисс лишь изредка бросает задумчивый внимательный взгляд на нас. Я же долго молчать не умею, ведь не зря же я даже сама с собой болтать научилась.

— А вы не могли бы объяснить, чем моя скромная персона привлекла ТАКОЕ внимание противоположного пола. У вас женщин не хватает?

Тервишесс промолчал, лишь одарив насмешливым, слегка приправленным горчинкой взглядом. А вот Шервисс сразу оживился и начал лекцию.

— Нет, с самками у нас пока, слава Ганту, все в порядке. Просто ты отличаешься от них, вызывая охотничий азарт. Наши самки очень темпераментные, горячие и весьма любвеобильные. Впрочем, как и мужчины. Кто ж знал, что ты такая холодная, при таком-то огне в крови?! Да и одеваешься ты слишком консервативно!

Я чуть не спикировала, услышав его мнение о себе, разозлилась и с возмущением выдала.

— Я не холодная, Шервисс, не распущенная, а постоянная и верная! Я не гонюсь за количеством, мне нужно качество в одном-единственном! Понятно?! — вдох-выдох и добавляю: — А одеваюсь как мне удобно! Эту одежду друзья сшили для меня, другой нет. Она моя и нравится мне.

Руки Тервишесса крепче сжались на моем теле, а Шервисс удивленно воззрился на меня.

— Постоянство и верность — это положительные качества, но для пары, а ты пока свободная женщина. Что плохого познать как можно больше удовольствий, пока на тебя не надели браслеты Ганту?

Заметив мое вытянутое лицо, пояснил.

— Пока самка не выбрала пару и не озвучила свой выбор, хотя это скорее выбор богов, чем наш, она свободна. И может выбирать или менять партнеров, когда хочет и сколько

хочет. Такова ситуация и с мужчинами. Нас немного больше, поэтому мы должны завоевать внимание и расположение самки. А как еще это лучше сделать, нежели показать кто сильнее и хитрей? Это жизнь, Юлия, и зов природы, против него не пойдешь.

Я только презрительно хмыкнула и заявила:

— Это зов вашей животной половины, но вам же разум зачем-то дали. А как же семья, дети, любовь?

Шервисс нахмурился после моих слов, но продолжил рассказ.

— Может ты и права, мы следуем своим инстинктам, иногда не задумываясь о последствиях, особенно в последнее время. Слишком мало осталось сдерживающих факторов. Слишком длинная жизнь и практически никаких жизненных стимулов. Но если в общем сказать, то закон никто нарушать не смеет, если знает как его обойти. А закон гласит: пара образуется, если пелена пала и самка признает, что видит цвет магии самца. Тогда они автоматически становятся парой и обязаны заняться наследниками. Для чистокровности магии в ее носителях, на заре становления нашей расы были созданы браслеты Ганту. Во время брачного обряда пара обменивается браслетами, которые гарантируют верность и постоянство партнеров. Именно поэтому самки с каждым годом все меньше и меньше признаются в том, что различают цвета. Кому хочется быть вечно привязанной ко одному дрийя, когда вокруг столько других, не менее привлекательных и интересных. Раньше пары создавались ради потомства, а теперь, когда такая возможность утрачена, закон теряет силу. Только старейшие рода блюдают традиции, чтобы не утратить чистоту и честь рода. Да и то некоторые самцы из более старших родов обязывают самку принять браслеты и хранить им верность, а сами их не надевают, предпочитая иметь больший выбор удовольствий.

Я слушала и обалдевала от такой информации. Куда я лечу? В один сплошной бордель?! Но почувствовав крепкие руки Тервишесса, спросила о заинтересовавшем факте.

— Так, я немного не поняла. Пара создается, только если магия совпадает, а по-другому разве никак? И уже про себя: 'А то тогда мое настроение упадет с небес на землю, ведь моя магия точно не совпадает с Тери'.

Но Шервисс успокоил.

— Нет, Юлия! Магия не совпадает, она находит родственную, с которой может полностью соединиться, дополнить. При этом она может быть абсолютно разная. Почему так происходит, не знает никто. Пара может создаться и без магии. Раньше... давно так случалось, когда встречались идеальные половинки, способные разделить чувства друг друга и готовые пожертвовать своей свободой, только чтобы быть вместе навсегда. В последнее время подобное практически не встречается, и пары создаются под давлением закона о магическом цвете.

Тервишесс пошел на посадку, высмотрев с небес дорожное полотно и одиноко стоящую таверну. Заселение происходило уже знакомым проверенным способом. И зачем столько денег тратить, да людей на улицу выгонять? Но читать им нотации не буду, все равно не поймут.

После совместного ужина я поднялась наверх в отведенную комнату и с удовольствием приняла ванную. Потом, высушив волосы, переделась в любимое черное платье. Помаявшись немного, но не сумев себя убедить этого не делать, отправилась в комнату к Тери, якобы для того, чтобы узнать о дальности и длительности оставшегося нам пути. В коридоре было абсолютно пусто. С громко бьющимся сердцем, подняв руку, все никак не решалась постучать. Но потом резко стукнула пару раз, опасаясь передумать, и замерла в

ожидании. Ответом мне была тишина. Еще пару раз постучалась, а потом расстроилась, скорее всего он куда-то ушел. Дернула ручку от злости, а дверь и открылась и я, словно Красная Шапочка, зашла в комнату, неуверенно оглядываясь вокруг. А потом застыла от увиденной картины. Ближе к камину стояла большая, такая же в какой мылась и я, лохань, заполненная наполовину. А рядом с ней, в свете огня камина и пары свечей, стоял почти обнаженный Тервишесс, только маленькое полотенце на бедрах, придерживаемое широкой ладонью. Мокрые волосы отброшены назад, крылья раскинуты в стороны для просушки, а вода тонкими струйками стекает по груди, иногда повиснув капельками на коротком светлом плюшевом мехе, покрывающем мощное, слишком хорошо развитое тело. Тело воина, а не замшелого повелителя. Маленькие черные горошинки сосков и более темный мех от талии и ниже приковывал взгляд, а как только этот самый взгляд достиг полотенца, скрывающего от меня его достоинство, я почувствовала, как с моих клыков капает на пол слюна, которую непроизвольно громко сглотнула, когда оттопыренное полотенце поползло еще выше.

Я сгорала от стыда и одновременно желания прямо здесь завалить его на пол и изнасиловать в особо извращенной форме, но вместо этого закрыла глаза и, развернувшись направилась к двери. Найдя на ощупь и открыв дверь, на автомате шагнула в проем и тут же приложилась лицом об косяк, прикусив при этом язык и взыв от боли. За спиной раздался тревожный шелестящий баритон, словно ветер играет в ветках деревьев, от которого все волоски на моем теле, даже те, о наличии которых, я и не подозревала, встали торчком от возбуждения.

— С тобой все хорошо, малышка?

— А-ага, я нечаянно язык прикусила, а так все хорошо! Да!

Закрыв за собой дверь и привалившись к ней спиной, вывалила язык и помахала перед ним рукой, нагнетая воздух. А потом, вспомнив, хлопнула себя по лбу, приложила палец и сняла боль и отек. Закрыв глаза и прижав ладони к дико вздымающейся груди, отчаянно зарычала сквозь зубы и едва слышно.

— Бл-и-и-и-н! Сколько уже можно вести себя как идиотка?

— Что случилось Юлия? Почему ты здесь стоишь?

Этот голос словно вылил на меня ушат ледяной воды. Открыв глаза, я испуганно посмотрела в сторону говорившего и со стоном отчаянья устала на великолепную четверку — личную охрану повелителя и по совместительству мою главную занозу в заднице. Медленно опустив руки по швам, двинулась к себе в соседнюю комнату, последние метры я почти пробежала, а потом с громким хлопком закрыла дверь. Снова привалившись спиной к двери, сползла на пол и, закрыв руками лицо, прошептала.

— Сколько, ну сколько можно-то? Ведь я люблю его, так сильно люблю, а он... А эти... достали уже!

Утро встретило пасмурной погодой и скверным настроением. Мне было стыдно выходить к завтраку, но желание увидеть его снова пересилило все остальное. Он стал моей пищей, моим воздухом, моим наркотиком, без него я больше не смогу существовать. Если бы знала как больно и плохо бывает, когда всего лишь взгляд его временами пустых глаз может сильно ранить, выворачивая всю душу наизнанку, я бы осторожнее мечтала о любви, наверное. Только сейчас поняла, что любовь — это не только дар, но и проклятье.

Привычно села рядом, и мой хвостатый предатель тоже привычно обвился вокруг его ноги, нервно поглаживая мохнатым кончиком. А я, стараясь делать это незаметно, глубоко

вдохнула его аромат, от которого пробуждалось все мое тело, каждая клеточка. Пока привычно испуганные служанки накрывали на столы, я рискнула искоса бросить на него взгляд, чтобы хоть немного полюбоваться, насытиться его видом и натолкнулась на непривычно внимательный горячий взгляд синих глаз. И тут от неожиданности ляпнула первое, что пришло в голову.

— А все же мне интересно, у тебя глаза синие и без пелены, потому что ты повелитель или просто такой особенный?

Синие глаза напротив торжествующе вспыхнули, загоревшись диким внутренним огнем, а потом он, мягко коснувшись моей руки, волшебным ласкающим слух баритоном вкрадчиво спросил:

— Маленькая огненная дрийя видит цвет моих глаз?

Я только недоуменно пожала плечами, но внутри уже предчувствуя очередную подлянку. Поэтому уже неуверенно спросила.

— А вы все не видите?

Шервисс, округлив глаза, все еще переводил взгляд с меня на Тервишесса, а потом усмехнулся и, обращаясь к Тери, с сарказмом произнес.

— Поздравляю, Повелитель, Вы теперь в любом случае не потеряете корону.

Тери напрягся и, скривив лицо от гнева и презрения, проскрипел, выталкивая слова сквозь клыки.

— А разве меня хоть кто-нибудь может уличить в том, что я держался за корону, мой друг!

Шервисс при слове друг побледнел немного, смутившись, отвел взгляд в сторону, бросив короткое.

— Прошу прощения, Высокий лорд, я забылся! Уже давно стоило поставить меня на место.

Тервишесс так и сидел, словно каменная статуя, и только глаза искрились бешенством. Я не знала, что делать в подобной ситуации, ведь мои сочувствие или поддержка явно будут неправильно восприняты. Но от этого не легче; тяжело видеть скрытую боль в синих глазах. Он, чуть приподняв бровь, перевел немного смягчившийся взгляд на меня, с любопытством разглядывая мое лицо. От подобного пристального внимания я смутилась и опустила голову. Краска стыда снова залила лицо вплоть до кисточек подергивающихся ушей. Рыжий предатель с красной кисточкой, словно свою собственную, обвил ногу Тери и меховым кончиком усиленно поглаживал внутреннюю часть его бедра. Стоило только немного ослабить над ним контроль, как он исполнял мои самые потаенные желания. Красная кисточка замерла на полпути, а потом медленно, стыдливо начала, раскручиваясь, сползать на пол, но была поймана черно-белым мощным хвостом Тервишесса, который накрепко сцепил наши конечности под столом. Заметив его манипуляции, недоверчиво, но с надеждой глянула на своего бога, который в этот момент повернулся к Шервиссу и приказал:

— Ну что ж, предлагаю тебе самому ответить на вопрос о цвете моих глаз. У тебя так хорошо получается просвещать нашу будущую повелительницу!

Я напряглась, чтобы снова ответить отказом на предложение мне высокой должности, но тут Шер посмотрел на меня и неожиданно тепло улыбнулся, от чего даже у Тери брови удивленно взметнулись вверх. А я удивилась, как быстро и кардинально у них меняется настроение.

— Как я уже рассказывал ранее, согласно закону женщина, признавшая, что пелена,

скрывающая цвет магии мужчины, пала ДЛЯ НЕЕ, автоматически становится законной парой выбранного её магией самца. Так что поздравляю, Юлия, с будущими браслетами Ганту! И клянусь самим Ганту, я завидую нашему повелителю и своему другу.

Последнее слово он произнес едва слышно, и скорее всего, не веря, что он еще остается в этом качестве. Я же хрипло выдохнула, все сильнее раздражаясь и в тоже время пытаюсь поверить, что мой бог теперь привязан ко мне навечно. Без любви, страсти, ведь он так мало обращал на меня внимание в отличие от других.

— Но при чем тут глаза и ваша магия?

— Цвет глаз отражает магию, девочка! Вот только основные: синий у носителей магии воздуха, карий — земли, оранжевый — огня, голубой — воды, зеленый — целителей, да еще много разных направлений, а соответственно, цветов. Вот, например, я управляю молнией и еще некоторыми энергиями, разлитыми вокруг нас, и глаза у меня фиолетовые.

— А если я владею двумя видами магии? Тогда как? — скептически настроенная, пристально уставилась на Шервисса, который приподняв уголок губы над клыком, выразил мне таким образом снисходительность. Ха, я тоже так умею, работая на Севере, среди сплошного тестостерона и не такому научишься.

— Огненная, владеющая еще одной способностью, вдвойне ценней. Еще раз хочу выразить свои поздравления и зависть Повелителю! Такая разновидность встречается довольно редко. Если Рожденной Огнем удастся снять с нас проклятье, род Черных Властелинов только упрочит свое положение, усилив древнейшую кровь и передав ее своим потомкам.

Я поерзала на лавке, слушая столь познавательную откровенную речь Шервисса, кусая губы и думая, о чем бы еще спросить. Но как назло, когда появляется такая возможность все самое необходимое и важное тут же вылетает из головы. И все же одна мыслишка у меня проскользнула: 'А Тери видит цвет моих глаз?' Нужно непременно выяснить, ведь только глаза иногда выдают его эмоции, когда он общается со мной, а не жесты и голос, которыми во всю пользуются остальные дрийя в попытках ухаживать за мной. А как же я? Ведь я иногда украдкой бросаю на него такие взгляды, что...

— Тервишесс, а ты... ты видишь цвет моих глаз? — спросила как в воду нырнула. — Да, они у тебя очень необычные для огненных, зеленые, я был удивлен, впервые увидев тебя в замке. — прошелестел Тери.

— Выходит, пара видит цвет магии глаз друг друга, но самка должна признаться, а самец... — начала было развивать мысль, но не успела, потому что Тервишеса отвлекли чем-то важным, а все вокруг закончили завтракать и дружно собирались в путь. Посчитав, что еще успею выяснить, тоже начала собираться.

В голове крутилась мысль: 'Раз он удивился, увидев зеленые глаза у огненной, да еще с даром целителя, получается я для них сплошная экзотика'. Решила, что лучше радоваться, нежели печалиться по этому поводу.

Не прошло и недели, а я уже вполне комфортно чувствую себя в компании огромных белоглазых летунов, не боюсь с ними спорить и изредка срывать на них плохое настроение. Чувствую себя своей в этой не совсем дружной, но сплоченной компании. Еще заметила, что Тервишесс общается только с Шервиссом и спускает тому нелестные реплики и сарказм, но стоит ему открыть рот или гневно посмотреть в его или чью-то сторону, как другие сразу теряют свой апломб или задиристость. Парой слов или фраз он прекращает драку или спор, или отдает приказание, которое никто не смеет не выполнить, или ослушаться. Наблюдая за

их внутренними отношениями, заметила не выставляемую напоказ жесткую субординацию и дисциплину, хоть мне и показалось вначале, что ее нет и в помине. Но как только Тервишесс обозначил мою принадлежность, все вернулось на круги своя, и на меня только смотрели, издали поигрывая бровями, что вызывало у меня лишь смех. Когда эти крылатые спят зубами к стенке или держатся на расстоянии, они такие милые...

Глава 10

Низко нависшие облака заставляли лететь так же низко над землей и нас, иногда ныряя в густые, набрякшие от излишков воды, серые перины. С каждым проведенным в небе днем я чувствовала, как все дольше могу лететь сама, уже не так напрягая спину и пользуясь восходящими потоками. Все лучше ориентируюсь в пространстве и увереннее веду себя в окружении остальных спутников, не чувствуя себя рыжей вороной, среди стаи серых и черных лебедей.

И вообще, моя дальнейшая жизнь приобретала все больший смысл. Как только Тери выяснил, что я не специально утаивала от него тот факт, что вижу цвет его глаз, как и он моих, сразу изменил ко мне отношение на более теплое, интимное, на более... И это 'более' все сильнее заставляло биться мое сердце, когда я тоже, наконец, поняла, из-за чего было холодное отношение ко мне. Он решил, что я намеренно скрывала от него факт нашего совпадения, уже по привычке заранее отгородившись от будущей боли и возможного отказа проклятому королю в его притязаниях на мою персону. Но все равно, я бы не сказала, что он вспылал ко мне любовью, но зато я все чаще замечала тепло в его глазах, когда он смотрел на меня, хотя для него это вообще редкое явление, и искреннее любопытство. Мне приятна его неустанная забота обо мне, хотя он и раньше этим занимался, не ожидая ничего взамен, просто в силу благородной природы. Но больше всего делали меня счастливой его незаметные для других, но с таким удовольствием принимаемые мной прикосновения. Легкие, незаметные, если бы не его отсутствующий холодный взгляд при этом, я бы сказала что трепетные и нежные.

Вообще, мое божество синеглазое состоял из сплошных противоречий. То он словно кусок айсберга сидит и пялится в небо, то заметив, что я дрожу от холода, немедленно пересаживается ко мне, накрывает своим плащом и мягко прижимает к большому горячему телу, заставляя трепетать от желания и любви.

За вторую прошедшую с начала нашего путешествия неделю, мы не раз ночевали под открытым небом, но для меня неизменно ставили небольшую палатку, чтобы укрыть от непогоды. Спутники пытались вести расспросы о моем прошлом мире, но я не хотела делиться воспоминаниями о нем. Чтобы полностью ассимилироваться в этом мире я доставала расспросами их, периодически заставляя смеяться до слез. Даже Тервишесс пару раз посмеялся, при этом не размыкая губ. Особенно их развеселил мой вопрос, когда я вспомнила заявление Арвена, что никто меня не сможет удовлетворить и только дрийя или дракон подойдет мне физически. Конечно, напрямую спрашивать не стала, просто помявшись немного и покраснев, спросила о том, насколько совместимы различные расы. А потом, увидев наигранно недоуменные лица с веселыми морщинками у белесых глаз, сквозь зубы процедила более конкретный вопрос, уточнив про дрийя и драконов. Они сначала насупились, что происходило при малейшем упоминании ящериц, но потом, когда смысл моего вопроса дошел до них, раздался совместный хохот, и только Тервишесс ухмыльнулся и обронил загадочную фразу.

— Не волнуйся, рыжик, скоро на собственном примере поймешь, почему мы так мало совместимы с другими расами, кроме драконов. Я лично прослежу за этим.

Шервисс тут же вставил свое слово.

— После этого, Высокий лорд, тебе придется сразу надевать на нее браслеты Ганту, чтобы следующим наследником трона был точно потомок Черных Властелинов.

Чем вызвал гнев в глазах у Тервишесса, а я аж задохнулась от такого оскорбительного замечания. Яростно посмотрев на него, ядовито выдавила, опередив открывшего уже рот Тери, чтобы отчитать своего "друга".

— Что-то ты слишком сильно беспокоишься о троне. Имеешь на него собственные виды?

Тот, ехидно приподняв бровь, усмехнулся краешком губ, и все же боязливо кинул быстрый взгляд на Тери.

— Как второй по старшинству рода наследник, конечно, имею. Виды! Но убереги меня Ганту, получить его сейчас. Приношу свои извинения, Высокая леди Юлия, за свой несдержанный язык. Я думаю он будет веской причиной для отказа мне в правах наследника, если такой момент когда-нибудь настанет.

Я опешила от такой новости и нахмурилась.

— Что-то я совсем не понимаю, зачем в столь дальнюю и, возможно, опасную дорогу отправились сразу двое самых высокопоставленных дрийя. Не нашли других или расстаться друг с другом не смогли?

Теперь меня сверлили две пары яростных взглядов.

— Это дело не просто государственной важности, но и вопрос выживания целой расы. Нашей расы, огненная дрийя. Нас осталось не так много, и хотя живем мы очень долго, но не бессмертны. Последний младенец, наш нынешний повелитель, родился семьсот лет назад. С тех пор ни одного Как ты думаешь, стоит ли беспокоиться о повелителях, если уже через несколько тысячелетий на Лайдосе не останется ни одного дрийя. Если проклятье не будет снято! И поверь мне, десяток тысячелетий — это не так уж много, как кажется на первый взгляд.

Шервасс впервые заговорил серьезным голосом, в котором слышались отчаянье и боль. Я только грустно кивнула, признавая его правоту. Тервишесс молча смотрел на меня и друга-родственника, но в его глазах увидела тепло, и настроение поползло вверх. Наш разговор и переглядывания неожиданно прекратились, стоило нам вынырнуть из очередного облака и заметить на первый взгляд странную картинку внизу.

Я почувствовала себя Гулливером в стране лилипутов, наблюдая с высоты разворачивающиеся на земле действия. Огромный бескрайний лес раскинулся под нами, перемежаясь блестящими полосками рек и яркими пятнами полей и пригорков. Весна уже вошла в полную силу, и все вокруг стремительно расцветало яркими красками, призывая маленьких летающих тружеников.

И эту пасторальную умиротворяющую картину нарушали несколько сотен странных мохнатых существ, яростно вгрызавшихся в нестройные и уже довольно поредевшие ряды людей. Присмотревшись более внимательно, я узнала нападающих, это оказались мои старые знакомые бредвиши. Как они тут оказались за сотни километров от прорыва, не понятно, ведь по дороге нам только один раз встретилась полностью уничтоженная деревня, в которой мы так и не смогли выяснить, что произошло с ее жителями и домашним скотом. А тут их не меньше пары сотен будет! Мы сделали пару кругов, оценивая обстановку на земле, а затем мои спутники взяли путь домой, заставив меня зависнуть в небе с открытым от удивления ртом. Не веря своим глазам, я догнала Тервишесса и, схватив его за хвост, потянула на себя.

— И это все? Вы же ничего не сделали, чтобы помочь тем людям внизу? Их же уничтожат одного за другим! Неужели вы можете бросить их на съедение этим чудовищам?

Мое испуганное и отчаянное лицо заставило Тери слегка поморщиться и, бросив взгляд вниз, он ответил, медленно цедя слова.

— Это не люди! Это эльфы, и у нас с ними **ВОЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ!** Они вряд ли скажут нам спасибо за помощь, решат, скорее всего, что мы просто хотим воспользоваться ситуацией и добить оставшихся. Они живут так же долго как и мы, и думаю, еще не забыли, как мы им уши подпалили пять сотен лет назад.

Я гневно сопела и судорожно решала, что делать. Пролететь мимо, бросив погибать даже неизвестных эльфов, было не в моей натуре. Твердо выдержав взгляд темных от напряжения синих глаз, я произнесла:

— Я остаюсь, а вы можете лететь дальше. Потом нагоню, если смогу! — сама не поняла, каких в моем голосе больше ноток — просительных или упрямых.

Сложив крылья, ласточкой сиганула вниз, чувствуя, как ветер бьет в лицо. Мой благородный порыв прервали в самом интересном месте. Кое-кто из эльфов, заметив новых участников битвы, начал палить по нам стрелами и магическими шарами, заставив меня увертываться от них. В ту же секунду возле меня возник Тери и, выставив воздушный заслон, рывком оказался впереди меня. Остальные начали быстрое снижение вниз, от чего у меня в голове тут же созрело сравнение из воспоминаний из прошлой жизни. Как будто эскадрилья истребителей летит бомбить вражеские части, только жуткого звука моторов не хватает, потому что воины дрийя скользили бесшумными призраками, выстраиваясь за спиной бредвишей. Дальше началось избиение младенцев, по-другому не назовешь. Если уж я одна справилась с толпой этих чудовищ, то опытные, более сильные воины управились за несколько минут, при этом даже не запыхавшись. Их молнии, смерчи и великое множество других любопытных приемов рвали врагов на куски, а потом ветром разбрасывали на многие метры вокруг. Жуткая картина, но зато я теперь воочию убедилась, почему их все настолько боятся.

Отвернувшись от этого мерзкого зрелища, я с искренним любопытством и недоумением изучала эльфов, все пытаюсь понять, что они так ожесточенно защищали и, не утерпев, снова дернула за хвост Тервишесса, который не отрываясь следил за обстановкой и охранял мою бестолковую персону.

— А почему они дальше в лес-то не ушли? Что они тут так яростно защищали?

Гнев и, как мне на миг показалось, легкий испуг за меня в его глазах сменил холод, заставив виновато поежиться. Ну да, он же меня предупреждал о реакции эльфов, но ведь все обошлось?! Затем, сощуриль глаза, спокойно бесстрастно пояснил:

— Если ты более внимательно приглядишься, то заметишь в ветвях деревьев хоть и небольшой, но многочисленный городок. Им некуда было уходить, а если быть более точным, то некогда. Они защищали свои семьи, и поверь, смерть бредвишей для них не означает безопасность. Они так полагают пока мы рядом, но вообще, можно воспользоваться данным происшествием и остаться на ночлег. Ну и мирный договор можно, наконец, подписать?!

Он взглянул на меня глазами, в которых холод неожиданно сменился весельем и непривычным для него озорством. Я же вновь не могла оторваться от синевы его глаз, загипнотизированная горячими яркими искорками, вспыхивающими в глубине. Мы висели, медленно помахивая крыльями, лицом друг к другу, и мне всего на короткое мгновение

показалось, что остались одни во всем мире. Нестерпимо хотелось прикоснуться к его лицу, провести по четко очерченному подбородку и скулам ладонью, зарыться руками в черноте волос и прижаться к нему всем телом, чтобы почувствовать всего. Каждую мышцу, каждый сантиметр великолепного тела, к которому меня притягивает словно мотылька на огонь. Я так же как смертник-мотылек ничего не могла с собой поделаться. Любой его взгляд мог заставить меня парить в небесах от счастья или нырнуть с головой в прорубь отчаяния.

Наш зрительный контакт прервал Циусс, доложивший повелителю, что враг уничтожен, аборигены в шоке, и все ждут только нас. Таким образом я его доклад для себя перевела. За эти две недели меня к тому же старательно обучали языку дрийя, и он мне давался не в пример тяжелее человеческого. Более сложные речевые обороты, падежи и словосочетания. Но все равно была шокирована тем, как презрительно и уничижительно Циусс отозвался о таких волшебных и неземных существах как эльфы.

Мы начали плавно спускаться на большую поляну, где произошло главное сражение. Приземлившись, увидела встречающую делегацию, и сперва удивилась, а потом пришла в восторг. Я уже привыкла, что мой мир, представления о жизни и его устройстве меняются с каждым прожитым днем. Испытала суеверный ужас, увидев впервые бредвишей, была шокирована драконом, влюбилась в мужика с крыльями, а теперь с восхищением смотрела на эльфов, которые подозрительно и с тщательно скрываемым страхом наблюдали за нашим приближением. Они были прекрасны, причем нереально. Дрийя отличались от них мужественностью, но при этом были скорее занимательны и удивительны. Для меня! А вот эти неземные создания поистине прекрасны. Изумительные раскосые глаза ярких насыщенных цветов, тонкие благородные лица и светлая кожа. Стройные худощавые тела, окутанные плащами из волос. Многие были украшены татуировками, которые словно жили своей собственной жизнью, блуждая по телу. В основном их одежда природных цветов. И штаны, и рубахи сшиты из тканей, украшенных ручной вышивкой и бусинами.

Заметив меня, один из впереди стоящих красавчиков щелкнул пальцами, и передо мной из земли вылез тонкий корень, уже через мгновение сплетаясь в изящное кресло, покрытое тонким зеленым покровом из листиков. Я восхищенно улыбнулась, сложив ручки на груди, чем вызвала удивленные неуверенные улыбки эльфов и снисходительное пофыркивание своих спутников. Обойдя кресло, осторожно села в него, погладив зеленые живые ручки и излучая радость, подняла лицо посмотреть, что по этому поводу думает Тер. Он, приподняв бровь, со скрытой смешинкой в глазах смотрел на меня, улыбаясь только одним уголком губ, стараясь не демонстрировать никому своих эмоций, но я уже заметила, что толстый ледяной панцирь вокруг его сердца начал понемножку оттаивать и трескаться, пропуская лучики чувств. Он встал рядом, и его хвост обвился вокруг моей талии, что только добавило удовольствия в жизни. Я взяла его кисточку в руки и начала непроизвольно ее тереть и поглаживать, уже с интересом наблюдая за дальнейшими событиями.

Сначала было длинное представление как с нашей стороны, так и со стороны эльфов. Оказалось, мы помогли одному из крупнейших эльфийских княжеств. Сейчас оно испытывало трудности из-за того, что часть молодых воинов, отправилась на ежегодные состязания среди княжеств, и город остался без большинства своих защитников. И только по этой причине бредвишам удалось так близко и незаметно подойти к городу и нанести столь серьезный урон его обитателям. Наша помощь оказалась очень кстати и даже жизненно необходима. Они долго извинялись, что неправильно поняли наши намерения и обстреляли меня, но у них есть довольно веские основания для этого. Они хорошо помнят, как дрийя

напали на их поселения несколько веков назад, многих тогда уничтожив. Тервишесс извиняться не стал, сразу перешел к делу, предложив мирный договор, и удивленные эльфы таким с предложением согласились. Еще больше они удивились, когда Тери представился как повелитель, а заодно и представил меня — его законную пару.

Конечно, отношение к нам после всех процедур знакомства и выражения благодарности кардинально не изменилось, но страх развеялся, остались только подозрительность и горячее любопытство всего населения городка. Как только мы вошли в него и окунулись в лесное царство зелени и цветов, я забылась, восторгаясь высокими сводами крон деревьев, подвесными плетеными мостами между стволами и симпатичными сказочными домами, будто висящими над землей. Среди деревьев и домов кружились стаи мелких насекомых, которые испускали призрачный свет, придавая дополнительного волшебства этому дивному городу.

Нам выделили несколько комнат. Шервисс и Тервишесс удалились с парой эльфов обсудить условия договора и дальнейшего сотрудничества. Другие же эльфы работали над расчисткой завалов и помогали раненым, и я решилась в этом поучаствовать. Сначала мое появление среди пострадавших вызвало недоумение и подозрительность, но как только я, опустившись возле одного из лежащих без сознания эльфов, принялась своей магией лечить его раны, почти беззвучный шепоток прекратился, и вокруг воцарилось молчание. Как ранее сказал Кершин Рош, целителей мало даже среди нелюдей, что уж говорить про человечество, так что мои услуги, похоже, будут оценены по достоинству. Закончив с одним, я взглядом искала другого, но занималась только самыми тяжелыми, потому что имею ограниченный запас энергии, и на всех меня не хватит. Вот так, двигаясь от одного раненого к другому, я потратила много времени и, вставая после очередного вылеченного эльфа, почувствовала, как зашумело в голове, потемнело в глазах — крыша поехала, грозясь съехать совсем. Пошатнувшись, начала оседать на землю, меня остановили сильные руки, но даже в таком состоянии поняла, что это чужие руки, не Тервишесса. Поддерживая за талию, меня практически на себе вынесли из полевого лазарета. Только я собралась отстраниться, чтобы облокотиться на стоящее рядом дерево и поблагодарить за помощь, как воздух, наполненный ароматами цветов, разрезал яростный возмущенный рев какого-то животного. В следующее мгновение эльфа, послужившего мне поддержкой, снесло в сторону и пришилило к стволу дерева, похоже было, что его душит невидимая воздушная рука — так сильно скривилось его лицо и вылезли глаза из орбит. Я же, внезапно оказавшись без поддержки, тут же сползла на землю. Но зато смогла, наконец, определить источник этого рева и новой угрозы.

Надо мной стоял Тервишесс с перекошенным от ярости лицом, на котором от бешенства сверкали глаза и ходуном ходили скулы. Он протягивал руку вверх и как будто сжимал невидимый кулак на шее эльфа, который вот-вот станет мертвым. Рев Тери снова разрезал оглушающую тишину леса. Эльфы сейчас стояли стеной, направив стрелы на нас, а мои спутники, подняв руки, образовали защитный купол вокруг нас, и сами готовились к нападению. Боже, неужели я опять что-то сделала не так?!

— Как ты посмел прикоснуться к моей самке, презренный эльф?! Кто дал тебе право касаться моей пары!

Услышав его претензии, с облегчением выдохнула, похоже, это все-таки не я виновата. Подползла к Тервишессу, дернула за ногу, и негромко зашептала:

— Отпусти его немедленно, Тери! Он помог мне не упасть лицом о землю. Всего лишь помог добраться до дерева. Я лечила раненных и слишком много израсходовала энергии,

поэтому совсем обессилила. И поверь, на мою честь и тело он не покушался. Кому я вообще нужна?

Бедняга эльф, хрипло дыша всей грудью, упал на колени, другие его соплеменники медленно опустили оружие, в шоке наблюдая за нами. Наши тоже сняли магическую защиту и с таким же легким недоумением уставились на своего повелителя, удивленные внезапной, несвойственной ему вспышкой то ли ревности, то ли еще чего-то. Встать я была не в силах, поэтому так и продолжала сидеть, упираясь лбом в его ноги и обнимая колени Тери. Он медленно опустился и, слегка отстранив меня, присел рядом, все еще гневно раздувая крылья носа, делая глубокие вдохи, похоже, пытаясь усмирить своей внезапно прорезавшийся бешеный темперамент и, сощутив глаза, пристально и внимательно посмотрел на меня.

— Как ты себя чувствуешь?

На его вопрос я лишь пожала плечами и устало ответила:

— Есть хочется, и сил никаких нет! А ты чего разорался? Напугал меня!

Он молча встал, игнорируя вопрос, а потом рывком поднял меня на руки и направился в отведенные нам комнаты, не обращая внимания на всех остальных. Я заметила, что все восемнадцать дрий внимательно и напряженно провожают нас взглядами и лишь Шервисс смотрит с загадочной и довольной улыбкой.

В комнате, в которую меня принес Тери, находилась удобная плетеная мебель, украшенная живыми цветами, растущими прямо из нее. Удивительно, да и только! Усадив меня за стол, Тери ненадолго вышел, а вернулся уже в сопровождении пары эльфиек, которые несли подносы с едой. Они накрыли на стол и быстро удалились, явно испытывая страх и чувство неловкости, находясь так близко от нас, а мы приступили к ужину.

Я жадно поглощала пищу, и тем не менее, с удовольствием наблюдала за НИМ! Его мощные клыки с легкостью разрывали мясо, но это не выглядело жутко или неопрятно, только говорило о его опасности и силе.

Длинные пальцы с темными когтями, резко контрастирующими с молочным коротким мягким мехом на руках, сейчас лениво постукивали по деревянной столешнице. Прожевав последний кусочек, я запила все вином с тонким восхитительным вкусом, чувствуя, как напряжение и слабость отступают, сменяясь легкостью и сонливостью. Он поймал мой признательный обожающий взгляд, ведь я уже не скрывала своих чувств от него, все равно бесполезно. Пару мгновений смотрел на меня непонятным странным взглядом, в котором слишком быстро сменялись разные эмоции. Вытянул руку и тыльной стороной провел по моей щеке, заставляя сердце все чаще биться. Я не отстранилась, лишь замерла, боясь даже дыханием отвлечь его от этой неожиданной для меня ласки.

Широко раскрыв глаза, следила за ним, словно натянутая тетива. Его синие глаза все быстрее темнели, как будто небо в шторм, и мне даже показалось, что в них заплескали молнии. Он наклонился ко мне практически вплотную, окутывая своим запахом. Аромат зимнего воздуха, такой свежий и в тоже время бодрящий. Рыжий предатель, выскользнув из складок моего плаща, устремился к своей добыче — черно-белому хвосту моего божества и, сопровождаемый мягкой улыбкой Тери, обвился вокруг. Тервишесс снова повернулся ко мне лицом и медленно склонился к моей шее, громко и глубоко вдыхая мой пряный аромат. Его мощные руки с силой прижали меня к телу, буквально распластав по нему и вжимая в него. Я тоже уткнулась в его шею, уже практически потеряв самообладание и желая только одного, — полного слияния с моей пожизненной фантазией, моим кошмаром, и в тоже время — единственной мечтой.

Внезапно он резко отстранился, от чего я обмякла в кресле безвольной куклой, ведь всю мою волю забрал он. А уже через мгновение, только пару раз стукнув в дверь, к нам зашел Шервасс. Сссараза серая! Но зато я поняла, что Тери даже в такой момент все держит под контролем: и свои чувства, и свои эмоции, и окружающее пространство — все всегда под его контролем. С одной стороны, это успокаивает, с другой — возникает закономерный вопрос. Неужели возможно испытывать хотя бы десятую часть того, что испытываю я, и все держать под этим пресловутым проклятым контролем. Неужели я так мало для него значу, что его мозги даже на секунду не могут отключиться?!

Перекинувшись фразами на своем языке так быстро, что я и половины не поняла, он, не оглядываясь, вышел вслед за Шервиссом, оставив меня опустошенной и неудовлетворенной. Я с трудом встала, а потом свалилась на кровать как была, только отстегнув плащ и сбросив ботинки. Поплакав несколько минут, изливая в подушку боль, скопившуюся на душе от неразделенной любви, наконец, успокоилась и смогла проанализировать сегодняшний день. Больше всего удивили мои спутники. Причем все разом. Пока мы путешествовали, они представляли собой разношерстную, вечно переругивающуюся и веселящуюся компанию озабоченных спермотоксикозом самцов-переростков. Даже не скажешь, что многие из них старше тысячи лет. Но как только в поле их зрения появлялся хоть один чужак, они становились единой слаженной бесстрастной боевой машиной под управлением повелителя. Вот и сегодня с эльфами они вели себя словно боги, спустившиеся с Олимпа и представшие перед смертными. Не делая лишних суетливых движений, тщательно выстраивая защиту и организацию боевого порядка. Не мигая смотрели на эльфов, доводя их своими пустыми белыми глазами до нервного тика, и словно тени следовали за мной и повелителем. Именно поэтому я чувствовала себя в безопасности, где бы ни была. Потому что знала, всегда и везде меня прикроют своим крылом, защитят от опасности, даже если я ее не вижу. Мои мысли текли все медленнее, и скоро я провалилась в глубокий сон.

Глава 11

Сон прервался резко. Открыв глаза, с сильно бьющимся сердцем все никак не могла успокоиться и решить, что же меня разбудило. Полежав еще с минуту, встала и, потянувшись словно кошка, смачно зевнув, глотнула немного этого вкусного вина, все еще стоящего на столе, выскользнула за дверь скромного эльфийского бунгало, висящего над землей.

Мягко, неслышно ступая по плетеным подвесным дорожкам, я медленно брела все дальше, наслаждаясь удивительно теплым весенним ветром, хотя уже летним, ведь его первый месяц уже наступил, причем так незаметно для меня. Голыми ступнями ощущала шершавость веток, гладкость редких листьев, они совсем не мерзли. Впрочем, как и я, одетая лишь в длинную рубашку, даже не подпоясанную ремнем, и тонкие шерстяные штаны на завязках. Пару раз я натолкнулась на эльфов, несущих охранную службу, и под их удивленными взглядами проходила дальше, лишь мягкой улыбкой приветствуя их. Почувствовала тень за спиной и стремительно обернулась, чтобы натолкнуться на бесстрастное лицо одного из своих телохранителей. Он молча стоял и смотрел на меня, я же, нахмурившись, смотрела на него, а потом тихо и очень вежливо пожелала остаться в покое хоть ненадолго. Мне действительно требовались уединение и покой, чтобы привести свои мысли и чувства в относительный порядок.

Взмахнув крыльями, я рванула в небо, уносясь прочь от невзгод и печалей. Я так устала за эти недели от всех, от всего и главное, от боли, грызущей душу изнутри. Любовь — это самое прекрасное и желанное чувство даже для меня, бывшего человека, особенно для меня. Но вот безответная любовь — это самая тяжелая ноша, которую можно только представить, способная отравить кого угодно и превратить либо в жалкого раба своих чувств, либо в самого ярого непримиримого врага, жаждущего мести. Я же должна сделать все что угодно ради себя и ради любимого, чтобы со мной подобного не случилось. Я либо добьюсь от него желанного ответа, либо отойду в сторону и буду сама справляться с болью и горем. Вспомнив все сказанное о так называемом браке дрийя, решила, что ни за что на свете не надену браслетов Ганту, если мой муж не сделает того же первым. Я уже смирилась с этим браком, но если в нем не будет обоюдной верности, то на такое я не подпишусь. И ни один закон не заставит меня это сделать, тем более, у них это исключительно добровольное решение, по-другому браслеты не сработают.

Ночной полет унес напряжение и усталость, подарив бодрость и надежду на хорошее будущее. Ветер ласкал мои крылья и разгоряченное тело, серебристая луна, ярко освещавшая мягким таинственным светом лайдос, заставляла восхищенно вздыхать, а тени — расступаться и прятаться в кронах и среди стволов великовозрастных деревьев-великанов. Я заметила небольшую полянку и медленно опустилась на нее, наслаждаясь необыкновенным ароматом ночных цветов, распустившихся под ярким ночным светилом, призывая уже ночных тружеников. Сложив крылья, стояла, наслаждаясь окружающим безмолвием, красотой летней ночи и стрекотом насекомых, поющих свои незамысловатые песни. Волшебство эльфийской ночи заставляло верить в невозможное, наверное поэтому подняла руку к луне, и, как будто баюкая ее у себя на ладони, тихонько попросила, едва шевеля губами, чтобы слышала только она и никто больше, даже маленькие свидетели насекомые.

— Прошу тебя, сделай так, чтобы он любил меня, хотя бы вполтину так же сильно как

я. И тогда я стану самой счастливой женщиной во вселенной.

— Ты с ней играешь или просто творишь волшебство, моя маленькая огненная дрийя!

От раздавшегося за спиной голоса, напоминающего шелест опавших листьев на ветру, вздрогнула и испуганно обернулась, натолкнувшись взглядом на Тервишесса, одетого лишь в обтягивающие сильные ноги кожаные штаны. Громко сглотнув, чем невольно вызвала удовлетворенную улыбку на его лице, жадно смотрела на обнаженное, великолепно сложенное тело. У меня даже коготки на пальчиках ног поджались от нестерпимого желания коснуться его. Насладиться его теплом и гладкостью покрытой коротким молочным мехом груди. И неважно, что я уже давно потеряла покой, желая не человека, уже все было для меня не важно, потому что он сделал последний шаг и, наконец, выполнил самое заветное сейчас желание, которое я мысленно выкрикивала. Он коснулся меня своей большой рукой, ласково проведя по задранной к нему голове, зарылся в густых, длинных волосах, мягко массируя и одновременно большим пальцем поглаживая лицо.

Но опять ласка резко прекратилась, он отстранился, но на этот раз было заметно, что ему для этого пришлось предпринять усилие. Сделав шаг назад, он распахнул огромные черные крылья и взлетел в сторону леса. Я же осталась раздавленной одиночеством, слезы потекли по щекам, прокладывая дорожки в мягком нежном едва заметном мехе на моем лице. Взмахнув крыльями, невысоко взлетела, судорожно решая, как избавиться от раздражающих грудь рыданий и боли. Я снова отвергнута, снова никому не нужна, и в очередной раз со всеми проблемами придется справляться самой. Никогда и никому не было до меня большого дела, а уж до моих переживаний и проблем — тем более. Вяло махая крыльями, зависнув над одним из самых больших распустившихся ночных цветков, роняла на него горячие слезы и не знала, что делать и как жить дальше.

— Почему ты плачешь, малышка?

Вскинув зареванное лицо в сторону такого любимого голоса, столкнулась с синими даже в свете луны глазами. Только сейчас они напоминали цветом штормовое небо от тревоги, плескавшей в них. Наверное, только эта тревога заставила меня говорить.

— Из-за тебя, Тер! Ты снова отверг меня!

— Ты плачешь, потому что я отлучился отослать твою охрану подальше, чтобы не мешали?

В мягком шелестящем голосе слышались и удивление, и легкая насмешка. Я же, округлив глаза, все еще не могла поверить, что мое желание наконец-то сбудется.

— То есть ты... Ну... не улетишь... не уйдешь... не бросишь меня?

Все так же медленно помахивая крыльями, он приблизился ко мне, и мы словно две бабочки зависли над прекрасным цветком, освещенные лунным светом. Заключив мое лицо в ладони, прошептал.

— Никогда не уйду! Не брошу! И не улечу от тебя больше! Мой огонек!

Он приник к моим губам, тихо клацнув клыками по зубам, давая возможность ощутить нежность и сладость его губ. Я вцепилась в широкие плечи руками, мы парили над землей, и я не ощущала разницы в росте, обхватив его тело руками, ногами и хвостом. Медленно, не прекращая поцелуя, опустились на землю, точнее это он стоял, я же довольно усердно изображала лиану, обвиваясь вокруг его тела и все теснее прижимаясь к нему. Он рывком содрал с меня рубашку, я не возмущалась, забывшись в его аромате, в его руках, которые сжимали мои ягодицы, прижимая к паху и заставляя гореть в предвкушении. Здоровые мысли таяли с каждой секундой этого чувственного безумия. Наши штаны постигла та же участь,

что и рубашку, на поляне стояла абсолютно обнаженная пара, в диком животном приступе страсти буквально прилипшая друг к другу. Вцепившись ему в волосы, я пробовала и облизывала его губы, скользящие по моему лицу, собирая остатки слез, и язык, хозяйничающий у меня во рту. Но я больше не плакала, я рычала, стонала и всхлипывала — так велико было напряжение, нарастающее в груди, и он его тоже почувствовал, потому что мы упали в траву, взметнув телами сотни маленьких сверкающих светлячков. Они повисли над нами, и у меня на мгновение возникло ощущение нереальности и сказочности происходящего. Благоухающая тысячами цветов ночь, огромная луна над нами, любимый мужчина, ласкающий мое тело, и сотни маленьких светящихся свидетелей этого безумства — нашего единения. Когда он, наконец, проник в меня и начал двигаться, наполняя внушительной размером плотью, показалось, что мое тело начинает гореть, и огонь этот распространяется из места нашего соединения. Мои крылья и волосы огненным покрывалом раскинулись по земле, а сверху наши двигающиеся в едином ритме тела накрыли его крылья, черным пологом скрывая от остального мира. Кусала его плечо и тут же зализывала раны, когтями царапала кожу у него на спине и сходила с ума от того невероятного напряжения, что росло внутри меня. Его толчки становились все резче, сильнее, уже причиняя легкую боль, тем не менее, смешанную с наслаждением. А затем произошел взрыв, заставивший нас обоих застыть в напряжении и с глухим рычанием откинуть головы и завывать. Я не знаю, что испытывал он, я же в первое мгновение почувствовала, что горю. Точнее, будто в меня плеснули жидким огнем, который со скоростью распространяется по всему телу, мгновенно превращая боль в дикое ни с чем несравнимое удовольствие. Со взрывом внутри — вот с чем это можно сравнить, причем с полным выносом мозга и срыванием крыши.

Контроль над своим телом я потеряла, а потом потеряла и контроль над своей магией, она вырвалась наружу, окутав нас ревушим пламенем, к нему присоединился ветер, словно торнадо захватывая в безумную воронку и поднимая над землей. Открыв глаза, я как будто со стороны наблюдала, все еще находясь в чувственном экстазе, как огонь смешивался с торнадо, сплетаясь в танце страсти в единую стихию вокруг нас. Невероятно, мистически и волшебно — только такие мысли пришли в голову, пока я, обхватив своего бога всеми конечностями словно спасательный круг, все еще чувствуя внутри себя его налитую плоть, прижималась к нему и плакала. Только уже от счастья, удовольствия, ощущения, что уже никогда после этого не смогу быть прежней. Я изменилась, точнее он меня изменил, полностью.

Стихии утихли, и мы снова опустились на землю в небольшой выжженный круг под нами, а я все цеплялась за него, не в силах расстаться и разжать руки, чтобы выпустить его из своих объятий. Только одна мысль, что придется разомкнуть объятия, принесла боль. Он отступил с черного пятна, на зеленую траву, встав на колени, уложил меня и тут же улегся рядом. Крепко прижимал к себе и что-то шептал на ухо — тоже не остался равнодушным участником нашего единения. Распластавшись по великолепному телу, потерлась щекой о мохнатую грудь, покусывала горошинки сосков и тут же почувствовала, как его плоть снова настойчиво упирается мне в бедро. Подняла счастливое лицо, заглядывая в его глаза и впервые, столкнувшись с взглядом Тервишесса, в котором ярко горели нежность и обожание, сменив холод и бесстрастность. И я поторопилась насладиться этими непривычными чувствами, исходящими от него. Подтянувшись по его телу, целовала лицо: глаза, брови, щеки, скулы и губы, и даже клыки — ничего не обойдя своим вниманием. Иногда, не сдержавшись, я шептала.

— Мой! Только мой! Ты только мой! А я только твоя!

Гладила его тело, восхищаясь скульптурными, четко вылепленными линиями, мягким плюшевым покровом. Перекатывающимися мускулами на груди, руках и ногах. Не чувствуя неловкости, испытывая непреодолимое любопытство, изучала каждый сантиметр его тела. Когда дошла до столь внушительной его части, которая гордо торчала, меня перевернули и подмяли под себя. Второй раз в точности повторил первый, и я вконец сорвала себе горло и до крови искусала губы.

Как оказалась в выделенном нам гостевом домике, я помнила плохо, но вот проснувшись и почувствовав Тери рядом с собой, поняла, что моя жизнь, наконец, изменилась к лучшему, и я счастлива как никто другой и никогда ранее.

Он лежал на спине, и мои крылья, лежащие поверх его, резко контрастировали по цвету. Тьма и пламя — восхитительное сочетание. Моя рыжая лапка, скользящая по его молочной шкуре, еще больше умилила, и я, нагнувшись, вдохнула его аромат, а потом, не удержавшись, потерлась об него, чтобы как можно больше его осталось на моем теле. Я излучала столько любви, что его скоро в ней купать можно будет. Взяла обеими руками его лапу, с жуткими, смертельно опасными когтями и, положив голову ему на плечо, обернула ее вокруг себя и прижалась к ней губами, выцеловывая дорожки. Каждый коготок, палец и подушечку на ладони. Зарылась в его ладонь лицом, наслаждаясь ее мягкостью и теплом. А потом накрыла ее своей, молясь про себя, чтобы каждое утро начиналось именно так. Рядом с ним и после ночи неземной любви. По щеке скользнула слеза от страха, что мои мечты редко сбывались, но тут его рука напряглась, и моя голова съехала вниз, а надо мной навис Тери, пристально разглядывая мое лицо с мокрыми дорожками от слез. В его глазах сверкали неприкрытая тревога и напряжение.

— Почему ты плачешь, Огонек?

Я замерла, но все же сказала правду.

— Потому что боюсь! Боюсь, что ты снова будешь смотреть на меня холодным бесстрастным взглядом. Боюсь, что эта ночь и это утро никогда не повторятся!

Он нахмурился, в глазах мелькнуло удивление и легкая неуверенность. Потом он прошелестел странно хриплым голосом.

— Юлия! Малышка моя! Понимаешь... Представитель моего рода... Нас всех прокляли из-за моего деда. Его несдержанность в отношениях, развлечениях и желаниях привела к столь трагичным последствиям. Отец сгорел, пытаясь спасти свой народ, а мать наверное последняя из дрийя, кто способен был любить, ушла вслед за любимым мужем. Наша раса на грани вымирания, и я в ответе за них. Жизнь научила меня ответственности за других, умению контролировать себя, свои эмоции и желания. Это очень важно для правителя. Прости меня, если причинил тебе боль отношением или поведением, мне иногда кажется, что я слишком многое уничтожил в себе. Но ты вытаскиваешь из меня наружу столько всего забытого, нового и незнакомого, что боюсь, сама скоро пожалеешь об этом. Я могу быть слишком большим собственником и отобрать у тебя всю свободу!

Последнюю фразу он сказал с каким-то угрожающим рыком и снова посмотрел на меня с напряжением. Успокоенная его словами и обрадованная тем, что ради меня он меняется, ласково коснулась его лица. Такое любимое обожаемое клыкастое лицо. А ведь любовь слепа, это точно, потому что я не вижу его недостатков. Потому что для меня он состоит из одних достоинств.

— Я согласна, если ты всегда будешь рядом! И я буду рада вытащить из тебя что-то

хорошее!

Я улыбнулась и, испытывая смущение, зарылась лицом у него на груди, обвивая его талию своими руками, а хвостом — бедро. Он мягко расслабленно засмеялся, но смех быстро сменился напряжением и молчанием. Затем он нежно разжал мои руки и приподнялся, прикрывая мое тело одеялом. Как только он это сделал, раздался короткий стук, а потом в комнату вошел Шервисс, чтоб ему икалось следующий век.

— Отряд готов к отлету, ждем только вас.

Тери коротко кивнул головой, а Шервисс отступил в сторону, пропуская двух знакомых девушек-эльфик, которые привычно быстро накрыли на стол и скрылись, тем не менее, бросив на меня любопытный и даже, как мне показалось, теплый взгляд. Шервисс вышел вслед за ними, а мы приступили к еде. Но прежде я под горячим настойчивым взглядом Тери оделась и умылась в тазике с водой. При этом молча печально вспомнив несчастливую судьбу рубахи и штанов, но за все надо платить. А за эту ночь я была готова заплатить чем угодно, что уж говорить про пару шмотья.

Мы снова летели, только теперь полет был более радостным. Прошедшие с той волшебной ночи еще три, были похожи на первую. Каждую ночь он был со мной, уединившись от всех, заставляя гореть в огне любви мое сердце и тело, отдававшие взамен все что чувствовала я. Но утром он снова вел себя сдержанно и немного отстраненно, как будто надевая бесстрастную маску, но я ждала и верила, что придет время, и он научится меня любить, а не только желать. Просто требуется время и вера.

На нас все время смотрели другие дрийя, раздражая меня любопытными взглядами. Но стоило Тери обвить мой хвост своим, делаясь теплом и успокаивая, как серый день расцветал красками и солнечным светом. Я все время крутилась возле него, стараясь как можно чаще прикасаться к нему, и что об этом думают другие, меня мало волновало.

Иногда носилась по голубым просторам неба, то опережая, то отставая от остальных, и заигрывала с теплыми воздушными потоками, вызывая улыбки на лицах мужчин. В один из таких моментов солнце закрыла тень и, подняв голову, я в ужасе заметила нескольких драконов, летящих косяком. Опустив шипастые головы, они следили за нами. И впереди всех летел уже знакомый дракон. Арвен! Вокруг меня образовался плотный круг телохранителей, а рядом завис Тери, захватив в плен мой хвост. Дальше я только успевала следить за ходом событий. Драконы спустились до нашего уровня и остановились напротив. У меня внезапно появилась стойкая ассоциация, что мы похожи на две конкурирующие группировки фанатов футбола, только бит и цепей не хватает. Драконы злобно прошипели:

— Проклятые!

— Ящерицы! — получили в ответ презрительное.

Тервишесс, хвостом подталкивая меня к себе за спину, голосом, подобным грохоту торнадо, спросил, обращаясь к Арвену.

— Что вам надо?

— Ты же знаешь ответ на свой вопрос! Она! Огненная! Я первый ее нашел, значит, она принадлежит мне! Если не вернешь, мое боевое крыло уничтожит вас!

Я почувствовала, как напрягся Тервишесс. Потому что его хвост сжал мой с такой силой, что впору зашипеть от боли в зловредной конечности, но с трудом я сдержалась.

— Она дрийя и может принадлежать только себе подобным! Она моя истинная пара, а значит, принадлежит только мне. Запомни это, ящерица! Или она так тебя своим огнем поджарила, что последние мозги растерял?!

Пропустив мимо ушей это едкое яростное замечание, Арвен обратился ко мне вкрадчивым шипящим голосом, сверля при этом черными змеиными глазами, от чего меня пробрало до дрожи в коленках.

— Вернись ко мне, девочка, ты не пожалеешь! Я прощаю твою глупую выходку.

Я лишь молча, отрицательно покачала головой. А Арвен продолжил настойчиво убеждать, пока я напряженно рассматривала пятнадцать драконов, глядящих на нас как на свежее мясо.

— Я говорил тебе, Юлия, что они не умеют любить! Ты потухнешь в их холодной никчемной обители порока и разврата. Без пламени обоюдной любви погибнешь как и Даирс, я же чувствую в тебе этот огонек, который стремится разгореться в неистовый пожар. Я дарю тебе такую возможность, заставлю разгореться. Я буду любить тебя, моя девочка, и

не позволю страдать. Иди ко мне, я смогу сделать тебя счастливой.

Я замерла в шоке от страстного монолога, неожиданного в устах дракона, совсем недавно гонявшего меня в горах, пытаюсь превратить в хорошо прожаренный бифштекс, а Тер, почувствовав мое удивление, напрягся и сам зашипел почище ящерицы, скорее всего, неправильно его растолковав.

— Не тебе судить нас, дракон! Вы не знаете нас, да сами ничуть не лучше, если даже ваши самки ищут любви проклятых вами дрийя!

Драконы дружно зашипели и заволновались, шумно взмахивая крыльями и выпуская пар из носовых щелей. Арвен лишь презрительно хмыкнул и зашипел:

— Последний из проклятого рода Черных Властелинов. Из-за одного из вас погибла моя сестра, заложив душу Черному богу. Дрийя не место на землях Лайдоса, я позабочусь о том, чтобы стереть о вас даже упоминание.

Он резко выдохнул струю огня, а Тер выставил воздушную преграду. Я тоже ответила огнем, в итоге нас раскидало в разные стороны от взрыва. Они оба гневно посмотрели на меня и практически одновременно выдохнули:

— Снова играешься с огнем, маленькая дрийя!

— Юлия, никогда не мешай мне исполнять мужские обязанности, твое дело всегда стоять у меня за спиной!

От заявления Арвена ехидно улыбнулась, зато последовавшее за ним от Тера, заставило подавиться своей улыбкой, и сначала гневно, а потом умильно посмотреть на любимого. Мой защитник! Я резко развернулась к Арвену и быстро заговорила, пытаюсь остановить разыгравшуюся битву.

— Остановись, Арвен! Я не знаю тебя, ты не нужен мне, разве стоит моя персона гибели твоих драконов и чужих тебе дрийя.

Он лишь усмехнулся, и огромная черная туша сделала медленный облет Тера, при этом он косил в мою сторону настороженным черным взглядом.

— Это уже не важно, огненная! Мы здесь, и наш спор должен быть решен любым способом. Лично для меня предпочтительнее смерть. Всех дрийя!

Вокруг нас летали молнии, лились дожди и еще множество магических штучек нашей охраны, отражавшей пламенные атаки остальных драконов. Кое-кто из дрийя, верно владеющие магией земли и здесь, наверху, оторванные от нее, вцепившись в чешую драконов, драли их когтями и клыками. Мягко говоря, тошнотворное зрелище для лиц, не достигших более зрелого возраста, к коим я относилась, судя по внутренним ощущениям в этот момент. В ужасе заорала, предприняв настойчивую попытку достучаться до черного мстительного дракона.

— Да пойми же ты, наконец, Арвен! Я не люблю тебя. Ты слышишь, я люблю его. Люблю больше всего на свете.

На мой крик они отреагировали по-разному. Арвен помрачнел и сказал:

— Тем хуже для него!

А Тервишесс замер, пораженно глядя на меня, и это его чуть не сгубило, потому что Арвен напал внезапно. Я уже хотела заорать, но Тер вовремя увернулся от струи огня, одновременно с этим заключив меня в странный пузырь или переливающуюся сферу. Пока я штурмовала ее стенки, она мягко пружинила меня обратно в центр, и после нескольких неудачных попыток выбраться, оставалось лишь молчком наблюдать за происходящим сражением. И если раньше я боялась за жизнь своих новых соплеменников, то теперь в

исходе битвы была уже не так уверена.

Гораздо более крупные по сравнению с дрийя драконы были неповоротливыми медлительными и тяжелыми на подъем. Даже их ответное пламя не было столь метким, как им бы этого хотелось. Я наблюдала за битвой титанов — по-другому это побоище не назовешь. В стороны летели паленные перья, куски драконьей плоти и раздавались то мрачные ругательства, то глухой болезненный рык. Мельтешение тел, огонь, вода и ветер, смешанный с молниями или градом вызывали у меня головокружение, подкатывала тошнота. Как мне показалось, победа уже практически была у нас в лапах, осталось лишь немного поднажать. Арвен с Тери соревновались пока в магическом искусстве, пытаюсь выяснить кто сильнее, но тут произошло непредвиденное.

Эйнисс — самый старший дрийя, сраженный прямым попаданием пламени по крыльям, полетел, кувыркаясь, вниз, а заметивший это Шервисс отвлекся от своего противника, чтобы перехватить товарища на лету. Оставшийся в одиночестве серебристый дракон, уже изрядно потрепанный и окровавленный, ринулся в сторону Тера и Арвена. И на подлете выпустил в спину Тера огонь. Тервишесс, словно почувствовав опасность, резко развернулся, уходя с траектории огня, но не успел — ему в бок ударила волна огня.

Я смотрела на все это словно в замедленной съемке, и боль в груди все нарастала. Вот он заваливается на здоровый бок и падает как сломанный стебель цветка, и нет рядом силы, способной остановить это падение, спасти этот прекрасный цветок, залечить раны стебля. Глаза медленно закрываются, и в последний миг я успеваю перехватить его взгляд, полный грусти и боли. Его боль смешивается с моей, усиливая ее и заставляя перелиться через край. Мое пламя вырывается наружу и словно наводнение заполняет всю сферу, сдерживающую меня, при этом, не причиняя мне вреда, но разрушая ее саму. Я стремительно лечу к медленно падающему телу и замечаю, как к нему так же быстро летит пара наших телохранителей, тоже в крови. Своей или драконьей, мне не ведомо, но это уже и не важно, потому что они подхватывают его, а я замираю между ними и драконами. Во мне горит лишь месть и боль. Его боль и моя боль, и страх за него. И страх пересиливает месть, заставляя выйти из транса и прохрипеть застывшим, словно мухи в киселе, драконам. Голосом, от которого у меня самой зашевелились от страха волосы на загривке. Голосом, в котором бушевало пламя и еще не утихшая жажда мести и голод огня.

— Я послана богами, чтобы спасти дрийя! Неужели, Черный Арвен, ты не хочешь, чтобы дух Даирс наконец освободился? Я уничтожу любого, кто посягнет на жизнь моего любимого, и каким способом — не важно. Как ты думаешь, дракон, что боги сделают с посягнувшим на их посланца?! Во мне их кровь и плоть, и не тебе решать, кому сегодня умирать! Проваливай отсюда, пока проклятье не легло и на твой народ!

Я блефовала, так как сил во мне осталось слишком мало. Мое пламя, жадно гудящее вокруг тела, требовало подпитки, и пока оно не получило своей жертвы, грызло изнутри меня. К счастью, блеф сработал, драконы медленно отступили, нехотя развернувшись. Они улетали, тяжело, а некоторые с большим трудом, махая крыльями. В этой битве досталось всем, и победителей не было.

Я усмирила пламя, с трудом закрыв его внутри, и только после этого смогла повернуться к своим. Все восемнадцать дрийя, включая Шервисса, удивленно и с уважением смотрели на меня, затем опустили головы, признавая мою волю. Хриплым скрипучим голосом попросила опустить Тери, находящегося без сознания в руках двух телохранителей, на землю. Я немогла кого-то винить в случившемся, все были заняты, и Шервисс спасал

другого. Такое могло случиться и при другом раскладе, но я не могла смотреть сейчас ни на кого, кроме Тери. Сейчас меня заботило только его состояние.

Приземлившись, я в два шага, оказалась возле него и с дрожью в сердце руками коснулась его груди и заплакала от счастья, услышав мерный сильный стук его сердца. Весь правый бок сожжен до костей. Одежда свисает палеными клочьями вместе с кожей. Убрав одежду с раны, я начала лечение, сконцентрировав всю оставшуюся энергию.

Живот прилип к позвоночнику от дикого голода, мушки мелькали в глазах, а руки горели от использованной без остатка магии. Я была на пределе и держалась только благодаря силе воли и желанию видеть Тери живым и здоровым. Я почти лежала на нем, когда, открыв глаза, увидела, что его раны покрылись молодой тонкой лысой шкуркой. Но отдышать было нельзя, необходимо было помочь еще и Эйниссу с обожженными крыльями. И только после этого закрыла глаза и провалилась в беспамятство.

Очнувшись от того, что на меня кто-то пристально смотрел. Медленно приоткрыла глаза, ожидая кучу неприятностей, а натолкнулась на горячий нежный взгляд синих глаз Тервишесса. Увидев, что я пришла в себя, он ласково провел ладонью по моей щеке, спускаясь к шее. Потом с другой стороны, так же медленно, приятно и нежно. Мне показалось, что он изменился чуть-чуть, это заметно отразилось в синеве его глаз, из которых еще немного ушли холод и пустота, заполнившись теплом, глубоко спрятанным в душе. По моей щеке пробежала слеза, и он напрягся, нахмутив черные дуги бровей. Я же только прошептала, чувствуя себя голодной, но счастливой:

— Я испугалась за тебя! Чуть с ума не сошла! Будь впредь осторожнее!

Он, слегка задрал в удивлении брови, прошелестел слабым ветерком, снова нежно погладив мое лицо.

— Хорошо, буду! Я за тебя тоже очень испугался, так что держись всегда позади меня!

Я криво улыбнулась, слабо веря, что смогу вспомнить это обещание, когда нам будет грозить очередная опасность, но кивнула головой и добавила твердости обещанию.

— Хорошо, как скажешь! Очень кушать хочется!

Мрачное лицо озарила, по-другому это чудо не назовешь, мягкая улыбка, преобразившая его в один момент, превратив в озорного мальчишку, каким ему не довелось побыть.

— Юлия, ты вечно голодная! Но это тот случай, когда я полностью поддерживаю твое желание.

Он начал отстраняться от меня, а я не выдержала и прижалась к нему всем телом. Недавний ужас от возможной потери все еще жил во мне, не давая здраво мыслить. Обняв меня в ответ, он хрипло спросил:

— Что случилось, маленькая? Что тебя так напугало?

Я шмыгнула носом и честно призналась.

— Ты! Ты меня напугал! Чуть не умер, а я... Я бы без тебя тоже умерла! Боюсь! Так сильно боюсь снова тебя потерять!

Он погладил мои волосы на затылке, потом провел по спине и, еще крепче прижав к своему стальному телу, прошептал.

— Никогда не потеряешь! Это я тебе обещаю! А слово дрийя — закон для него самого! Мой маленький колючий упрямый огонек!

Я знаю, он слышал слова, которые я кричала Арвену про любовь, но он молчал, и я молчала тоже. Меня покормили, можно сказать на убой. И снова уложили на расстеленные плащи отдышать.

Когда я проснулась в следующий раз, почувствовала себя восстановившейся и полной сил. Вокруг стояла ночная тишина, нарушаемая лишь стрекотом насекомых. Тервишесса рядом не было, и это расстроило. Двое мужчин сидели возле костра и тихо разговаривали, охраняя покой остальных дрий. Заметив, что я проснулась, они внимательно уставились на меня. Кивнув им, кряхтя встала, складывая затекшие от долгого лежания крылья и направилась в лес, но пришлось остановиться и бросить недовольный взгляд на телохранителей, молчаливой тенью следующих за мной. Потом шепотом, чувствуя неловкость и смущение, пояснила, что иду в туалет, и они, усмехаясь, вернулись к костру. Вздохнув с облегчением, пошла по своим делам, углубляясь чуть дальше в лес. Решив свои проблемы под кустиком, сквозь ветки деревьев заметила блеск воды, совсем недалеко, и как под гипнозом пошла туда.

Уже через пару минут вышла на берег небольшого круглого озера, в котором отражалась луна. Создалось ощущение, что озеро буквально до краев наполнено лунным серебром, которое переливалось и мерцало между берегами. Невероятное зрелище, особенно когда я заметила, как прямо ко мне плывет мой бог, мощно и красиво двигаясь. Он встал и начал медленно, не отрывая от меня темного взгляда, выходить из воды. По его телу струились капельки воды, оставляя затейливые следы и разводы на его шкуре, а я, уже не думая, только наслаждаясь открывшимся мне зрелищем, нервно и торопливо снимала с себя одежду. Скинув ботинки вместе с брюками, под насмешливым горячим взглядом Тери, который уже практически вышел по пояс из воды, рывком содрала с себя рубашку и ступила в воду. Она оказалась на удивление теплой и приятной. Дойдя до него, положила ладони ему на грудь и ласково провела по ней, от чего он улыбнулся и прикрыл глаза. Я изучала его руками, потом губами, а потом у него истощилась выдержка, потому что он подхватил меня под ягодицы и прижал к себе, медленно погружаясь в мою глубину. Его движения сопровождалось глухим рычанием, вырывавшемся из горла, а голова сильно запрокинулась назад. Это соитие отличалось еще большим выплеском энергии, от чего вокруг нас даже нагрелась вода и бурей чувств, которые мы оба испытывали. В два шага добравшись до берега, меня накрыло огромное тяжелое тело, буквально пришилившее к земле, все сильнее увеличивая темп и накал эмоций. В преддверии взрыва я не выдержала и прохрипела, цепляясь за его плечи как за спасательный круг в штормовом море.

— Я люблю тебя Тери! Я так сильно люблю тебя, мой бог!

Затем меня поглотила вспышка экстаза, накрывшая с головой и заставляющая гореть мое сердце, взметая искры до небес. После того, как мы успокоились, и я снова оказалась в коконе его крыльев на груди, неуверенно спросила:

— Тери, скажи, так будет всегда? Нереально хорошо? У нас? А у других?

Он помолчал, а я с упоением слушала как сильно и мощно бьется его сердце. Потом у меня возле макушки прошелестел его короткий вздох, а затем раздался волшебный голос, заставивший трепетать все мое тело.

— Не знаю как у других, но тебе я обещаю! У нас так будет всегда! Я постараюсь! И я рад, что ты так высоко ценишь мои способности доставлять тебе удовольствие.

Я приподняла лицо и посмотрела в глаза любимого.

— Это не просто удовольствие, Тери, это сравнимо с маленькой смертью и новым рождением. А... тебе хм-м... Нравится быть со мной?

Его улыбка, появившаяся после моего откровения о полученном удовольствии, стерлась, стоило задать вопрос, явно свидетельствующий о моей неуверенности в себе и его

отношении ко мне, как показалось, он удивился этому.

— Я так же как и ты, умираю и возрождаюсь вновь. И подобное я впервые испытываю только с тобой. И никогда с другими.

Как представила этих других, так руки сами непроизвольно сжались вокруг его тела в попытке уберечь, оградить, присвоить. И бедняга-проказник хвост судорожно пытался обвить вокруг его талии, потом бедра, а потом, если смог бы, то плюнул от разочарования и невозможности приподнять такие тяжести, зазмеился к черно-белому хвосту и оплел его, на сколько хватило длины. И только после этого я смогла издать облегченный удовлетворенный вздох под мягкий смешок Тери, который и сам был не против обнять меня покрепче. Только через час, Тери, почувствовав, что я засыпаю, искупал меня в теплой воде, лично смывая всю грязь, собранную на берегу, а потом мы быстро обсушились, используя совместно примененную магию огня и ветра. Одев меня, подхватил на руки и, баюкая словно ребенка, понес в лагерь, а я, цепляясь за него руками, заснула под мерный стук сердца большого любимого мужчины.

По территории дрийя мы летели уже двое суток, и только на трети показался огромный город среди горных вершин. Изящные с виду, но весьма крепкие каменные дома буквально вырастали из скальных пород. То тут, то там возникали узкие переходы, смертельно опасно повисая над пропастями. Серая масса гор перемежалась разноцветными мраморными домами, витражами и переходами. Везде пестрели всяческие клумбы с яркими цветами, часто встречались зеленые лужайки с удобными лавочками, парковые зоны с низкорослыми деревьями, дорожками и подвесными мостиками. Иногда прямо из скалы бил или фонтан, или многокаскадный водопад, доводя мое воображение до изнеможения. Как это вообще возможно?

Я парила рядом с Тери и крутила головой по сторонам. К нам слеталось множество незнакомых дрийя, которые с любопытством и надеждой смотрели на нас. В основном их внимание доставалось мне. Я уже опасалась их возможному отношению ко мне, если не смогу снять проклятье. А еще меня сильно тревожил вопрос, а коснулось ли меня их проклятье, смогу лично я иметь потомство, даже если это не получится у них? Прав ли Арвен, что я новое поколение, не тронутое проклятьем?

Разглядывая женщин дрийя, вспомнила мнение Шервисса о моей одежде. Их одежда, если ее можно так назвать, не скрывала, а очень откровенно подчеркивала все их многочисленные достоинства. Небольшие яркие кусочки на груди, притягивающие мужские взгляды, и длинные воздушные лоскутки на талии, прикрывающие лишь стратегическую интимную зону, игриво колышутся при любом движении необыкновенно красивых женщин. А вместо ботинок на них скорее позолоченные или разноцветные подошвы, с несколькими яркими тесемочками для удержания на изящных ножках красавиц.

Мужчины количеством одежды тоже не подкачали, одетые в цветные полупрозрачные шаровары, и в лучшем случае — жилетки, украшенные бисером. А ведь Арвен прав, это БОРДЕЛЬ! Сказочно красивый горный бордель. Мой хвост уже привычно метнулся к Тери, обвивая его хвост и притягивая поближе. А в голове билась только одна мысль. Как при таком разнообразии удастся его удержать рядом со собой? С трудом!

Я металась по комнате, яростно шипя словно разгневанная кошка, и это сразу после свадьбы, а что будет дальше, боялась даже представить. Белоснежная юбка и лифчик, который они именовали топиком, резко контрастировали с моей огненной шевелюрой и рыжей шкуркой и очень шли мне. Но это уже не было интересно и волнительно как еще несколько часов назад.

Сразу по прилету, Тервишесс объявил о нашей свадьбе. А через три дня после нашего появления в замке Черных Властелинов, который теперь будет моим домом, меня с утра нарядили в эти "одежды" и чуть ли не под конвоем членов Совета привели на небольшую каменную площадку в центре городской площади. Мы с Тервишессом в белых одеждах стояли друг напротив друга, причем от его вида не только у меня замирало сердце и останавливалось дыхание, но и у многих, многих других женщин, смотревших не столько с восхищением, сколько с вожделением, от чего у меня стремительно падало настроение.

Главный жрец бога Ганту, которому служили и поклонялись все дрийя, соединил наши руки, предварительно порезав ладони и сомкнув их вместе. Потом полилась таинственная песня, и мне на миг показалось, что она не уходит в пространство, а словно накручивается

на наши запястья, рисуя невидимые узоры. Как только жрец закончил петь, я увидела витиеватый синий рисунок на моем запястье и такой же — у Тервишесса, только красного цвета как и мои крылья. Он внимательно, с улыбкой рассмотрел наши запястья и, сложив их, продемонстрировал мне, что тату движутся то сливаясь в одну, то снова расходясь врозь, но все время дополняя друг друга, являясь единым целым. Отстранив свою руку, твердо глядя на меня, сказал:

— Теперь ты навсегда моя, и никто не в силах это изменить! Осталась только одна малость, и пойдём праздновать.

Он посмотрел на жреца, и я увидела четыре тонких парных одинаковых браслета с черными рунами, вырезанными на них. Похоже, это и есть браслеты Ганту, гарантирующие супружескую верность. Я неуверенно посмотрела уже на моего мужа и сказала:

— Ты хочешь, чтобы мы их надели?

Он слегка нахмурился, заметив мою неуверенность, и мрачно заметил:

— Ты обязана их надеть! Таков закон Высоких лордов!

Услышав его бесстрастные холодные слова, почувствовала как холод пробирается и в меня и тихо сказала, твердо и уверенно посмотрев ему в глаза.

— Я люблю тебя, Тери! И чтобы хранить тебе верность, мне не нужна поддержка! А вот тебе у меня подобной уверенности нет! Я надену их, если ты так желаешь этого, но только после того, как их первым наденешь ты!

Все зароптали вокруг, Тери молча стоял и сверлил меня мрачным взглядом. Я же, чувствуя, как все обрывается внутри, смотрела на него и пыталась скрыть боль за вызовом в глазах. Он хрипло спросил:

— Ты хочешь забрать не только мою корону, но и достоинство, малышка? Стать выше меня? Чтобы я признал тебе главной, Высокая леди из рода Черных Властелинов? Нет! Боюсь, тебе придется выполнить свой долг перед законом и надеть браслеты первой!

Боль затопила все внутри меня, но гордость помогла выстоять и не согласиться.

— Я, Рожденная Огнем, уже сказала свое слово и не могу его изменить! Ведь ты сам сказал, что слово дрийя — закон для него. Мой закон для меня выше любого другого, тем более, как понимаю, я его не нарушаю и жду от тебя того же, но ты, похоже, не намерен хранить мне верность как я тебе?!

Окружающие все напряженнее следили за нами, шепотки прекратились, а жрец в недоумении взирал на нас. Ведь брак уже заключен, и расторгнуть его нельзя, а мы не просто обычные дрийя, которым можно приказать прекратить распри и закончить процедуру. Тервишесс еще несколько мгновений сверлил меня глазами, в которых нельзя прочесть ни малейших эмоций, а потом, уже разворачиваясь, произнес, добивая меня окончательно.

— Ну что ж, когда примешь правильное решение, сообщишь!

И ушел прочь, оставляя меня посреди площади в окружении тысяч дрийя, разглядывающих меня как обезьяну в цирке. Неловко вертя головой, я заметила, как на лицах стоящих рядом мужчин и женщин отражаются разные эмоции. Только семеро старейшин смотрели недоуменно и осуждающе, остальные выдавали целую палитру различных эмоций. Некоторые осматривали меня и решали, стою ли я тех претензий, которые предъявляю, некоторые открыто восхищались, скорее всего моей наглостью, кто-то уже смотрел плотоядным взглядом, наверное, снова охотничий азарт разыгрался. Женщины наблюдали с любопытством или завистью, в зависимости от того, чего хотели от жизни сами. Слишком

много различных эмоций, а у меня одна и это — боль. Как будто снова предали и бросили. Рядом со мной возникли Шервисс с Харвиссом, личным телохранителем Тери, который, молча склонившись, тихо сказал:

— Высокий лорд приказал доставить вас в ваши личные покои. Пока не примите правильного решения, мне приказано охранять вас и его честь.

От этого замечания стало одновременно и смешно, и горько. Горько от того, что сам не проводил, а прислал Шервисса и охрану, а смешно, потому что боится — вдруг я тут же отправлюсь ему изменять. До чего мы докатились? Быстро же мы потеряли доверие друг к другу. Распахнув пламя своих крыльев, под общий восхищенный вздох толпы взмыла в небо, устремившись к своим покоям во дворце Черных Властелинов. Краем глаза заметила, как вслед за мной взмыли Шервисс с Харвиссом.

Вечером он так и не пришел ко мне в покои, оставив мучиться от неизвестности. Где он? С кем он? И чем занят? Поэтому моя ночь отличалась от прежних кошмарами и бессонницей. Заснула я под утро и проснулась только после обеда, чувствуя себя разбитой и немного больной. Две дамы, которых мне определили в качестве личной прислуги, помогли одеться уже в зеленый костюмчик, исполненный в духе традиционного минимализма, как будто я сама бы не справилась (что там сложного?), накрыли на стол и удалились. Уставившись в тарелку, думала свои мрачные думы, ничего не видела и не слышала. Как снять проклятье, понятия не имела, поэтому, покопавшись в памяти, воспроизвела слова Арвена и снова задумалась.

Огонь любви растопит стены твердыни холода и тьмы,
И силе покорится слабость, когда сгорев до тла,
У правящего дрийя вспыхнет сердце.
Иного нет пути и нет спасенья
Для тех, кто проклят был,
Как только в это пламя окунуться
И добровольно правящим его признать!
И тот, кто в пламени сгорел хоть раз
Способен будет жизнь другому дать.

Я крутила его слова и так, и эдак, и все никак не могла понять, что в нем не так, и почему столько дрийя не смогли решить эту задачу, и как я могу им помочь в ее решении. Сердце все сильнее сдавливали одиночество и холод. Я уже физически была не способна находиться долго без Тери. Моя любовь искала выход из сложившейся ситуации и не видела его. Только полная капитуляция, и я смирилась с ней как с неизбежным злом или условием, необходимым для обретения счастья взамен.

Глотнув прохладного морса на дорожку, я остановилась перед зеркалом, разглядывая себя. По сравнению с остальными дрийя, я невысокая и хрупкая. Волосы, заплетенные в сложную косу, пылают наравне с крыльями алым огнем. Рыжевато-персиковое лицо, на котором сверкают сумасшедшие от боли и страха глаза. Губы сжаты в тонкую линию и клычки скрипят от неуверенности и напряжения. Крылья носа яростно раздуваются в попытке обрести уверенность, а лапы сжимаются в кулаки. Зеленый короткий топик открывает рыжий животик с мягким коротким плюшевым мехом, а на золотом поясе закреплены длинные зеленые полосы легкой юбки в пол. И завершают картину золотистые тонкие босоножки. И синяя тату на руке — знак принадлежности Тервишессу —

притягивает мой больной взгляд. Вдох-выдох, все, сил терпеть разлуку больше нет, и я устремляюсь в коридор. Два телохранителя удивленно взирают на меня и следуют по пятам. Я практически бегом неслась по длинному коридору в сторону личных покоев повелителя и своего мужа. Его личная охрана меня не остановила, только подозрительно напряглись, но я не предала этому значения и зашла внутрь. Кабинет, тут пахнет морозным утром — его личный неповторимый аромат, который я с таким упоением вдыхаю. Странные голоса за дверью спальни Тери, и я иду туда, а перед дверями на тумбочке лежат четыре браслета, судя по всему, небрежно оставленные им еще вчера. Я неосознанно подбираю их и распахиваю двери спальни.

Он стоит у окна и смотрит на кровать. Я пока не вижу его глаз, но заметно, с каким напряжением он замер возле окна. На кровати извивается обнаженная беловолосая красotka, украшенная драгоценными побрякушками, позвякивающими на запястьях и щиколотках. Увидев меня, женщина прекращает себя ласкать и презрительно смотрит, а меня разрывает дикая боль изнутри. Ее так трудно вынести, что требуется помощь, я резко поворачиваю голову и смотрю уже на Тервишесса, в его глазах вижу ярость и то же презрение. Заметив меня, он замирает, и презрение сменяется удивлением, но он по-прежнему стоит не двигаясь. А я из последних сил пытаюсь сдержать непереносимую боль предательства, его измены. Боль выжигает меня изнутри, заставляя плавиться мое сердце и истекать кровью. Мне казалось, всем слышно, как кровь шипит и испаряется в огне, который горит во мне. Так больно, что когти впиваются в ладони, протыкая их чуть ли насквозь, и я чувствую, как теплая кровь капает на белоснежный ковер. Больше нет сил участвовать в этой сцене, я резко разворачиваюсь и лишь краем сознания замечаю, как Тер сделал знак рукой в попытке меня остановить или что-то сказать. Но я не хочу ничего слушать, и снова бегом несусь уже прочь от него. Прочь из этого дворца. На свободу! Пробегаю мимо молчаливой охраны, ставшей свидетелем моего позора. Несусь дальше по коридору, но чувствую, как стены давят и срываюсь в полет, выпрыгивая из окна. Распахивая крылья, ухожу свечкой в небо. Прочь отсюда как можно дальше, чтобы не совершать ошибок, чтобы подумать как жить дальше и пережить это. Меня провожали удивленные лица, расплывающиеся перед глазами. Слезы лились уже беспрестанно и, подняв руку, чтобы утереть их, заметила в ней браслеты. В первый момент хотела их выкинуть, но не смогла разомкнуть ладонь. Ведь они связывает меня с НИМ. Не смотря ни на что! Я поняла, наконец, тех безумцев, которые любят вопреки всему, отдавая себя в рабство добровольно и безвозмездно. Неужели и моя судьба будет похожа на их?

Перевалив за гору, увидела двуликое солнце и ринулась навстречу ему. Как можно ближе, как можно выше, чтобы хоть с кем-нибудь поделиться терзающей меня сейчас болью. Разве может быть столько боли в одном существе? Разве можно вытерпеть столько боли? Но я все смогу, надо только перетерпеть! Пережить! Разработать новый план, и я смогу завоевать его! Научить его любить меня. Только меня! Надо только постараться.

Наконец, я не выдержала и, застыв словно свечка, устремленная к солнцу, заорала, выплескивая всю накопившуюся боль. Всю, чтобы она не спалила оставшиеся крупинки моего существа. Мой дикий рев разнесся в разряженном воздухе среди гор. Множась и разрастаясь эхом, даже показалось, что это крик умирающего существа, а не крик боли. Я совсем выдохлась и, сложив крылья, начала падать вниз, входя в крутое пике. Мимо меня проносились скалы, камни и редкие деревья, а я все падала, не спеша раскрывать крылья. Я пыталась всплеском адреналина запустить свое умирающее сердце, но оно лишь выло в

предсмертной агонии. Еще чуть-чуть и ветер сможет наполнить мои крылья, но именно в этот момент заметила огромную черную тень, метнувшуюся ко мне, а в следующее мгновение меня обхватили сильные крепкие руки. Любимые руки Тери, который чересчур крепко прижав к себе, медленно спускался на одну из каменных площадок, освещенных полуденным солнцем.

Я застыла в его руках, укутанная собственными крыльями, и мертвыми пустыми глазами смотрела на своего бога. Его глаза горели синим бешеным огнем, в них были лишь боль и дикий страх. Голос скорее проскрежетал, чем прошелестел как раньше.

— Она сама пришла и пыталась заинтересовать меня, но я отказал ей еще раньше. Раньше, чем ты пришла, это была ее последняя отчаянная попытка, но и она провалилась. Я не хочу ее! Я не хочу никого кроме тебя, Юлия, ты слышишь. Я не притронулся к ней и пальцем. Никогда, слышишь, никогда не делай этого. Не надо! Ведь я люблю только тебя! Ты так крепко засела у меня в голове, в сердце и душе, что больше никому и никогда не удастся меня от тебя вылечить. Да я и ни хочу этого. Ты научила меня любви, маленькая моя огненная малышка. Приручила как дикое животное. Я весь твой, с потрохами. Только не умирай, девочка моя. Ты меня сейчас до смерти напугала. Слышишь? Понимаешь? Я согласен на все! На все, ты понимаешь меня?! На все, что ты скажешь или захочешь!

Я все так же молчала, не в силах поверить, что он говорит правду. Он меня любит! Тери же, не видя от меня ответной реакции, все настойчивее говорил:

— Ты хотела, чтобы я первым надел браслеты Ганту, я согласен, любимая. Даже если ты их не наденешь никогда, я согласен. Для тебя и ради тебя, любимая моя девочка!

Он мягко высвободил из моих окровавленных собственными когтями рук браслеты, провел кинжалом по своей ладони и смочил их в собственной крови, смешав ее с моей. Разделил одну пару и надел их на свои запястья. В тот момент, когда он их защелкнул, браслеты вспыхнули ярким красным цветом. Моим цветом, я отчетливо ощутила отголосок моей крови в магии браслетов на его руках. Он коротко вздохнул и снова посмотрел на меня.

— Ты довольна, любимая? Отныне я полностью твой! Безраздельно! Твой! Я люблю тебя!

У меня по щекам снова потекли слезы. Только теперь это были слезы счастья и радости. Я забрала у него вторую пару, покрутила в ладони и протянула ему. Он понял мою просьбу, провел по незажившей ранке на своей ладони мои браслеты, и я надела их на свои запястья, защелкнув. Навсегда! Они тут же вспыхнули ярким синим огнем, и я удовлетворенно поняла, что отныне тоже принадлежу только Тери! Я вскинула на него сияющие счастьем и любовью глаза и прошептала, ласково, с трепетом касаясь его лица в нежной ласке.

— Я люблю тебя и буду любить всегда! — и услышала в ответ, его твердые уверенные слова.

— Я люблю тебя и буду любить всегда! Ты главное всего на свете! Твоя любовь для меня важнее всего!

Как только он закончил, над нами вспыхнул купол проклятья, словно надули большой мыльный пузырь, а он взял и неожиданно лопнул. Лично мне показалось, что сразу стало легче дышать. Испуганно прикинув к груди любимого, я приглушенно спросила:

— Что это было?

Тервишесс подхватил меня на руки и с легким счастливым смехом закружил вокруг себя.

— Это проклятье, любимая! Оно пропало! У нас получилось! Нет, это у тебя

получилось.

Я же только улыбалась, наслаждаясь его горячими руками и теплом крупного, такого любимого тела.

— Нет, любимый, это как раз ты его разрушил!

Заметив его недоуменный взгляд, я процитировала слова второй части проклятья и пояснила свою мысль.

— Арвен сказал, что Даирс любила и лишь хотела, чтобы ее избранник тоже научился любить. И поставил свою любовь выше всех благ и удовольствий. И ты это сделал! Ты признал свою любовь ко мне самой величайшей своей ценностью, тем самым разрушив ваше проклятье.

— Так просто? Клянусь самим Ганту, я готов полюбить всех самок дрийя и признать эту любовь великой!

Мы с Тери, услышав эти ехидные и вместе с тем веселые слова, синхронно обернулись и уставились на Шервисса. А я про себя, естественно с радостью, отметила тот факт, что Тери впервые на моей памяти потерял контроль над собой на столько, что не заметил, как к нам подлетели несколько телохранителей во главе с Шервиссом и теперь благоговейно взирают на нашу сладкую парочку. Все, кроме этого темпераментного нагловатого болтуна! Поэтому так же с веселой ехидцей в голосе отпарировала:

— Ты забыл, что проклятье снято и теперь тебе могут предъявить общий счет, причем в наследниках! Так что подумай лишний раз, прежде чем делать что-либо во имя великой любви.

Эпилог

Я кормила грудью своего сынульку, поглаживая его огненные волосенки и заглядывая в уже сонно закрывающиеся белесые глаза, надеюсь, что цвет глаз ему достался по наследству от папы. Играя с маленькой, но уже такой крепкой лапкой с небольшими коготочками, вспоминала последние пару лет, прошедших с того знаменательного дня, когда пало проклятье. Было столько шуму, суеты, а сколько родилось внеплановых, со смешанной магией, незаконных отпрысков у многих дрийя. За семьсот лет они совсем отвыкли себе в чем-то отказывать. Вот и результат! Сплошные дуэли чести, призывы к повелителю женить очередного самца на великовозрастной доченьке, оказавшейся в известном положении. Зато численность дрийя неуклонно росла, как и число законных браков. Повелитель слишком радел за ответственность в жизни, поступках и чувствах, и его подданным волей-неволей приходилось перестраиваться и учиться жить по-новому, сдерживая свои животные порывы. Но судя по поведению Шервисса, общего исправления мы еще долго ждать будем.

Мои мысли прервали родные большие ладони, осторожно скользнувшие по моим обнаженным плечам. Нежно поглаживая, спустились к груди, у которой кормился маленький будущий повелитель из рода Черных Властелинов. Нынешний же, погладив пальцем нежный пушок на щеке сына, прильнул к моей спине, сильно наклоняясь надо мной, а лицом зарылся в волосы, лежащие на изгибе моей шеи. Слегка прикусив кожу, вызвал волну непередаваемо прекрасного удовольствия, а потом неожиданно для меня завладел уснувшим сыном и мягко прижал его к себе. Он смотрел на него с такой безоговорочной любовью и обожанием, что с их силой могла поспорить только любовь Тери ко мне, своей жене и матери его сына. Я больше чем уверена, что меня он любит больше всего на свете, и, не смотря на дичайший материнский инстинкт и любовь к своему пока единственному ребенку, понимала, что так же люблю Тери. Больше всего на свете. Это было жутко и в тоже время понятно. Нам двоим! Потому что мы — единое целое и разделить нас нельзя. Зато наша любовь к ребенку превосходила все мыслимые пределы, и как заявлял Шервисс, ему придется в скором времени взять воспитание нашего сына на себя, иначе мы его испортим своей опекой, заботой и любовью. Настоящему мужчине нужна дисциплина. В ответ неизменно иронично отвечала, что тогда понимаю, почему он так и не стал настоящим мужчиной. Потому что его лично дисциплине так и не научили. А моему ребенку важнее всего научиться любить и быть любимым, чтобы иметь возможность разделить ее на двоих и подарить жизнь другому.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net